

Հարգելի՛ ընթերցող.

ԵՊՀ հրատարակչությունը, չհետապնդելով որևէ եկամուտ, ԵՊՀ հայագիտական հետազոտությունների ինստիտուտի համացանցային կայքերում ներկայացնում է իր հայագիտական հրատարակությունները: Գիրքը այլ համացանցային կայքերում տեղադրելու համար պետք է ստանալ հրատարակչության համապատասխան թույլտվությունը և նշել անհրաժեշտ տվյալները:

Ереванский государственный университет

Кафедра иранистики

**Посвящается Второй
Международной Конференции
по талышеведению,
12-13 ноября 2011г.
Ереван**

**ВВЕДЕНИЕ
В ИСТОРИЮ И КУЛЬТУРУ
ТАЛЫШСКОГО НАРОДА**

**Под редакцией доктора
филологических наук, профессора**

Г.С. АСАТРЯНА

Ереван 2011

**Yerevan State University
Department of Iranian Studies**

УДК 94Э99:008

ББК 63.3+71

В 240

Утверждено к печати Ученым Советом Факультета востоковедения
Ереванского государственного университета

В 240 “Введение в историю и культуру талышского народа”/Ответ.

Ред.: Г. С. Асатрян.- Ер.: “Кавказский центр иранистики”,

2011.- 200с.

В книге рассматриваются различные аспекты истории и культуры талышского народа. Это – первый подобный опыт в данной области иранистики. Издание рассчитано, прежде всего, на востоковедов, историков, культурологов, а также на широкий круг читателей.

УДК 94Э99:008

ББК 63.3+71

ISBN 978-99930-69-69-0

© Кавказский центр иранистики, 2011

INTRODUCTION INTO THE HISTORY AND CULTURE OF THE TALISHI PEOPLE

Edited by

GARNIK ASATRIAN

Caucasian Centre for Iranian Studies

Yerevan 2011

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящее издание – результат коллективного труда сотрудников Кафедры иранистики Ереванского Государственного Университета и Кавказского центра иранистики в Ереване, выполненного в рамках общей программы по исследованию иранских народов Кавказа и Ближневосточного региона.

Кафедра иранистики ЕГУ является сегодня одним из признанных мировых центров по всестороннему изучению истории, языка и культуры ряда негосударственных этносов указанного ареала – курдов, заза, белуджей, езидов и прикаспийских народностей – талышей, мазандаранцев и гилянцев. Уже более 15 лет силами ориенталистов нашей школы издается один из наиболее востребованных международных рецензируемых востоковедческих журналов, *Iran and the Caucasus*, выходящий в издательстве BRILL (Лейден - Бостон). *Iran and the Caucasus*, по сути, стал тем инструментом, благодаря которому нам удастся вносить свою посильную лепту и в координацию издания трудов по северокавказской тематике – прежде всего касающихся осетин, аварцев, абхазов, лезгин, а также татов.¹ Большинство из указанных академических направлений в виде отдельных дисциплин присутствуют и в учебной программе Кафедры. Так, например, с 2012 г. запланировано введение специальной магистерской программы по талышеведению, в том числе по талышскому языку и диалектологии.

Основная цель данного “Введения” – в обобщении всего, что сделано до сих пор в различных областях талышеведения (история, язык, этнография, искусства и т.д). Выделены ключевые направления, требующие дальнейшей разработки и более глубокого изучения. Но обобщение в данном случае – отнюдь не буквальное отражение и воспроизведение наследия прошлого: авторы коллективной монографии представляют свое собственное видение проблем, дополняя, при этом, имеющийся материал, а порой и предлагая новые подходы к решению загадок, которыми так изобилует тысячелетняя история талышского народа. Посему данное издание – и некая попытка

¹ Кафедрой иранистики ЕГУ параллельно издаются также *Армянский востоковедческий журнал Иран-намэ* (основан в 1993 г.) и Серия *Orientalia*, включающая в основном работы аспирантов и молодых сотрудников.

проекция будущего талышских исследований. В этом смысле, я уверен, оно станет знаковым событием в истории талышеведения и стимулом к развитию данного направления иранистики.

Вдумчивый читатель сразу заметит асимметричность тематики и материалов, представленных в соответствующих главах. И это естественно – подобным образом обстоит дело в отношении большинства народов, не имеющих ранней письменной традиции. Многие обобщающие работы по курдам, белуджам, заза и пр. выглядели бы аналогично. Древнейшую и раннесредневековую историю этих народов приходится восстанавливать по крупицам, порой лишь на основе их этнического названия (этнонима) и косвенных данных, прежде всего языка, топонимии, названий культурных растений и т.д.¹ Более того, реконструкции с подобной фактологической базой, как правило, основываются на глубинном компаративном анализе. Ведь даже довольно поздние историко-культурные реалии, касающиеся народов, не имеющих ранней письменной традиции и не засвидетельствованных в исторических анналах, зачастую бывают отражены фрагментарно – положение, которое мы наблюдаем и в случае с талышами. Одним словом, структура данного труда и объемы соответствующих глав и разделов обусловлены тем объемом знаний и корпусом источников, которыми мы ныне располагаем.

По первоначальному замыслу рассматривалось также включение в работу отдельной главы по антропологии и генетическим характеристикам населения Талыша – северного (на территории Азербайджанской Республики) и южного (в Иране). Однако нам пришлось опустить данный раздел из-за отсутствия материалов и серьезных публикаций по этой тематике. В настоящее время на Кафедре иранистики ЕГУ, помимо прочего, реализуется междисциплинарный проект, включающий и исследования по генетике ряда народов региона, в том числе талышей. Я очень надеюсь, что результаты совместной работы антропологов и иранистов будут включены в дальнейшем – в виде отдельной главы или раздела – во второе издание “Введения”. Пока же, по предварительным итогам, можно сказать, что генетический тип талышей очень близок к параметрам, свойственным обитателям прикаспийского региона (гилянцам и мазандаранцам), а также

¹ Методологические аспекты этногенетических исследований и инструментарий реконструкции ранних исторических реалий при отсутствии письменных и иных источников мною подробно описаны в недавней работе, затрагивающей, в частности, вопросы происхождения курдов и перемещения носителей прото-курдских диалектов в древности (см. Asatrian 2009).

населению Атурпатакана (северных провинций Ирана), южной Армении и Карабаха.

Вместо отдельной главы, рассматривающей современное состояние талышеведения, было решено воспроизвести – в качестве “Дополнения” к данной книге – английский оригинал работы, написанной мною и Хабибом Борджяном (см. Asatrian / Borjjan 2005), которая дает полную историографию с исчерпывающей литературой вопроса. Это оправдано еще и тем, что, будучи опубликованной в международном академическом журнале, она, возможно, недоступна широкому кругу русскоязычных читателей. К тому же, наличие подобного “Дополнения” позволило авторам книги по возможности избежать пространных библиографических ссылок.

Итак, авторы, участвовавшие в составлении книги: Глава I. *О происхождении талышей: Кадусии и талыши* — Г. С. Асатрян; Глава II. *Талыш — страна Талышей* — А. Ц. Киракосян; Приложение к Главе II. *Топонимия* — С. Г. Асатрян; Глава III. *Население* — А. Ц. Киракосян; Приложение к Главе III. *Азербайджанская статистика о численности талышей и прочих меньшинств* — А. А. Марджанян; Глава IV. *Следы древнейших цивилизаций на территории Талыша* — Е. Грекян; Глава V. *Талыши в XIII-XIX вв.* — С. М. Маркарян, Р. С. Смбалян; Приложение к Главе V. *Бабек Хуррамдин* — С. А. Маркарян; Глава VI. *Страницы новейшей истории: Талыш-Муганские Республики* — С. Г. Асатрян; Глава VII. *Религия и народные верования* — В. А. Аракелова; Глава VIII. *Этнография* — А. Ц. Киракосян; Приложение к Главе VIII. *Поведенческие стереотипы современных талышей* — А. Ц. Киракосян; Глава IX. *Народное искусство* — Р. И. Амирбекян; Глава X. *Язык и литература* — В. С. Восканян; *Библиография* — составители: К. Р. Григорян, Д. Ф. Оганисян, С. Г. Давтян.

В заключении хотелось бы выразить искреннюю признательность господину Грачу Габриеляну за поддержку издания настоящей работы.

Г. С. АСАТРЯН

20 октября 2011, Ереван

О ПРОИСХОЖДЕНИИ ТАЛЫШЕЙ: КАДУСИИ И ТАЛЫШИ

Определение генетических корней, или этногенеза, какого-либо народа означает выявление породившей этот народ этнической среды и разграничение ее пространственно-временных рамок, проще говоря — соотнесение некоего древнего этноса с современным. Однако, из-за отсутствия релевантных источников и материала решение подобной задачи в полной мере не всегда представляется возможным: как правило, в большинстве случаев остается место для догадок и предположений. Под утверждением, что некий народ является древним или молодым, понимается время вступления этого народа на историческую арену в лице его этноса-предка, идентифицированного в исторических анналах, то есть учитываются временные параметры перехода определенной общности людей в группу с четкой этнической самоидентификацией, собственным языком, укладом жизни и этнической территорией.

Поиск реальных или мифических предков характерен для любого этнического формирования в современный период, и прежде всего это касается народов, не имеющих ранней письменной традиции и историографии и лишенных, к тому же, собственной государственности.

Выяснение этногенеза таких народов сопряжено со значительными трудностями; отсутствующую или скудную фактологическую базу приходится компенсировать прочими источниками — в первую очередь, языковыми данными (почерпнутыми из языка самого этноса), а также материалами топонимии, мифологии, исторических преданий и, конечно же, этнонимии. В случае с талышами основным источником этногенетических изысканий является самоназвание народа, т.е. *талыш* (*Tāliš*, *Tāleš*, *Talyš*, *Tolyš*).¹

¹ Исследование языковых данных не дало до сих пор существенных результатов в этой области, хотя в плане определения этнических передвижений сравнительное ареальное языкознание имеет некоторые достижения. В этом направлении сейчас активно работает американский востоковед Дон Стילו (Don Stilo).

В ранних арабских источниках (Балазури, ал-Табари, Якут) талыши обозначаются терминами *ал-тайласан*, в персидских – *талышан* и *тавалыш* (Хамд-Аллах Казвини), последнее – как арабская форма мн. числа названия *талыш*. Аль-Табари (V: 45) пишет о *тайласанах*: “В горах вокруг Азербайджана жили такие народы, как *гелы* и *ал-тайласан*, которые не подчинялись арабам и были свободны и независимы”. Однако, этноним *талыш* в его настоящей форме впервые встречается в армянской версии истории Александра Македонского, составленной в XVI веке и переведенной с греческого источника пятого века: *Εἰς πατμεαὶ νῆμα, τῆ ῥάχστακαν ἔῖ ἰ Κασπιακὰν δρυνς, μερὶ γαῖχαρχὸν Τάλις, ἰ γαωαῖν Γιλαναί* “И рассказал он, что он беженец с восток Каспийских, недалеко от страны Талыш в провинции Гилан”.¹

Местные талышские интеллектуалы и краеведы в обеих частях Талыша единогласно указывают на *Καδοῦσιοι* (*Cadusii*, кадусиев) классических авторов (одного из автохтонных народов региона), как на предполагаемых предков талышей. Всеобъемлющее устремление к выяснению своих корней и четкое соотнесение талышей с кадусиями на народном уровне привело даже к возникновению определенного мировоззренческого элемента в национальном самосознании талышей и талышской идентичности. Многие объекты в населенных талышами краях Гилана, например, носят название “Кадус” (к примеру, роскошный отель в центре Решта); Кадус также стало распространенным мужским именем.

Кстати, примечательно, что это — тот редкий случай, когда популярная самоидентификация, возводимая к древнему этносу, может быть — по крайней мере предположительно — подтверждена историческими и лингвистическими предпосылками. Безусловно, идентификация какого-либо этнического названия в исторических анналах еще не является достаточным основанием для дальнейших этногенетических ассоциаций, как отмечал еще И.М. Дьяконов. Но при отсутствии прочих соответствующих свидетельств о ранней истории этнической группы, отождествление ее названия с неким древним этнонимом все-таки следует рассматривать в качестве первого шага на пути к реконструкции генетической линии, по крайней мере номинальной. Наряду с лингвистически обоснованным совпадением названий, иными словами, с достоверным этимологическим аспектом идентификации, для объективности анализа нужно принять во внимание и историко-

¹ Литературу к данной главе см. Asatrian/ Borjjan 2005: 43-47 (“Дополнение” к данной книге: 124 ff.).

географическое соответствие и транспарентность древней этнической среды с ее соответствующим отражением в современном этническом ландшафте.

В случае талышей аутентичность отождествления обосновывается, в первую очередь, совпадением соответствующего географического ареала, а также доказанным фактом происхождения современных прикаспийских народов от древних этносов, некогда населявших этот регион. Гилянцы, ближайшие соседи талышей, однозначно отождествляются с *Γῆλοι* (арм. *Gelk*), которые проживали по соседству с предполагаемыми предками талышей, кадусиями; ср. у Птолемея (6.2.5): “[Области] ближе к морю [Гирканскому = Каспийскому] населены *Καδοῦσιοι καὶ Γῆλοι*”. Большинство древних южнокаспийских этнических наименований легко локализуется в системе соответствующих названий этнических групп, населяющих сегодня прикаспийский регион. Некоторые из них можно проследить только в топонимии. Ср. *Γῆλοι* (как было указано выше) = гилянцы (*Gēl-ān*), *Κάσπιοι* = Каспийское море (арм. *Kasbk*), *Δελυμάιοι* = дейламиты (*Dēl, Dēlam*, арм. *Delumk*), *Τάπουροι* = табари (Табаристан, арм. *Taparistan*) и *Μάρδοι* (*‘Αμαρδοι*), встречающееся в топониме Амун. Таким образом, есть все основания для отождествления *Καδοῦσιοι* с предками талышей, близких соседей гилянцев (*Γῆλοι*).

Структуры обоих этнонимов, *Καδούς-* (*Cadus-*) и *талыш*, схожи — это суффиксальные формы с основами *kād-* и *tāl-*. В форме **Kādus-* суффикс, вероятно, должен читаться, как *-uš* или *-iš*, учитывая более позднюю армянскую версию этнонима, *Kadiš-* (в *Kadšk*); к тому же, из-за отсутствия *-š-* в греческом алфавите все иранские формы с этой фонемой всегда передавались через *-s-*. Интервокальное *-d-* в **Kād-uš* (или в равной степени в его более поздней форме, **Kād-iš*), должно быть, перешло позднее в *-l-* или прямо (как и в случае многих новоиранских форм, не обязательно заимствованных из восточноиранского), или же — через фрикативный этап: **-δ- (> *-r-) > -l-*. Переход начального *k-* в *t-* можно объяснить палатализацией *k-* в *č-* под воздействием гласной переднего ряда *-i-* в следующем слоге, т.е. **kāl-iš > *čāl-iš*, а затем в результате диссимиляции *č- / -š > t- / -š* — в *Tāliš*.

Несмотря на некоторый умозрительный характер предлагаемой этимологии, идентификация *Καδούς-* / *Tāliš* должна однозначно учитываться — по крайней мере как действующая гипотеза — при реконструкции ранней истории талышей.

Как бы то ни было, талыши — потомки ли они кадусиев или нет, — вне всякого сомнения, часть автохтонного прикаспийского этнического

континуума, иранизированного в результате арийской миграции. Несмотря на то, что некоторые авторы не исключают иранское происхождение кадусиев (Грантовский 2007: 429), тем не менее, это предположение кажется маловероятным. Во всяком случае, ни название *Καδούσιοι*, ни этноним *талыш* не поддаются объяснению на основе иранского.¹

¹ Возможно, в указанных этнонимах мы имеем субстратный формат *-uš (-iš)*, который присутствует и в социониме *галеш*, рассматриваемом мною в другой работе, как термин, восходящий к древнеиранскому **gāwa-raxšaka-* (см. Asatrian 2002: 82).

Глава II

ТАЛЫШ — СТРАНА ТАЛЫШЕЙ

Страна талышей, называемая *Талыш* или *Талышистан*, занимает крайний юго-западный угол Каспийского моря и делится на две части: северную, входящую в состав Азербайджанской Республики, и южную, составляющую северные районы провинции Гилян в Исламской Республике Иран. На севере она примыкает к Муганской степи в Азербайджане и узкой полосой простирается вдоль южного побережья Каспийского моря до населенного пункта Копулчал, расположенного недалеко от порта Энзели в Иране. Примерная площадь зон расселения талышей в Азербайджанской Республике составляет 5370 кв. км, в Иране — 3839,6 кв. км.

Северный Талыш включает пять административных районов Азербайджанской Республики — Ленкоранский, Лерикский, Масаллинский, Ярдымлинский и Астаринский. Талыши компактно проживают в Астаринском, Ленкоранском, Лерикском районах и юго-восточной части Масаллинского района; в западной части Лерикского района, в Ярдымлинском районе и северо-западной части Масаллинского района население смешанное (талышско-азербайджанское), как и в селениях, расположенных на приграничной полосе.

Морфологически и по специфике рельефа вся территория Талыша делится на большую — горную часть, и меньшую — приморскую низменность, которая включает в основном Ленкоранскую низменность между Каспийским морем и Талышскими горами. В 1922 г. Н. Я. Марр, ссылаясь на де Моргана, отмечал, что в географическом отношении Ленкоранский уезд относится не к Кавказу, а к Персии (Марр 1922: 5).

В отношении рельефа Ленкоранская низменность может быть разделена на три части: степную, береговую и нагорную. Степная часть — знойная в течение лета, маловодная и пустынная степь. Береговая часть Ленкоранской низменности представляет собой узкую и длинную низменную полосу. На севере береговая полоса незаметно переходит в степь, на юге же она покрыта богатой лесной или кустарниковой растительностью. Горный район Ленкоранской низменности, самый обширный из всех, представляет мощный восточный склон Талышского хребта, гребень которого (около 2000 метров)

проходит по границе с Ираном и отдельными вершинами поднимается до 2500 метров. Отроги гор, понижающиеся к востоку по направлению к морю, покрыты густой лесной растительностью; исключение составляет лишь область на юге-западе района, где на границе с Ираном она покрыта высокогорными лугами.

В основном территория Талыша – система складчатых гор. На юге она – через перевал Ах-мечеть, по которому ведет дорога из Астары в Ардебиль – примыкает к системе Эльбурса, а на севере – через Салаватский хребет, также находящийся в пределах Ирана – протягивается до долины реки Аракс, переходя на ее левом берегу в высокий Карабахский хребет. Талыш – часть суши характера горета, с трех сторон очерченная сбросами: на севере и северо-востоке – гребнем нижней части Кура-Араксинской низменности, на востоке – котловиной Каспийского моря, а на юго-западе – Ардебильским гребнем (Лебедев 1941: 4-8). В сложении Талышских гор основную роль играют вулканогенные породы средней юры, вулканогенные и карбонатные отложения позднего мела и вулканогенно-обломочные отложения палеогена. Эта горная цепь представляет собой систему осложненных разрывами складок морских палеогеновых слоев (о геологическом составе Талышских гор см. Vincent et alia 2005:1517).

В административном плане на территории Азербайджанской Республики Талышские горы расположены в Ленкоранском, Лерикском, Масаллинском и Ярдымлинском районах, а также в Наминском, Астаринском, Масальском, Колурском и Масулинском шахрестанах Ирана.

Талышские горы уникальны своим разнообразием — в каждой из частей Талыша они имеют особые, присущие только им черты. На территории Азербайджанской Республики система Талышских гор общей площадью в 3000 кв. км. включает в себя три горные цепи: Талыш, Буравар и Пештасар. Причем самая протяженная из них, Талыш, достигает 100 километров. Одна из характерных особенностей рельефа — наличие широких впадин между горными хребтами.

В орфографическом отношении горный Талыш представляет собой ряд антиклинальных складок. Эти горные складки-хребты постепенно повышаются в западном направлении (от 400 до 2000 и более метров). Самый высокий из них протягивается в юго-восточном направлении от горы Арысгядуги на севере до горы Шалдан-каласи на юге, где и примыкает к иранскому Эльбурсу. Длина его в этих пределах около 80-85 км. при ширине не более 15 км. Наибольшей высоты достигают хребет Маракюрт (2509 м.),

Кюмюр-кей (2492 м.) и Кыз-юрды (2433 м.). Горный Талышистан испещрен плотной речной сетью; на склонах в сторону Талышской низменности образованы водные террасы. Водоразделы рек сравнительно гладкие, склоны речных ущелий имеют небольшой уклон. На северных склонах бывают оползни.

Соприкасаясь с Эльбурсом, горная цепь Талыш образует барьер в 300 км. между истоком Сефидруда и Муганской степью. Высота горной цепи в этом районе неравномерна. Самая высокая точка, Багров-кух, достигает 3197 м., Масуле-кух — 3050 м., а Аджам-кух — 3009 м. Горная цепь, не прерываясь равнинами, продолжает возвышаться на всем протяжении. Самая низкая точка и единственный проход – проезжая дорога через перевал Гейран (Неугān) (1800 м.). Горная тропа тянется непрерывно, выписывая два арочных изгиба. Первый из них углубляется по направлению к Каспийскому морю, приближаясь к нему на расстояние 20 км. в точке близ Астарчая на границе Ирана и Азербайджанской Республики. В этом районе горная тропа берет направление на северо-запад и ведет до Муганской степи. Горный барьер с асимметричными склонами отделяет два контрастных по высоте региона: на востоке — береговая линия Каспийского моря, а на западе — провинция Ардебиль в Иране с массивными горными цепями. Слияния рек в пределах горного массива очень редки. Три ветви Карганруда образуют бассейн размером 610 кв. км.

Ширина склонов неравномерна. На юге горная цепь возвышается над обширной равниной Фуманат в западной части центрального Гилана, к западу от дельты Сефидруд; равнину в 30-45 км. шириной пересекает множество речных потоков.

Дикобраз (*Hystrix hirsutirostris*); по-талышски: *tēyīna žaža*, т.е. 'цыпленок (имеющий) шипы', перс. *jūje-tīy*

Западные склоны шириной от 5 км. до 25 км. менее упорядочены; продольные равнины занимают здесь значительное место. Можно выделить ряд районов, радикально отличающихся друг от друга. Южный конец горной цепи — единственное место с относительной симметрией, где параллельные потоки стекают на юго-запад в стремлении к нижнему протоку Гызыл-Озун. На севере Гызыл-Озун пересекает ущелье, а слева в нее вливается Чайруд. На северо-западе горная цепь расширяется и постепенно переходит в Кара-Даг, а на юго-западе — подходит к предгорьям Сабалана. Река Кара-Су, протекая через горное ущелье, соединяется с Араксом (Bazin 1980: 20).

Более крутой (от 15 км. до 35 км. шириной) восточный склон пересечен группой параллельных рек. Он покрыт лесным массивом; обнаженные скалы встречаются редко. Субтропические широколиственные леса сменяются на высоте около 600 м. буковыми, а в высокогорье — луговой растительностью; на западных склонах гор произрастают ксерофитовые растения. Последняя подчеркивающая асимметрию территорий особенность — наличие непрерывной полосы низменности, аналога которой нет в северных районах Тальша (Bazin 1980: 28).

Тальшистан выделяется богатой природой — живописным ландшафтом, влажным субтропическим климатом, горячими и холодными минеральными водами.

Удод (*Урра ерорс*); по-талышски: *рарй* или *šōna-рарй*

Среднегодовая температура — порядка 14 градусов выше нуля. Годовое количество осадков в низинах — от 200 до 300 мм., в горных районах — от 1000 до 1400 мм. В среднем за год в горах наблюдается 120, в низинах — 20 дней с осадками. Летом в низинах погода сухая, без осадков. Поэтому уровень воды крайне изменчив — весеннее и осеннее половодье вызывает его резкий подъем.

Небольшие реки с развитой сетью притоков берут начало на склонах Талышских гор и впадают в Каспийское море. Питание рек — разнообразное: зимой — за счет выхода грунтовых вод в русло, весной — за счет таяния снегов, летом — за счет дождей. Есть реки со смешанным питанием — снегом и грунтовыми водами (например, питание реки Вилашчай состоит на 21 % из грунтовых вод и на 73 % — из дождевых).

Климатические условия на возвышенностях более суровые — несколько пониженная температура в теплый период, более краткий период без заморозков и повышенное количество осадков по сравнению с прилегающими к ним равнинами. В юго-восточной части Талышских гор дождливые периоды повторяются чаще, чем в прилегающих к ней низменностях, где летом чаще стоят засушливые дни. Средняя температура воздуха самых холодных месяцев колеблется от -6 до +5 °С, самых теплых — от +15 до +25 °С.

Горный козел (*Capra aegagrus*), по-талышски: *kūžbəz* (дсл. 'дикий козел', *kūž* 'дикий') — украшение талышских гор

О наличии в Тальшистане, в частности в горах, крупных залежей минералов сведений мало; основные виды природных ресурсов — глина, камень, теплые и холодные минеральные источники. В акватории

Каспийского моря вблизи Талышистана находятся два перспективных нефтяных месторождения (Талыш-дениз и Ленкоран-дениз).

Особые климатические условия налагают определенный отпечаток на характер растительности. Лесные покрытия характерны для гор и частично для Ленкоранской низменности. Здесь произрастают 150 видов деревьев и множество видов кустарников, зафиксированных как эндемики и встречающихся только в Талышистане. Край богат реликтовыми породами, из которых можно отметить железное дерево, каштанolistный дуб, кавказская хурма, ленкоранская акация, самшит, вяз, низкий тополь и проч. На нижних уровнях этих лесов встречаются вечнозеленые кустарники; на возвышенностях, выходящих к морю, липа и другие деревья образуют мелкие и смешанные лесные массивы (Ahmadyān 2001: 28). Горно-лесные зоны образуют лесные пояса: субальпийские, альпийские, полевые, межгорные и степные. В зависимости от рельефа и характера гор, они образуют различные формации. На отметке 1600-1800 метров над уровнем моря преобладает альпийская и полевая растительность различного типа — крапива, тысячелистник, ежа сборная, лабазник, веник, конский щавель, крестовник и т.д.

Куропатка (*Perdix perdix*); по-талышски: *zaž* (*žazž*), из древнеиранского **zarači-*, перс. *zaraj*

Талышские горы и леса населены богатым и разнообразным животным миром. Здесь водятся олень, горный козел, леопард, шакал, дикобраз, а также фазан и куропатка, за которыми охотится камышовая кошка. У болот и озер гнездятся султанка, фламинго, баклан и пеликан. На зимовку прилетают стаи уток, гусей и лебедей. В южном Талыше обитают кабан, леопард, дикобраз, красноклювый зимородок и т.д.

Глава II. Приложение

Топонимия

Факт наличия внушительного иранского пласта в топонимии Азербайджанской Республики и, разумеется, Талыша, не нуждается в обосновании. Территория восточного Закавказья, исторические области Арран и Ширван, отделились от Ирана и отошли к России, как известно, лишь в начале XIX столетия. Тысячелетнее иранское присутствие оставило неизгладимый след в топонимической системе этого региона — как в виде полных, так и гибридных образований с формантами тюркского, армянского и кавказского происхождения, а также широко распространенных топоформантов типа, например, *-ābād*, *-stān*, *-bīl*, *-vār*, и т.д. Иранский ингредиент в топонимии Азербайджана, к сожалению, до сих пор не был объектом комплексного исследования: отдельные публикации по данной тематике имеют, скорее, ознакомительный характер и затрагивают лишь материал, лежащий на поверхности (см., напр., Гейбулаев 1986: 95-105; он же 1979). Между тем, большое количество ценных наблюдений об отдельных топонимах рассматриваемого ареала можно найти в работах таких корифеев ориенталистики, как Ф. К. Андреас, Й. Маркварт, Г. Гюбшманн, Э. Херцфельд, В. Минорский, П. Шварц, В. Айлерс и др. Следовательно, для выявления наиболее полной картины иранского наследия в топонимии Азербайджана, наряду с составлением полного реестра топонимических единиц, нужна, прежде всего, тщательная регистрация и обобщение данных по имеющимся этимологиям и интерпретациям топонимов, ойконимов и, особенно, гидронимов Азербайджана в трудах по иранистике, изданных в период со второй половины XIX века и по сей день. Часть этой работы уже осуществлена на Кафедре иранистики ЕГУ — во всяком случае составление базы данных по историографии топонимов находится на завершающем этапе.

На основе накопленного, хотя еще и неполного, материала нам удалось выявить ценный лексический архаизм, сохранившийся в недрах иранской топонимии Азербайджана. Но прежде следует остановиться на одной теоретической посылке, имеющей первостепенное значение для понимания проблемы и иллюстрирующей ценность топонимики для истории языка в целом. Речь идет о диатопическом аспекте языкового анализа. Как известно, языки, кроме живых и мертвых форм проявлений (древние или классические

литературы, эпиграфика, диалектные варианты, жаргоны, фольклор и т.д.), включают также топонимию как систему, основанную исключительно на языковом материале разного порядка — от древнейшего периода формирования языка до новейшей эпохи. При этом, топонимический знак, в отличие от других языковых знаков, обладает пространственно-временными характеристиками особого качества. Это, по сути, — законсервированный продукт, отражающий разные эпохи лингвистического развития и, соответственно, жизни этнической общности — носителя данного языка. Иначе говоря, топонимия является средоточием почти всего богатства языкового континуума — как в диахронии, так и в синхроническом рассмотрении. Кроме того, топонимический знак отражает языковое бытие в своем конкретном, точечном проявлении, так сказать, в диатопии.

Яркое проявление подобной потенции топонимического знака — название местности в Азербайджане, встречающееся в Нахичевани и в Давачинском районе — *Didevar* или *Didivar*. Думается, данный топоним отражает промежуточную ступень развития др.-иран. **daida-wāra*- в ново-персидское *dēvār* “стена”, т.е. **dēdvār*. Первоначальное значение названия было, по-видимому, “(местность, обнесенная) стеной”. Судя по тому, что в среднеперсидском — как в книжном пехлеви, так и в манихейских текстах — отмечено уже *dēvār* (*dēwār*), то время появления топонима можно определить раннеперсидским периодом, т.е., возможно, первыми веками нашего летоисчисления. Перед нами — случай, когда через топонимию можно верифицировать лингвистическую реконструкцию, что одновременно является подспорьем для исторических реконструкций — определения возраста топонима.

Талыш (или по талышски — Толыш), который мы иногда называем и *Талышистан* (во избежание омонимии с названием самого этноса, *талыш*) — по распространенной модели образования названий территорий и стран с суффиксом *-стан*¹ — обладает стройной топонимической системой, в основном иранской по природе. В северном Талыше отмечаем такие

топонимы, как Ленкорань (по-талышски *Ланкон*), Лерик, Масал, Астара, а в южном Талыше — Лавандвиль, Копурчал, Энзели, Астара, Визне, Хавиг, Лисар, Джогандан, Хаштпар, Асалем, Талеш-дулаб, Шандерман, Масал, Масуле, Фуман и т.д. Талышские села с исконно иранскими названиями есть и в горной местности, расположенной к западу — в сторону Ардебиль. Здесь в основном проживает смешанное талышско-гилянское или талышско-гилянско-азарийское население. Последнее в целом тюркоязычно. Вообще, ареал распространения талышей еще в XIX столетии был намного шире и охватывал также восточные части провинции Ардебиль. Это хорошо видно и в топонимии. По сути, жители территории к востоку от города Ардебиль, включая, видимо, и Мешкин-шахр (по крайней мере — близлежащие села), подверглись лингвистической тюркизации лишь в течении XIX-XX веков. Ныне же ареал со сравнительно плотным талышским населением начинается лишь с перевала Хейран на границе двух провинций — Ардебиль и Гилян, а первым талышским населенным пунктом по правой стороне дороги, ведущей в Решт, является Лавандвиль.

Пожалуй, ни один исторический источник не указывает с такой точностью на этническую аффилиацию местности, как топонимия, т.е. система названий населенных пунктов, а также ландшафта (оронимы) и водных ресурсов (гидронимы). При естественном историческом развитии (т.е. в отсутствие целенаправленной политики в области топонимии)¹, эти названия передаются тысячелетиями, сохраняя тот языковой материал, который некогда принадлежал исконным обитателям данной местности. Например, если названия городов Табриз или Ардебиль имеют однозначно иранскую этимологию, то очевидно, что население этих мест в старину было отнюдь не тюркским. Ясно, что тюркская речь была привнесена сюда позднее; обитатели же этих городов по всем прочим параметрам — иранцы или, скорее, автохтоны региона, принадлежащие к доиранскому этническому

¹ К настоящему времени наиболее продуктивным способом образования названий этнических ареалов — стран, районов, отдельных территорий — во всем ирано-тюркском этно-культурном пространстве является использование иранского суффикса *-stān* (< др.-иран. **stāna* — “пристанище”) с этнонимами (ср. Белуджистан, Туркменистан, Афганистан, Луристан, Кафиристан, Халаджистан и т.д.). *Талыш* — редкий случай названия края или страны без данного форманта; по-видимому, именно для подчеркивания топонимического значения термина или, скорее, его разграничения от самого этнонима (*талыш*), данное название в Иране употребляется в форме арабского мн. числа, *тавалеш* (т.е. *Tāvāliš*) (более подробно см. Vaziri 2000: 348-349).

¹ Умышленное изменение местных топонимов в специальной литературе называется *топоцид*, т.е. уничтожение топонимов, по аналогии с термином *геноцид* — уничтожение народов. Подобная политика по отношению к армянской топонимии Западной Армении велась в республиканской Турции; точно так же поступают и азербайджанские власти, целенаправленно тюркизируя исконную топонимию северного Талыша. Кстати, сходное явление мы наблюдаем и в Иране, но здесь это происходит стихийно, скорее как результат низкого образовательного уровня соответствующих структур иранского истеблишмента. Основной причиной изменения топонимов в Иране является, так сказать, стремление к созданию “благозвучных” имен, когда, например, некое название кому-то кажется непонятным или “неблагозвучным”. Дело доходит до курьезных случаев; как то переименование города *Сйадехан* (близ Казвина) в Такестан или города Хийав — в Мейкин-шахр и т.д. При этом, соседние тюркские или арабские топонимы не меняют.

континууму северо-западных областей Иранского плато. Местная топонимия подтверждает эту истину и наличием в ней хуррито-урартских элементов, то и дело проглядывающих из-за мощного иранского топонимического слоя. Например, название маленького городка Уску (или Оску) на северном склоне горы Саханд (юго-восточнее Табриза), отождествляемого в специальной литературе с *Ашкайа* Хорхорской летописи Аргишти I, или Ушну - с *Wiše* урартских надписей (см., напр., Арутюнян 1985: 215; Diankoff/Kashkai 1981: 13-14, 101), а также такие топонимы, как Сис (*Sīs*), Сиван (*Sīvān*), явно не имеющие иранской этимологии, и т.д. Доиранская, в частности хуррито-урартская топонимия в регионе, в том числе в Атурпатакане, насколько нам известно, до сих пор не была объектом специального исследования.¹ То же самое относится и к изучению субстратных этно-топонимов и гидронимов типа *Хар-хар*, *Гар-гар* и т.д., отмеченных еще В.Ф. Минорским (Minorsky 1957: 62, fn. 2; Zadok 2002: 54, 73-74). Достаточно сказать, что в серьезной в целом работе Г.А. Гейбуллаева (1986) этот пласт топонимов на территории Ширвана и Аррана вообще не рассматривается.

Словом, многое в топонимии прикаспийско-атурпатаканского региона до сих пор остается неизученным и, в некоторой степени, даже абсолютно нетронутым. Цель данных заметок, являющихся частью масштабного проекта по изучению топонимической системы всех талышских территорий, — лишь общий взгляд на топонимию Талышстана. Вскользь отмечу, что в процентном отношении число исконных элементов на юге несравненно выше, чем на севере Талыша, что обусловлено искусственной тюркизацией названий населенных пунктов в Азербайджанской Республике. На юге засвидетельствованы такие интересные топонимы, как отмеченные выше Лавандвиль и Копурчал, которые наиболее четко отражают древнеиранское наследие региона. Лавандвиль, имеющий в административном делении области статус центра одноименного *дехестана*, — образование с топоформантом *-vīl/-bīl*, выступающим также в таких названиях, как *Ардебиль* (*Ardabīl*), *Андабиль*, *Шурабиль* и т.д. и восходящим к др.-иран. **waita-* (или **waitī*). Последнее означает приблизительно “обладающий каким-либо качеством”. Первая же часть этого сложного имени, *лаванд-*, скорее всего, восходит к др.-иран. **raiwant-* “богатый, благой”, а слово в целом может означать “(местность) изобилующая богатством, благами” (точно так же как *Ardabīl*, из **arta-waitī*), аналогичное араб. *mubārak*, из

¹ Хотя северо-западный Иран с этой точки зрения весьма успешно исследуется израильским ученым Рином Задоком (см. Zadok 2002).

baraka.¹ Не менее интересен топоним Копурчал, имеющий довольно прозрачную структуру: *kopūr* и *-čāl*. Второй компонент в качестве топоформанта широко распространен на ираноязычном пространстве в значении “низменная местность, яма” и является синонимом тюрк. *çuxur*. Первая же часть данного компонента до сих пор остается необъясненной. Нам кажется, в этой форме должно быть скрыто др.-иран. **kapa-* “рыба”, выступающее с **bara-* “несущий”, т.е. **kapa-bara-* “(местность) изобилующая рыбой”, — очень подходящее для прибрежного поселения название. Думается, название вида рыбы *канур* (или *кафур*) берет начало именно от топонима, а не обратное. В рассмотренном примере засвидетельствован редчайший лексический элемент в западноиранском — термин, обозначающий рыбу, **kapa-*, который обычно считается восточноиранской изоглоссой (ср. осет. *kæf* “рыба”).

Отметим еще два интересных топонима талышского пространства.

Астара (*Āstārā*) — топоним, встречающийся в обеих частях Талышстана, в частности, название города в Гилане на азербайджанско-иранской границе, примерно в 190 километрах к северо-западу от Решта. В исторических источниках это название засвидетельствовано в нескольких написаниях, что позволяет вплотную подойти к его объяснению. Мы имеем *Iṣṭārāb*, *Iṣṭārāb*, *Iṣṭārā* и *Āstārā* (см. Моһаqqeq 1996: 32). Отсюда ясно, что конечное *-ā* в *Āstārā* — сокращенный вариант *āb* “вода”, а первая часть композита — *āstar*. Последнее, судя по всему, тоже иранская форма, и арабские эмфатические согласные не должны тут смущать, ибо письменное отражение многих исконных топонимов на территории Ирана следует подобной традиции (ср. *Qamṣar*, *Ṭare*, *Ṭehrān* и т.д.). Напрашивается параллель с кашанским диал. *assar*, *āstar* “водный резервуар, бассейн”, которое восходит, вероятно, к др.-иран. **āpa-starana-* “водный простор” (вряд ли из *istaxr* “бассейн”). Таким образом, первоначальная форма слова была **āstar-āb*, который в арабской передаче выступает с сокращением начального долгого гласного. Фонетическое развитие от **Āstar-āb* к **Āstārā* вполне закономерно.

Ленкорань (*Lankarān*), также *Ланкорань*, по-талышски *Ланкон* — название районного центра в Азербайджанской Республике, которое, согласно народной этимологии, объясняется от *langar-kanān*, т.е. “выталкивающее якоря”. А. Г. Периханян (1982: 56) считает, что оно восходит к

¹ Имеется и шуточная народная этимология названия Лавандвиль, основанная на омонимии первой части композита *лаванд-* с перс. *lavand* “кокетка, доступная женщина”.

среднемидийскому **lankarān* (< **Lan(a)karāna-*), т.е. “страна ланов (одного из племен Каспийской конфедерации)”. Нам же кажется, что данный топоним имеет более простое объяснение. Мы знаем, что название Ленкорань (или Ланкаран/Ланкон) не засвидетельствовано в арабской средневековой географической литературе, чутко отразившей большинство топонимов иранского пространства. Следовательно, оно позднего происхождения и должно восходить к старо-талышскому **lankar-ān*, типичный иранский топоним с топоформантом *-ān*, из др.-иран. *-āna-* (ср. *Gurgān* < **Vrkāna-*). Первая часть – сложное образование, означающее “дом из тростника” или “тростниковый дом”, из *lan* (ср. тал. *le(y)na* “тростник, осока”) и *kar* “дом” (ср. тал. *ka* < др.-иран. **kata-*, перс. *kada*). Тал. *le(y)na* не может иметь иранской этимологии; ср. также *ley*, *ləy* “осока, особый вид тростника” (возможно, из **le(y)nak*). Судя по всему, мы имеем здесь дело с субстратным элементом – праформа, возможно, **lang-* или **lagn-*, – очень типичным для названий дикой флоры. Это слово дошло до нас через тысячелетия из доиранского наследия талышей – языка кадусиев или иного древнего племени Каспийской конфедерации. Вряд ли из индийского; ср. скрт. *daṛḍā-* “палка, ствол дерева и т.д.” (с *l* < *d*-). Сюда могут относиться, быть может, и такие топонимы как *Langarūd* и *Lanjān*.

К сожалению, источниковедческая база для изучения топонимической системы северного Талышистана, в отличие от южного (иранского), весьма скудна. Основным сводом топонимических названий этой области пока что остается “Краткий словарь топонимов Талыша” талышского ученого Мусарза Мирзоева (1993). Можно добавить и краткую статью Г.А. Гейбуллаева (1984), а также двухстраничный параграф о талышских топонимах в его же указанной выше книге (Гейбуллаева 1986: 105-106).

Серьезной базой для изучения топонимии южного Талыша является в целом замечательный, хотя и во многом заслуживающий критики, многотомный свод иранских топонимов, изданный Иранским географическим обществом совместно с Генштабом армии, *Farhang-e ĵoyrāfiyāyi-ye Irān*.

В заключение отметим, что беспристрастное историко-лингвистическое изучение талышских топонимов даст, вне всякого сомнения, ключ не только к пониманию лингво-географических реалий данного ареала, но и — что, на наш взгляд, важнее — к освещению многих страниц истории этно-демографических процессов, имевших место в регионе.

Глава III

НАСЕЛЕНИЕ

В настоящее время общую численность талышей трудно определить из-за отсутствия четких данных. По последним подсчетам, проведенным западными учеными в Азербайджанской Республике (см., напр., Clifton et al. 2005: 10-13), вырисовывается следующая картина демографической ситуации в Северном Талыше.

Ленкоранский район: общая численность населения – 200 344 человек, 90% из коих по этнической и языковой принадлежности — талыши. Ленкоранский район включает города Ленкоран, Лиман и еще 85 деревень.

Астаринский район: общая численность населения – 82 000 человек. В 93 населенных пунктах, включая районный центр, этнические талыши составляют 98%. Район находится на границе с Ираном и является торговым, экономическим и деловым центром двусторонних контактов талышей севера и юга.

Лерикский район: общая численность населения – 63 300 человек, включая районный центр Лерик и 159 населенных пунктов, из которых 145 на 99 % населены талышами.

Масаллинский район: из 110 населенных пунктов с общим числом населения 175 715 человек, 36 – населены в основном талышами.

Ярдымлинский район: общая численность — 50 729 человек. Из 89 сел района в трех (Аллар, Шыхгусейнли и Тилекенд) проживают исключительно талыши, что составляет примерно 2000 человек. В сельских местностях, на границе Ярдымили-Лерик, из 1494 жителей 35% - также талыши.

Нефтчалинский район: селения Лапаты и Гараманлы – талышенаселенные.

Билясуварский район: общая численность — 76 000 человек, 20 000 из коих живут в райцентре; от 10 до 15% из них составляют талыши.

Талыши живут также в таких крупных городах как Баку, Сумгаит, Аркиван, Борадигях, Джалилабад, Саяны, поселок Бина и т.д.

Реальное число талышского населения, по самым приблизительным объективным подсчетам, может быть оценено в пределах от одного до двух млн. человек (см. Приложение к данной главе). Уровень рождаемости у

талышей очень высок и, к тому же, за последние два столетия на этой территории не происходило никаких катаклизмов или событий, способных существенно повлиять на динамику прироста талышского населения.

Галеш
(Литография начала XIX века)

В Иране талыши проживают компактной группой к югу от азербайджано-иранской границы. Они населяют четыре шахрестана провинции Гилян: Астара, Талыш, Резваншахр и Масал. В шахрестане Астара талыши составляют в основном сельское население. В частности, в таких населенных пунктах, как Винебин, Сич, Лавандвиль, Вирмуни, Чалванд они составляют большинство. Немалое количество талышей проживает и в шахрестанах Фуман, Соумесара, Халхал, Шефт, Намин, а также в ряде селений вблизи Ардебиля.

До середины XX века Талыш считался отдельным шахрестаном в составе провинции Гилян с пятью болуками: Горганруд, Асалем, Талышдулаб, Шандерман и Масал. Этот шахрестан назывался также Хамсе-йе Талыш или Болук-е Панджганейе Талыш. Центром Хамсе-йе Талыш был город Шафаруд на берегу Каспийского моря. Но так как он расположен на юго-восточной окраине области, центр шахрестана был переведен в Базар-е Горганруд. Надо отметить, что в это время торговыми центрами были еще Базар-е Хавиг, Лисар, Асалем. Но в 1947 г. административная система талышских районов претерпела изменение; в 1956 году Талыш имел четыре района - Горганруд, Талышдулаб, Шандерман и Масал. Центром Талыша являлся Хапштпар, позже переименованный в Талыш.

Согласно данным Управления финансов провинции Гилян, в 1997 году количество талышей в южном Талышистане составляло 325 340 чел., которые проживали в 7 городах и 576 деревнях (Rahnamāyī 2001: 14). Однако, как и в случае с северным Талышистаном, официальная цифра весьма далека от истины. В Иране, при переписи населения, как известно, учитывается только конфессиональная принадлежность. На самом деле, число талышей Ирана может быть намного больше, также в пределах одного-двух млн. человек.

Талыши в северном Талыше — двуязычны, а в южном — трехязычны. В настоящее время в северном Талыше, кроме талышского, талыши свободно владеют азербайджанским языком, что было несвойственно первой половине XX в. Как отмечал Миллер во время своей поездки в талышские области Азербайджана, женское население талышей, особенно в глухих лесных и горных местностях, не знало тюркского языка (Миллер 1926: 7). То есть языком семьи, языком матери и женской половины населения являлся исключительно талышский, и говорить в то время о двуязычии можно лишь с оговорками. В южном Талыше жители, наряду с родным языком, талышским, свободно владеют и персидским — государственным языком Ирана, а также тюркским и гилянским.

Талышская женщина из Намина

Глава III. Приложение

Азербайджанская статистика о численности талышей и прочих нацменьшинств

Почти всем национальным статистическим службам характерно постоянное уточнение данных и пересчет ранее представленных результатов. Проследить за теми или иными вновь опубликованными изменениями во всей их полноте порой бывает довольно сложно, хотя век электронных публикаций и позволяет наблюдать за уточнениями и изменениями в статистических данных по содержанию постоянно обновляемых официальных сайтов.

До начала 2000-х годов почти всем национальным статистическим службам пост-советских стран был присущ весьма заметный «брак» данных. Погрешности были особо заметны в данных о численности и национальном составе населения страны, что отчасти являлось следствием печального наследия «советской статистики». Достаточно вспомнить тот факт, что результаты переписи населения СССР за 1937 г. долгие десятилетия держались в секрете и были опубликованы только в 1996 г. – по сути, уже в другой стране (Жиромская и др. 1996).

Анализ официальной статистики по численности населения в Азербайджанской Республике демонстрирует, что данные переписей здесь приводятся без учета какой-либо коррекции предварительных погрешностей. 22-го июля 2011 года АзГосКомСтат представил данные о переписи 2009 г. На официальном сайте АзГосКомСтата по состоянию на сентябрь 2011 г. эти данные приведены не единой публикацией, а распределены по нескольким тематическим таблицам, анализ которых подводит к ряду выводов. Во-первых, статистика не учитывает данные о количестве населения страны *de jure* и *de facto*. Приведенные цифры не отражают характерные демографические особенности, присущие населению пост-советских стран и искажают реальную картину интенсивных миграционных процессов. Во-вторых, многолетние данные о населении Азербайджана следуют простой линейной аппроксимации и не учитывают реалии ежегодного темпа роста населения, а также данные о количестве рождений и смертей. В-третьих,

систематически искажается подлинная картина национального состава населения республики.

Ниже рассмотрим проблему официальных данных по национальному составу населения Азербайджанской Республики. Более подробно демографические показатели населения этой страны рассмотрены в нашей работе (Marjanian 2012).

Официальные данные переписи населения о национальном составе населения Азербайджана приводятся в разделах 1.5 и 1.6 официального сайта AzGosKomStat-a. Ниже, в Таблице 1, мы суммируем эти данные.

Как видно из приведенной таблицы, официальная оценка численности талышей в Азербайджане, согласно данным апрельской переписи 2009 г., составляет 112 тысяч человек, или около 1.3% от общей численности населения республики. Между тем, согласно консервативным оценкам, число талышей в Азербайджане составляло порядка 0.8–1.0 млн человек еще в 1996 г. (Grimes 2002). Принимая осторожную оценку численности талышей в Азербайджане в 0.8 млн. человек в 1996 г. и используя усредненные официальные данные о ежегодном темпе роста населения Азербайджана получим, что в 2011 г. талышей в республике насчитывалось 1.04 млн. человек, т.е. порядка 11% от общей официальной численности населения Азербайджана, или около 12.4% - если принять оценку общей численности страны по данным ЦРУ США за этот год. Как видим, этот показатель по талышам в 10 раз превышает официальные данные. Заметим, что некоторые эксперты приводят еще более высокую оценку нынешней численности талышей в Азербайджане – 20% - 25% от общей численности населения республики (<http://www.bakutoday.net/fakhraddin-aboszoda-results-of-the-census-of-azerbaijan-suggestive.html>).

Таблица 1. Официальные данные о национальном составе населения Азербайджана по данным переписи 2009 года¹

	Общее число (тыс. человек) и % от общего населения		Процент людей свободно владеющих			
			родным языком	азербайджанским	русским	английским
ВСЕГО	8922.4	100%	98.8	8.6 ⁹	7.6	0.8
азербайджанцы	8172.8	91.60%	99.9	-	6.7	0.8
лезгины	180.3	2.02%	91.7	96.3	23.7	0.7
русские	119.3	1.34%	99.2	42.9	-	0.9
армяне ²	120.3	1.35%	99.9	0.2	0.1	0.0
талыши	112.0	1.26%	43.0	99.8	5.9	0.2
аварцы	49.8	0.56%	94.1	99.4	18.1	0.2
турки	38.0	0.43%	85.5	99.7	11.0	0.6
татары	25.9	0.29%	93.6	22.7	12.1	0.5
Таты	25.2	0.28%	76.5	99.8	9.0	0.2
украинцы	21.5	0.24%	97.7	5.6	3.7	0.1

¹1.6. Əhalinin ana dili və sərbəst danışdığı dillə görə bölgüsü. www.azstat.org/statinfo/demographic/az/AP/AZ_1.shtml

²Приводимые одноязычные данные о количестве армян в Азербайджанской Республике (120 тыс. в 2009 г.) - не что иное, как повторение данных переписи 1999 г. по Нагорному Карабаху. Иначе как абсурдной невозможно назвать и статистику владения языками. Так, например, всего 0.1% армян, согласно представленным данным, владеет русским языком, тогда как почти все армянского население Азербайджана (за исключением жителей отдаленных горных сел) владело русским, и т.д.

цахуры	12.3	0.14%	96.2	99.2	9.9	0.2
грузины	9.9	0.11%	98.0	79.5	21.4	0.5
евреи	9.1	0.10%	94.1	45.6	19.3	0.6
курды	6.1	0.07%	51.9	99.9	6.4	0.1
крызы	4.4	0.05%	28.9	100.0	8.5	0.3
удины	3.8	0.04%	99.3	99.6	60.9	0.6
хиналуги	2.2	0.02%	97.5	99.9	0.9	0.1
прочие	9.5	0.11%	82.9	62.4	20.0	4.3

Чтобы более ясно представить себе образ действия Баку в вопросе статистических данных о национальном составе населения страны, следует напомнить, что такие нации и народности как таты, осетины, айсоры, джеки, цыгане, лакцы, езиды, латгалыцы и многие другие, начиная с 1926 года, надолго исчезают из официальных статистических данных. А данные по демографии талышей, курдов, хиналугов, армян, русских, евреев и прочих претерпевают весьма красноречивые перипетии, причем задолго до распада СССР и начала регионального противостояния.

Так, по данным переписи населения СССР от 17 декабря 1926 г., «самой демократичной и тщательно подготовленной переписи населения СССР, организаторами и руководителями которой были крупнейшие ученые-статистики: О.А. Квиткин, В.Г. Михайловский и др.» (Андреев и др. 1993), национальный состав Азербайджана включал 93 нации и народности (см. Рис. 1.а). Причем, как известно, титульными нациями АзССР, входящей в то время в Закавказскую СФСР, являлись «тюрки» и армяне.

Рис. 1-а. Национальный состав населения АзССР по данным переписи 1926 г.

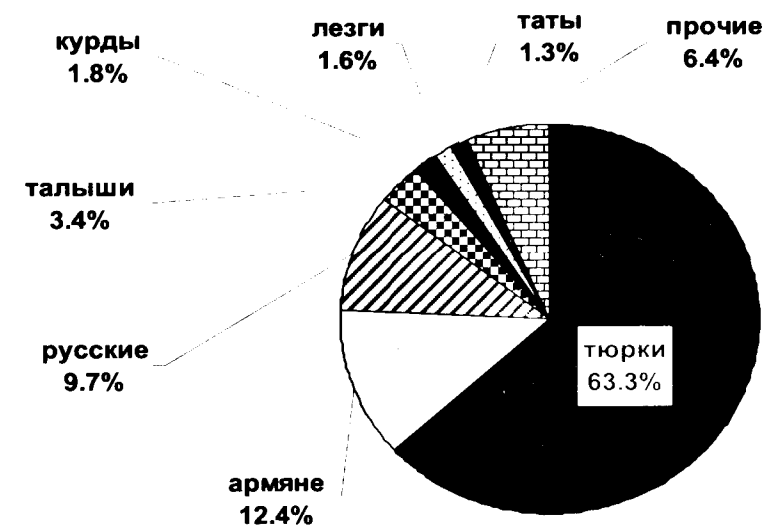
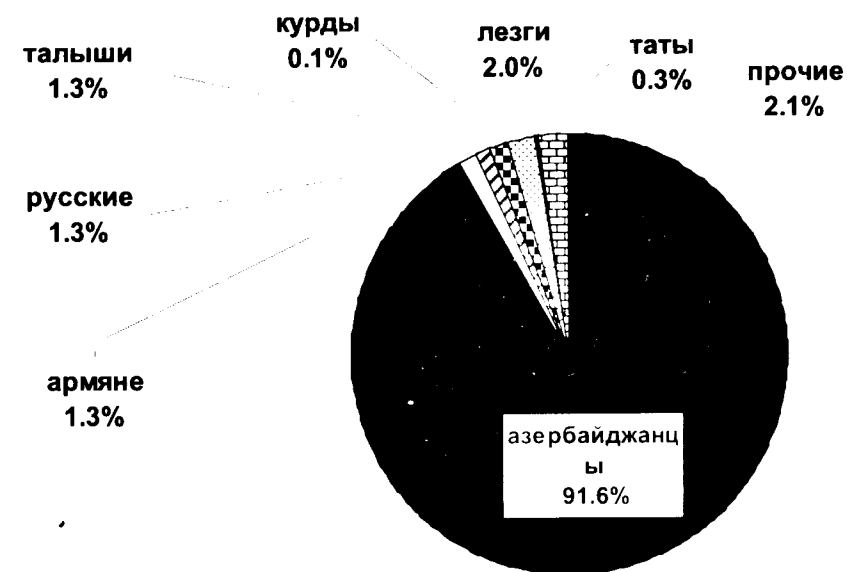

Рис. 1-б. Национальный состав населения Азербайджанской Республики по данным переписи 2009 г.

Согласно результатам переписи 1926 г., «тюрки» составляли 63,3% от общего числа населения АзССР (1.185 млн человек) (Всесоюзная перепись населения 1926 года, Москва, 1928-1929, т.14: 11-13)¹. Официальные же данные апрельской переписи населения Азербайджана 2009 г. различают всего 17 наций и народностей, причем азербайджанцы составляют уже 91.6% от общего числа населения в 8.922 млн. человек, т.е. 8.17 млн. человек (см. Таблицу 1 и Рис.1.б).

Результаты политики насильственной ассимиляции (или тюркизации) населения республики и искажение официальной статистики по национальному вопросу наиболее образно можно наблюдать, если свести в один график результаты всех переписей населения проводимых в Аз.ССР и Азербайджанской Республике, начиная с 1926 г. по сей день, что мы и сделали (см. Рис. 2), сведя данные о всех официальных переписях Союза ССР² и добавив к ним официальные данные по переписям населения

¹ Название «азербайджанец» в материалах переписи 1926 г., естественно, не используется вообще. В то же время перепись 1926 г. отличает «грузин» от «аджарцев», «менгрелов», «лазов», «сванов» и «абхазов» (номера по перечню народностей 105-110). А «хемшины» причислены к «армянам» (номера 147-148) (Всесоюзная перепись населения 1926 года, Москва, 1928-1929, т.14).

² Всесоюзная перепись населения 1926 года, Москва, Издание ЦСУ Союза ССР, 1928-29, Тома 10-16; Всесоюзная перепись населения Союза ССР 1939 г., РГАЭ РФ (бывший ЦГАНХ СССР),

Азербайджана 1999 и 2009 гг. Как видно из рисунка, на протяжении всех послевоенных лет последовательно и неуклонно повышается доля уже введенных в списки азербайджанцев в составе населения АзССР. В 1959 г., согласно официальным данным, она составляла 67% от общего числа населения республики, а к концу существования СССР, по данным переписи 1989 г. – уже 83%.¹

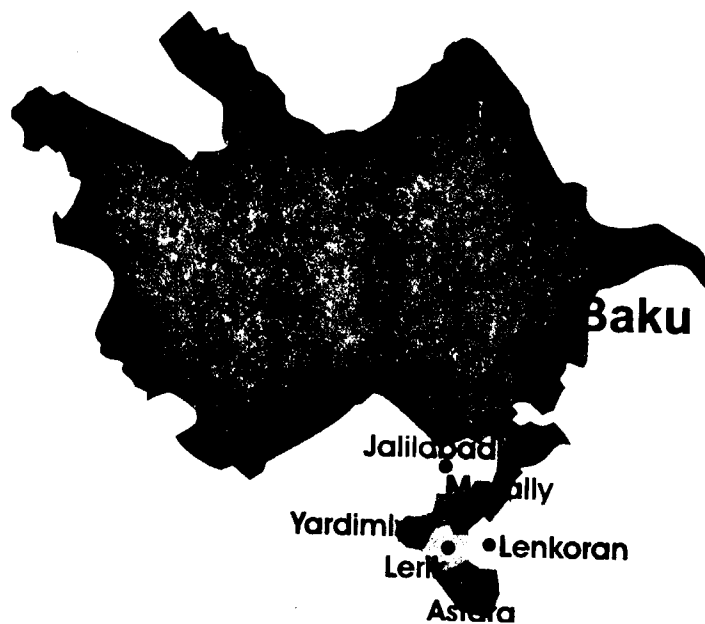
Показательна история официальной статистики по тальшам Азербайджана. Согласно данным переписи СССР, 1926 г., в Азербайджане проживали 77.3 тыс. тальшей (Всесоюзная перепись населения 1926 года, Москва, 1928-1929, Т.14: 11-13). По данным переписи населения 1937 г., засекреченным личным указанием Сталина (Жиромская и др., ук.соч.), в АзССР проживали 99.2 тыс. тальшей. Через два года, согласно данным переписи СССР 1939 г., число тальшей в Азербайджане снижается до 87.5 тыс. (Всесоюзная перепись населения Союза ССР 1939 года, см. ссылку 5). А в 1959 г. в АзССР насчитывалось 85 (sic!!!) тальшей (именно 85 человек) (Всесоюзная перепись населения Союза ССР 1959 года, см. там же). В переписях населения СССР за 1970 и 1979 гг. тальши, как компонент национального состава АзССР, вообще не числятся (Всесоюзная перепись населения Союза ССР 1970 и 1979, см. там же). Они вновь «неожиданно» появляются в количестве 21.2 тыс. только в официальных данных переписи

фонд 1562, опись 336, ед.хр. 966-1001 (Разработочная таблица ф. 15А. Национальный состав населения по СССР, республикам, областям, районам); Всесоюзная перепись населения Союза ССР 1959 г., РГАЭ РФ (быв. ЦГАНХ СССР), фонд 1562, опись 336, ед.хр. 1566а -1566д (Таблица 3,4: Распределение населения по национальности и родному языку); Всесоюзная перепись населения Союза ССР 1970г. РГАЭ РФ (быв. ЦГАНХ СССР), фонд 1562, опись 336, ед.хр.3998-4185 (Таблица 7с: Распределение населения по национальности, родному и второму языку); Всесоюзная перепись населения Союза ССР 1979 г. РГАЭ РФ (быв. ЦГАНХ СССР), фонд 1562, опись 336, ед.хр. 6174-6238 (Таблица 9с: Распределение населения по национальности и родному языку); Всесоюзная перепись населения Союза ССР 1989 г. Рабочий архив Госкостата России, Таблица 9с; Распределение населения по национальности и родному языку. См. также <http://demoscope.ru>

¹ За тот же период времени – задолго до начала Карабахского конфликта – доля армянского населения снижается в 2 раза – с 12% в 1959 г. до 6% в 1989г. Разумеется, «армянский сегмент» – далеко не единственная часть населения Азербайджана, за счет которого на протяжении десятилетий проводилась политика увеличения процента азербайджанцев в населении республики. Та же участь постигает и русских. От 13.6% русских от общего числа населения Азербайджана в 1959 г. остается лишь 5.6% – в 1989 и лишь 1.3% – в 1999 г. Исчезновение национального многообразия населения республики вследствие проводимой политики заметно и в данных переписей населения, показанных на рис. 2 в категории «прочие национальности». Их доля в 2009 г. составила всего 2% от общего числа населения, тогда как в 1926 г. она достигала 6%.

АзССР 1989 г., последней переписи советской эпохи времен горбачевской гласности (Всесоюзная перепись населения Союза ССР 1989 года, см. там же). А в 2009 г., как указывалось выше, официальное число талышей, проживающих в Азербайджанской Республике, составило 112 тыс, т.е. чуть больше, чем в 1937 г.¹

Приходится констатировать, что апрельская перепись населения 2009 г. не привела к сколь-нибудь объективной коррекции статистических данных о населении Азербайджана.

Южный Талыш на карте Республики Азербайджан

¹ Аналогичная судьба постигла и другие населяющие Азербайджан народы. Так, согласно данным переписи СССР 1926 г., в республике проживало 28 тыс. татов, а через 13 лет их официальное число равнялось нулю. Затем они вновь появляются в данных переписи 1959 г. в количестве 5.8 тыс. (соответственно Переписи 1926 и 1937 гг. – см. примечание 5). С 1989 по 1999 г. их число практически не изменяется (около 10 тыс.), и только в 2009 г., согласно соответствующей переписи населения, оно достигает 25.2 тыс. Еще более драматична ситуация с шахдагскими народами – джеками, будугами, хапутинцами, хыналугами, крызами. Как справедливо отмечает *Энциклопедия Народов Мира* (Москва, 2007, s.vv.): “Численность народов шахдагской группы можно приводить лишь оценочно, т.к. официальные власти Азербайджана рассматривают их и учитывают как азербайджанцев”.

Глава IV

СЛЕДЫ ДРЕВНЕЙШИХ ЦИВИЛИЗАЦИЙ НА ТЕРРИТОРИИ ТАЛЫША

Ареал, включающий две иранские провинции с талышским населением, Ардебиль и Гилян, имеет богатое историческое наследие. Хотя первые исследования памятников, найденных на этой территории, появились еще в начале XX века (De Morgan 1905: 251ff.), систематические раскопки здесь были начаты только в 50-х годах прошлого века, в основном иранскими и японскими экспедициями (Egami et al. 1965; Egami et al. 1966; Fukai/Tkeda 1971; и т.д.). В результате археологических раскопок, проводившихся под руководством Организации Культурного Наследия Ирана, недавно обнаружилось десятки новых памятников, относящихся к периоду от палеолита до исламской эпохи. На территории Гилана находится один из уникальных памятников Алешского периода нижнего палеолита — Ганджпар в Калуразской долине (Biglari et al. 2004). Один из обнаруженных в последнее время памятников эпохи неолита — Гуша-тепе близ Ардебилля, а первым и пока единственным неолитическим памятником в Гиlane остается Ард-е Дашт (Ohtsu et al. 2006).

Примечательны открытия, относящиеся к периоду формирования классовых обществ в бронзовом веке. Эти открытия свидетельствуют о том, что территория Гилана входила в зону распространения Кура-Араксинской культуры, которая охватывает период 4-3 тыс. до н. э.; характерной ее чертой является наличие круглых жилищ и ручной черно-полированной керамики. Эта культура, границы которой достигали на юго-западе Палестины (Кирбет-Керак), на севере – Северной Осетии и Дагестана (Шау-лагат, Великенд, Кайакенд), на юго-востоке – северо-западного Ирана (Гей-тепе, Хафтван-тепе, Янык-тепе) и до Кандавара (Годин-тепе), простирались также и на восток. Раскопки последних десятилетий свидетельствуют о распространении Кура-Араксинской культуры до южных берегов Каспийского моря – восточный Гилян и Казвин до озера Намак (Тепа Коли Дарвиш / Tarpe Qoli Darviš) (Fazeli Nashli/Ajorlou 2005). Кура-Араксинская керамика была найдена во время раскопок древних поселений на Дейламанских горах – в поселениях Диарджан, Эсмаилабад и Доранабад (Diyājān, Esmā'ilābād,

Dorānābād) (Fahimi 2005: 123ff). Наличие здесь подобной керамики, возможно, может объясняться мирными переселениями носителей этой культуры, которых иногда отождествляли с хурритами (Buguey 1994: 47ff.; Kohl 1995: 1051ff.). Одно из недавно обнаруженных поселений бронзового века – Кале Хосров около Ардебилля (Azarnoush et al. 2006). Характерной чертой периода бронзы были циклопические крепости с одним более крупным зданием в середине и более мелкими наблюдательными пунктами – по сторонам.

Курганное поле Шахрияри близ Мешкиншахра
(Azarnoush/Helwing 2005: 217, Fig. 37)

Памятники железного века Талыша представлены более широко. Из их числа можно отметить исследованное еще в конце 1970-х гг. курганное поле Шахрияри близ Мешкиншахра в провинции Ардебиль. Монумент уникален своими более чем 500 антропоморфными памятниками высотой до 2,3 м., рядами стоящими на курганном поле. Датируется этот комплекс началом

первого тысячелетия до н. э., хотя, возможно, памятники относятся к более раннему периоду (Piller 2010: 55).

С 2001 г. ирано-японская совместная экспедиция начала поисковые раскопки в горных районах на западе от Сефид-руда и обнаружила многочисленные поселения и курганы от железного века до исламского периода. Из недавно обнаруженных памятников наиболее значимым является Тепе Джалалие (Mousavi 2001).

В число памятников железного века на территории Талыша в Иране, наряду с такими известными, как Калураз, Амлаш и Марлик (Dyson 1985: 976; Negahban 1979), также входят Тул-Талеш, Марьян, Ак Елвар, Джамшидабад (Azarnoush/ Helwing 2005: 228ff.).

Антропоморфные памятники на Курганном поле Шахрияри
(Azarnoush/Helwing 2005: 218, Fig. 39)

Уже с начала I тыс. до н. э. упоминания о территориях западного Ирана появляются в ассирийских клинописных памятниках. Ассирийцы со времен Ашшур-натсил-апала II (884-858 гг. до н. э.) совершают многократные походы на восток, продвигаясь вглубь Иранского нагорья, особенно в период правления Тиглатпаласара III (744-727 гг. до н. э.) и Саргона II (721-705 гг. до н. э.) (см. Дьяконов 1956). По направлению к Иранскому нагорью продвигалось также и новообразовавшееся Урартское государство. А другим важным игроком в регионе, начиная с середины VIII века до н.э., стало царство Манна, господствовавшее в свое время над всей территорией северо-западного Ирана. Если верить ассирийцам, по представлениям которых одна из стран подчинявшихся Манне – Андия, была дальней страной, «которая простирается далеко, ... до Большого моря востока» (Tadmor 1973) — что может быть истрактовано как Каспийское море, — то это будет первым упоминанием будущей территории Гилана в письменных источниках.

Андия (mātAn-di-ú, mātAn-di-a-a) многократно упоминается в новоассирийских источниках, начиная с периода Салманасара III (858-824 гг. до н. э.) и до Саргона II (Grayson 1996: 70 (Ins. 180-182); Fuchs 1994: 421; Lanfranchi/Parpola 1990: Nos. V, 164₅, 171₂, г.3, 176₅, 177₃). Вскоре Андия появляется и в поле зрения урартов, которые, пытаясь укрепиться в стране маннейцев, начали разжигать антиманнейские и антиассирийские настроения в политических образованиях, подчинявшихся Манне, в том числе и в Андии. Далее, в результате военного похода на Андию, в этой стране к власти пришел проурартский царь Телвусина Андийский. Ассирии потребовалось 5 лет для восстановления власти маннейцев над прежними вассалами северо-западного Ирана.

Один из ассирийских походов на Андию в 715 г. до н. э. увенчался захватом провинции Туая(ди) – 8 крепостей с окружающими поселениями, принадлежавшие Телусину Андийскому. Источники сообщают также о 4200 пленниках (Fuchs 1994: 319 (Z. 106-108)). Несмотря на это, Андия продолжала выступать в антиманнейском и антиассирийском лагере вплоть до похода Саргона II на Урарту в 714 году до н. э.. Поражение Урарту открыло путь для нового этапа маннейского доминирования в северо-западном Иране.

Тесные связи Андии с Урартским государством, кажется, находят свои археологические подтверждения. В частности, на территории Гилана, в курганах Дейламских гор обнаружены несколько металлических находок с

урартскими надписями. На некоторых из них начертаны имена урартских царей – Менуа, Аргишти и Сардури (Ghirshman 1964; Tirac'yan 1966 Dalalian/Grekian 2004)¹. Кстати, эти предметы могут рассматриваться как дары, присланные урартскими царями местному правителю. Сравнительная многочисленность подобных артефактов позволяет высказать предположение о наличии здесь знакового государственного образования, которое, возможно, и было Андией (Tirac'yan, *ibid.*; Khalatbari 2004: 67).

Антропоморфные каменные фигуры из Курганного поля Шахрияри

В дальнейшем Андия перестает упоминаться в клинописных источниках. Однако, С. Парпола считает, что в «Кюропадии» Ксенофонта, вместо названия страны Индия (India), должно было быть Андия – явный результат сходства двух названий, по его мнению (Parpola 2003: 342).

¹ В целом, обнаруженные на территории Гилана урартские наскальные надписи и артефакты (более 50-и) считаются самыми древними литографическими памятниками после месопотамских печатей из курганов Марлика (см., в частности, Negahban 1996: 94; *idem* 1979)

Что касается присутствия мидян в Талыше, то этому нет прямых свидетельств. Более того, сегодня ставится под сомнение возможность существования Мидийского государства вообще¹. А уже в Ахеменидскую эпоху в греко-римских источниках местные жители этих территорий упоминаются как кадусии. Хотя о языковой принадлежности последних нет данных, не исключается, что они являются предками талышей (Asatrian/Borjian 2005: 46ff).

¹ В частности, см. Fales 2003.

Глава V

ТАЛЫШИ В XIII-XIX ВВ.

Талыши – народ, разделенный на две части в результате русско-иранских войн первой трети XIX столетия: северный Талыш сегодня входит в состав Азербайджанской Республики, а южная часть талышского народа живет в пределах Исламской Республики Иран.

Название страны “Талеш”, или “Тавалеш”, впервые появляется в арабских письменных источниках IX-X вв., но четкое указание на отдельную административно политическую провинцию (область) под названием “Талыш” (или “вилайет Талыш”) мы встречаем впервые у Рашид ад-Дина Фазлуллаха, и относится оно к концу XIII в.

В источниках XIV-XVII вв. уже гораздо чаще и подробнее говорится и об области Талыш, и о талышах как народе, игравшем самостоятельную роль в пределах ирано-кавказского культурно-политического (потестарного) пространства, но, тем не менее, отметим, что сведения чаще отрывочны, разбросаны в разных рукописях, а отдельной региональной хроники Талыша (подобно “Тарихи Табаристан”, “Тарихи Систан” и др.), фактически, не было создано.

История талышей обычно содержится в хрониках, сообщающих о происхождении и правлении династии Сефевидов (1501-1736гг.). Поэтому первоначальная история талышей прослеживается через историю Ирана в XIV-XVIII вв. Вероятно, это был период интенсивного формирования как народностей, так и политических институтов на этой территории.

Дейлам – горный район рядом с Талышом и Гиланом; многие авторы отмечают большое сходство в описании внешнего вида, обычаев и традиций, языка и методов хозяйствования горных талышей и дейламитов. Интересно другое – после XII в. упоминания о дейламитах из мусульманской историографии почти исчезают, а уже в конце XIII в. мы имеем сведения периода правления Хулагиды Газан-хана (1295-1304) о “вилайете Талыш” почти в том же районе и с тем же описанием, что и более ранний (IX-XII вв.), горный Дейлам. Мы знаем о миграциях дейламитов в различные области западного и северного Ирана; известно, что они были поселены Хосровом Ануширваном в крепости Дербента как хорошие воины, а в монгольский

период часть дейламитов переселилась в Малую Армению - в Дерсим и составила основу народности, известной сегодня как заза (Асатрян 1992: 104-105). Возможно, другая часть дейламитов смешалась с талышами в XIV-XVI вв., так что их перестали различать мусульманские историки и географы более позднего периода.

В недавно изданном в Тегеране полном своде сборника летописей Рашид ад-Дина Фазлуллаха (1297-1318гг.) содержатся два интересных отрывка о периоде начала правления Хулагидского ильхана Газан-хана (конец XIIIв.). Рассмотрим их подробнее: “Возле западного берега Каспийского моря есть город Талыш и он населен талышами, а еще этот город во времена дейламитов и сельджуков называли Далан-нав’вар” (Rashid ad-Din Fazllulah 1993-1994, vol. III: 2244). Упоминание города, отражающее этническое наименование населения, скорее всего говорит о желании Рашид ад-Дина передать произошедшие трансформации в наименовании горного района (и его жителей) между Гиланом и Муганской степью, где и тянется почти параллельно побережью Каспийского моря Талышский хребет с севера на юг – от р.Балхара, границы Муганской степи на севере до р. Сефидруд (Сипиару – на талышск.) на границе с Гиланом - на юге.

Совершенно очевидно, что говоря “о временах дейламитов” Рашид ад-Дин имеет в виду династию Буидов (Бувайхидов), оставившую заметный след в истории Ирана X-XI вв.

Западная граница ареала расселения талышей в период XV-XIXвв., как и поныне, фактически ограничена Талышским хребтом, куда помещали прародину дейламитов в IX-XIIвв. различные мусульманские источники географического и исторического характера. Можно допустить и то, что Рашид ад-Дин, не напрасно вспоминая о “городе Талыше”, приводит его вместе с наименованием дейламитов – скорее всего он хотел показать, что речь идет об одном и том же районе, который раньше считался дейламским, а теперь (в начале XIVв.) называется Талышем.

В другом месте своего труда “Джами’ ат-таварих” Рашид ад-Дин Фазлуллах снова говорит о Талыше уже как об отдельной области в державе Хулагидов: “Великий падишах Газан-хан решил отправиться на охоту в вেলাйт Талыш, что возле Мугани. Было известно, что в Адарбайджане у Талышских гор скрываются от властей многие разбойники и оубаши (люмпены – С.М., Р.С.) и многие купцы и благочестивые мусульмане опасались дорог вдоль (возле) Талышских гор из-за непрерывных нападений и грабежей. Великий падишах разбил свой лагерь у подножья Талышинских

гор и в течение короткого времени очистил все окрестности от разбойников, а все оубаши были тоже уничтожены. После этого он потребовал от своих слуг создать (построить) множество небольших укрепленных пунктов (укрепленные башни или небольшие крепости) для контроля над всей территорией вেলাята и приказал в каждом из этих пунктов поставить кормушки для того, чтобы серны и газели, медведи и лисицы, дикие ослы и мулы, волки и горные козлы и все другие дикие животные могли бы питаться в голодное время года и беспрепятственно размножаться. После этих трудов падишах Газан-хан устроил большую охоту в вেলাйте Талыш и в Муганской степи” (Rashid ad-Din Fazllulah 1993-1994, vol. II: 1302).

Известно, что город Ардебиль считался центром Талыша, но мусульманские авторы не знали времени его основания. В.Ф. Минорский аргументированно показал, что благодаря армянским источникам сохранилась дата основания этого важного в культурно-политической жизни Ирана города – III в. н.э., т.е. начало правления династии Сасанидов (Minorsky 1930: 5-11). В армянской передаче название Ардебиль сохранилось в форме Artawet. В мусульманский период сохранилось сравнительно полное описание Ардебиля в труде ал-Мукаддаси (985г.). Этот автор локализует его от Дейлама на юго-запад, от Табриза - на юго-восток, от Мараги – на восток, а от Барзанда – всего в двух дневных переходах на восток (Мукаддаси 1994: 299, 301, 304, 307-309). По описанию Мукаддаси, город Ардебиль в X в. был столицей провинции Адарбайджан, а вокруг него жили народы, говорящие на 70 языках (возможно, имеются в виду различные иранские диалекты, а может быть более древние, принадлежащие местному автохтонному населению языки). В главной мечети города содержался камень-метеорит, который когда-то упал с неба (Мукаддаси 1994: 307). Без сомнения, подавляющая часть дейламитов принадлежала к так называемым “южно-татской” группе – конгломерату иранских диалектов, называемых ныне “азари”, куда входил и талышский язык (см. в частности, Clifton, et al 2005: 24-27; Киракосян 2007: 67-68).

В бурных событиях XIV в., связанных с борьбой за власть Джелаиридов, мы снова встречаем упоминания о Талыше и астаринцах, ардебильцах, которые поддержали султана Ахмада (1382-1406гг.) в его борьбе за власть в Западном Иране.

Последний набирал войска в Арране, Мугани и Ардебиле (Хафиз Абру 2007: 226). Очевидно, в Ардебиле в войска набирались талыши, потому что, рассказывая о походе султана (ильхана) Олджайту в 1307г. против Гилана и

непокорных его правителей, источник XIV в. говорит об ограблении монголами Талыша, а скрывавшееся в лесах местное население называет дейламитами (Хафиз Абру 2007: 35). Выходит, что, как и Рашид ад-Дин, другой источник – Хафиз Абру – не делает разницы между дейламитами и талышами, что, вероятно, говорит о том, что уже в начале XIV века эти два этнонима выступали почти как синонимы. Область называлась Талыш, а население ее – то одним, то другим этнонимом.

Фактически, как была отмечено, в период XVI-XVIII вв. название дейламиты и страна Дейлам полностью исчезают (за редким исключением) из источников, а взамен утверждаются названия области Талыш и ее населения – талышей. В целом, наименование дейламиты (как жители горных теснин) вытесняется упоминаниями талышей, живущих и на равнине, и в горных районах Талышского хребта.

Можно предположить, что укрепившиеся с помощью Ордена Сефевийа и шиитского учения талыши повели наступление на горные районы соседнего Дейлама в XV-XVI вв.; и все чаще именно в этот период источники говорят о Талышах и дейламитах вместе, рядом, а иногда упоминая название области, Талыш, называют населяющих ее дейламитами. Учитывая традиционно высокий уровень миграции, характерный для дейламитов и в более ранние периоды истории, весьма вероятно, что та часть дейламитов, которая не слилась с талышами мигрировала в западном направлении, в Западный Иран и в Анатолию. Данные топонимики (названия местностей Дайламан, Дилман и т.д. в курдонаселенном ареале Ирана), а также упомянутые нами выше заза в Центральной Анатолии (самоназвание *дымли* из *dēlmīk*, т.е. “дейламит”), говорят в пользу данного предположения (см. Асатрян 1992: 104-105).

Судя по событиям XV-XVI вв., район расселения талышей в этот период значительно расширился в западном и южном направлении.

В описании Шараф ад-Дина Йазди, придворного историографа Тимурленга, встречаются упоминания о Талыше и о Ардебиле как о центрах уже сложившегося феодального образования.

Когда в 1386г. Тимурленг решил отвоевать у хана Золотой Орды Тохтамыша южный Кавказ и северо-западный Иран и совершил свое первое вторжение в эти края (Товма Мецопеци 2005: 21), к нему в лагерь на берегах Куры явились “ширваншах Шейх-Ибрагим и многие местные правители” (Шараф-ад-Дин Йазди, том I. 1723: 264, 272, 273). Тимурленг выдал грамоту ширваншаху на его владения до Дербента включительно (а этот город не принадлежал правителю Ширвана до этих событий) и раздал грамоты

местным владельцам Талыша, Ардебиля, Гилана, Кызылагача, Амуля, Миане, Дейлами, Шекки. Местные эмиры, признавшие его власть, сопровождали армию “железного хромца” в походах через Дербент и Северный Кавказ на территорию Золотой Орды: тогда были разорены Сарай (столица), Астрахань, Азов и другие города и области наследников Батыя. Тогда же (или чуть позже – в 1396г., когда Тимурленг возвращался из похода в Поволжье и Северный Кавказ на Золотую Орду) Тимурленг выдал грамоту потомку шейха Сафи-ад-Дина по имени Шейх-Али на обладание Астарой и Горганрудом, исконно талышскими землями (Шараф ад-Дин Йазди, том I. 1723: 273). По другим источникам, легитимизация (с выдачей грамот на владение) владельцев Астары, Горганруда, Халхала и Ардебиля – а все эти области известны как талышские – была произведена Тимурленгом в 1403г., после возвращения из Малой Азии, где в знаменитой битве под Ангорой в 1402г. он разбил и пленил османского султана Баязида Молниеносного (Товма Мецопеци 2005: 54-55; Садегиния 2007: 45, 47).

Шараф ад-Дин Йазди пишет, что в октябре 1403г., возвращаясь из похода в Малую Азию и Западную Грузию (“страну Абхаз”), Тимурленг, по своему обыкновению, остановился в Нагорном Карабахе, разбил здесь свой лагерь и наслаждался восхвалениями и лестными признаниями в любви и верности всех окрестных эмиров, владевших Бардаа, Байлаканом, Арраном, Ширваном, Ардебилем, Шекки, Гиланом, Дейламом, Кызылагачем, и даже приказал за короткое время восстановить лежавший в развалинах Байлакан (Шараф ад-Дин Йазди, том II, 1723: 318, 320, 332-333, 340). Но при описании этих событий говорится о подтверждении наследственных прав на правление только у ширваншаха Шейх-Ибрахима, а про всех остальных историк пишет, что Тимурленг подтвердил их правление, но без уточнения о том, что им тоже были выданы грамоты (Шараф ад-Дин Йазди, том II, 1723: 340, 344).

Дальнейшая история талышей тесно связана с приходом к власти в Иране династии Сефевидов, которым они служили с самого начала борьбы за власть. Когда в июле 1488г. войсками султана Якуба Ак-Коюнлу и ширваншаха Фаррух-Ясара были разгромлены отряды газиев шейха Хейдара, потомка Сафи ад-Дина Ардабили, а сам он был убит, то оказалось, что среди газиев большинство составляли талыши. Этот факт отмечается во многих источниках, повествующих о Сефевидах. Вскоре юный сын шейха Хейдара Исмаил возглавил Орден Сефевийе и расправился с ширваншахом Фаррух-Ясаром, который был убит в 1500 г. А уже в 1501 г. Исмаил вступает в Табриз и становится шахом Ирана.

Еще в 1496г. и в 1499г., в начальные критические моменты своей биографии, Исмаил опирался на талышей, жителей Ардебиль, Горганруда, Астары и Ленкорани (Абилов/Мирзализаде 2011: 163). По описаниям источников, пешие отряды талышей составляли основу армии Исмаила, наряду с конными ополченцами семи кызылбашских племен – устаджлу, текелю, зулкадар, афшар, каджар, шамлу и румлу (Маркарян 2007: 51). До конца XVII в., почти двести лет, Талыш в административном и налоговом отношении входил в состав созданного Сефевидами при шахе Исмаиле (1501-1524гг.) Гилянско-го беклярбекства (Абосзода 2011: 58) и население выплачивало налоги хану Гилана.

При шахе Тахмаспе (1524-1576гг.) талыши занимали в армии видные посты и не раз использовались против мятежников. Известностью пользовались Мухаммед-бек Талыш, его сын Хамза-бек, а также Касем-бек Талыш (Ахмади 2009: 55-57). После смерти шаха Тахмаспа талыши приняли участие в борьбе за шахский престол на стороне его сына Хейдар-Мирзы, но потерпев поражение, были подвергнуты репрессиям со стороны шаха Исмаила II (1576-1578гг.).

В персидских источниках XVI в. правители талышей уже периодически называются “ханами”, наряду с более обычным титулом “бек”. Но уже в период второй половины XVI в. их авторитет в государстве Сефевидов, по-видимому, настолько возрастает, что талышским правителям присваивают только титул “ханов”. При шахе Аббасе I (1587-1629 гг.) талыши восстают против центральной власти в 1598 г. и 1629 г. Талыш разоряется шахскими войсками, а предводитель восстания, Талыш-Кули, в 1598 г. подвергается казни. Шах Аббас активно заселял Талыш тюркскими племенами караманлу. Этому активно противился правитель Ленкорани Амир-Хамза-хан Талыш (Ахмади 2009: 77-78), но, уступив шахским войскам, он был вынужден эмигрировать в Ширван. В подавлении гилянского восстания 1629 г., в котором принимали участие и талыши, активно участвовал также и Сару-хан Талыш, правитель Астары (Абилов/Мирзализаде 2011: 164), ставший впоследствии видным сановником шахского двора.

Несмотря на военно-политическую активность талышей в период правления шаха Аббаса Первого, именно этот представитель династии Сефевидов вновь произвел легитимизацию владений талышей – он повторно выдал в 1608 г. грамоту на владение Талышом и его основными городами с округой (Астара, Ардебиль Ленкорань, Халхал, область Кызылагача) тем наследственным правителям, которые в это время управляли в названных

областях (Algar 2006: 14). В правление шаха Аббаса I Талыш и, в частности, его главный город Ардебиль считались основными центрами по распространению шиизма в Иране, хотя известно, что шиитская ветвь ислама утвердилась в этих краях еще при шейхе Джунейде (1447-1460гг.) и шейхе Хейдаре (1460-1488гг.).

Посему можно, видимо, считать, что не Сефевидские шахи способствовали распространению и утверждению шиизма в Талыше и вообще Западном Иране, о чем часто пишут специалисты по истории Ирана (см. например, Algar 2006: 14-16), а, скорее, наоборот – в укреплении династии Сефевидов большую роль сыграло именно утвердившееся в Талыше, Гилане и Мазендаране учение шиизма. Это происходило в период XIV-XV вв. – и ключевым моментом, возможно, нужно считать традиции и практику газавата. Хотя в отряды газиев набирались добровольцы со всех концов Западного, Южного и Северного Ирана, тем не менее, довольно долгое время основную часть войск газиев составляли талыши, что и нашло отражение в сведениях источников.

При шахе Сулеймане (1667-1694 гг.) все земли Талыша были объявлены шахским доменом, личным его владением. Нападения казаков Степана Разина в 1668-1670 гг. привели к разграблению Ленкорани и других городов в Мазендаране, как и всего каспийского побережья области Талыш – шахские войска не смогли отбиться от казаков (Стрейс 1935: 200-201).

В правление шаха Хусейна (1694-1722 гг.) иранское государство Сефевидов вступает в эпоху глубокого кризиса, закончившегося завоеванием страны в 1722г. афганцами.

Начавшийся распад государства Сефевидов в конце XVII – нач. XVIII вв. привел местную знать (магал-беков) к пониманию того факта, что в условиях ослабшей центральной власти нужно стремиться к обособлению и созданию собственных государственных образований (ханств). Первым попытку оформить свою независимость от Гилянского хана (беклярбекства) и Сефевидского шаха предпринял уже в конце XVII века владетель Ленкорани Омар Агис, а следом за ним – и другие талышские владетели; в Астаре это был Мамед-Гусейн, а в области Кызылагача – Муса-хан. Они объявили себя самостоятельными и не считались с центральной властью (Абосзода 2011: 58-59).

Владетель Астары Мамед-Гусейн вскоре подчинился Муса-хану. Последнему также удалось покорить Ленкорань в начале XVIIIв., а во время персидского похода Петра I в 1722-1723 гг. он принял русскую ориентацию.

По Хамаданскому договору между Османской Турцией и Ираном территории Западного Ирана временно уступались Османской Турции, а Дербент, Баку, Гилан (с Талышем) и Мазендаран, по договору с Российской империей от 1723 г., отходили к последней (Юзефович 1869: 121-125).

Известно, что столицу Ирана и большую часть страны в октябре 1722г. захватили племена афганцев, а Сефевидский шах скрывался на севере, у берегов Каспийского моря в ожидании национального вождя, способного возглавить борьбу с афганцами. И в 1729 г. здесь же, на севере Ирана, появился талантливый, но жестокий и коварный полководец Надир-хан. Заручившись поддержкой Российской империи, он начал удачную войну с Османской Турцией за возвращение занятых ею областей и одновременно методично и последовательно принялся вытеснять афганцев из Ирана в Афганистан. Разбитая турецкая армия отступила на запад, и по договорам 1732г. и 1736г., Ирану вернулись западные области вместе с Багдадом и Ираком (Юзефович 1869: 190-192).

По иному развивались отношения с Россией: по Рештскому договору 1732 г., Ирану были переданы Гилан, Талыш, Мазендаран, а по Ганджинскому договору 1735 г. – все остальные прикаспийские провинции: Дербент, Баку и Ширван (Юзефович 1869: 198-202). По условиям этих договоров Иран обязывался не допускать в эти области Турцию и не передавать их иной, третьей стороне.

Однако, получив снова в свое управление Талыш, Надир-шах уже в 1736 г. обвинил в прорусской ориентации местного правителя Муса-хана. Последний отказался от власти и удалился из Ленкорани, а в 1736 г. Надир-шах признал владельцем Талыша Сеид Аббаса, представителя боковой ветви свергнутых им Сефевидов. По фирману Надир-шаха он был объявлен ханом Талыша и беглярбеком этой иранской области (Ходāverdī 2004: 5). Именно с этого времени, 1736 г., как принято в историографии вопроса, начинается история отдельного Талышского ханства.

Сеид Аббас-хан, основоположник талышского ханства, всячески декларировал свою верность Надир-шаху и в знак верности своему могущественному сюзерену даже отправил на службу ко двору шаха своего сына Джамал Эд-Дина, более известного в истории Талыша под именем Гара-хан (Черный хан). Свое прозвище, заменившее в хрониках его настоящее имя, Джамал Эд-Дин получил от темного цвета кожи. В то же время Сеид-Аббас поддерживал дружеские связи с русскими – генерал Матюшкин помогал ему посылкой через море оружия и боеприпасов. Сеид-Аббас, по-сути, вел

политику лавирования между русскими властями на Северном Кавказе и Надир-шахом. Тем временем, Гара-хан участвовал в восточных походах Надир-шаха, а после смерти своего отца в 1747 г. был провозглашен вторым талышским ханом по праву наследования (поскольку Талыш по фирману Надир-шаха от 1736 г. был наследственно закреплен за его родом).

Вскоре в результате заговора, в том же 1747 г., был убит всесильный Надир-шах. На южном Кавказе это событие было воспринято как сигнал к отделению от Ирана и провозглашению независимости. Шеккинский, гянджинский, карабахский, куббинский и талышский правители объявили себя самостоятельными.

В знак того, что теперь хан Талыша сам будет решать все важные вопросы внутри ханства, Гара-хан после смерти Надир-шаха перенес столицу ханства из Астары в Ленкорань (Мирза Джамал Джаваншир 1959: 66). Это был явно демонстративный шаг, вызванный не столько экономическими или политическими причинами, сколько желанием подчеркнуть свою независимость. Дальнейшее усиление и оформление суверенитета в Талыше связано с именем Гара-хана и его сына Мир-Мустафа-хана (1786-1814 гг.).

Именно при Гара-хане его столица Ленкорань из небольшого поселения превратилась в большой город с крепостными стенами, ханским дворцом, караван-сараями, банями, новыми мечетями и обширным базаром. Однако, такое усиление Талышского ханства не очень устраивало Гилянского беглярбека. Гилянский хан Хидаят потребовал покорности от Талыша и ежегодной выплаты дани (Керим Ага Фатех 1958: 46-47). Особенно раздражали Хидаят-хана и его патрона, Керим-хана Зенда, все более укреплявшиеся торговые, политические и дипломатические связи Талышского ханства с Россией через Астрахань, как и вообще прорусская внешнеполитическая ориентация правителя Ленкорани. Русские консулы в Энзели (в 1765 г. – И.Игумнов, а в 1767 г. – И.Шубинин) докладывали в Петербург о желании Талышского Гара-хана принять российское покровительство.

Не сумев угрозами запугать Гара-хана, правитель Гилана совершил в 1768 г. вторжение в Талыш, разорил его земли, а Гара-хана захватил в плен и увел в Гилан. Но в события вмешался усилившийся в то время лезгинский правитель Куббинского ханства Фатали-хан. Он потребовал освобождения Гара-хана, под предлогом того, что талышские магал-беки [т.е. заместники отдельных частей ханства (всего их было 6)] признали его своим сюзереном и обязались платить дань, и поэтому Гара-хан должен быть освобожден и

вернуться в Ленкорань (Гаджинский 1847). Да и международная обстановка изменилась - назревала война между Российской империей и Османской Турцией (1768-1774 гг.).

Керим-хан Зенд, правитель Ирана, никак не мог определиться, чьим союзником выступить в будущей войне - России или Турции. Он одинаково не желал видеть в Грузии, Армении, ханствах Восточного Кавказа ни турецких, ни, тем более, русских войск, а сам не имел ни сил, ни финансов для того, чтобы ввести в эти районы свои войска и закрепить их за Ираном.

В этих условиях гиланский правитель Хидаят-хан не стал дожидаться развития ситуации и сам стал заигрывать с Россией, попросив ее покровительства в 1773 (Абосзода 2011: 62-63). Эти обстоятельства укрепили позиции Гара-хана Талышского, и хотя он в 1785 г. присягнул в верности Куббинскому Фатали-хану, обязуясь платить ему дань, это не помешало ему заниматься дальнейшим укреплением и развитием Талышского ханства. Он стал опираться на помощь русского консула в Энзели и даже писал письма императрице Екатерине II с просьбой ввести в Талыш русские войска, обещая обеспечить их продовольствием и помещениями и самому быть верным слугой российской короны (Ахмади 2009: 108).

После смерти Гара-хана в 1786 г. ханом Талыша становится его сын Мир-Мустафа-хан. Правление последнего не без основания считается периодом наивысшего подъема независимого Талышского ханства. Мир-Мустафа-хан воспользовался смертью в 1789 г. могущественного правителя Куббинского ханства Фатали-хана и снова объявил о полной независимости Талышского ханства. При этом он четко принял прорусскую ориентацию и сохранил ее до конца жизни. Не случайно, что даже после присоединения в 1802 г. к России Талышского ханства Мир-Мустафа-хан сохранил титул правителя и даже получил в 1813 г. чин генерал-лейтенанта российской армии, почетную пенсию и ряд экономических привилегий (Мустафаев 1989: 104-108).

Прорусская ориентация Мир-Мустафа-хана и сопротивление агрессивным устремлениям Ага-Мохаммед-хана Каджара привели к обострению отношений Талышского ханства с претендентом на шахский престол. Мир-Мустафа-хан даже поддержал брата Ага-Мохаммед-хана в междоусобной борьбе Каджаров и был вынужден в ожидании карательной экспедиции последнего обратиться к императрице Екатерине II с настоятельными просьбами о приеме Талышского ханства под российское покровительство (Акты КАК, т.1, 1866, док. 868: 630; т.2, 1868, дело 1528, 1529: 747; т. VI, ч.1, 1874, дело 1349: 881-882). Россия в это время уже в четвертый раз отложила

готовящийся в прикаспийские области поход русской армии во главе с А. В. Суворовым, ввиду обострения отношений с Османской Турцией, впоследствии приведшего к войне.

А тем временем захвативший все провинции Западного, Южного и Центрального Ирана Ага-Мохаммед-хан, не будучи пока еще шахом Ирана, обратился в 1793 г. к правителям прикаспийских областей и грузинскому царю Ираклию II с требованием покорности и выплаты дани (Грамоты и другие документы 1902: 87). В ответ на это на Южном Кавказе сложилась антикаджарская коалиция – по сообщению источников, грузинский царь Ираклий, правитель Эриванского ханства Мохаммед-хан, правитель Карабахского ханства Ибрахим-хан и Талышский хан Мир-Мустафа поклялись друг другу в союзе и взаимной помощи против вторжения войск Каджарской династии (Мирза Джамал Джеваншир 1959: 79; Ахмед-бек Джеваншир 1901: 73-75). Однако, эта коалиция оказалась нежизнеспособной и не смогла противостоять вторжению войск Ага-Мохаммед-хана в 1795 г. на Южный Кавказ.

Активизация русской политики на Южном Кавказе была связана с деятельностью генерала И. В. Гудовича (1741-1820 гг.; с 1807 г. – генерал-фельдмаршал), назначенного Императрицей Екатериной II в 1791 г. главнокомандующим российскими войсками на Кавказе с резиденцией в г. Георгиевске. Генерал получил подробные инструкции российского правительства о том, как именно ему следует действовать, чтобы привлечь на свою сторону правителей областей южного и восточного Кавказа с тем, чтобы они по примеру Грузинского Картли-Кахетинского царства отказались бы от союзничества с Иранским шахом и дали присягу верности Российской империи. В числе этих правителей упоминался и хан Талыша.

Генерал И.В. Гудович развернул активную дипломатическую переписку, приглашая к принятию присяги Куббинского, Бакинского, Шеккинского, Шемахинского, Талышского и Гянджинского ханов. Прислал своего посла для переговоров о переходе в русское подданство и Мир-Мустафа-хан. Он понимал, что в случае вторжения армии Ага-Мохаммед-хана его владения подвергнутся разорению в первую очередь и надеялся избежать этого с помощью русского покровительства.

Но ни генерал И. В. Гудович, ни министры в Петербурге не спешили доверять мусульманским владельцам областей Кавказа. Только в мае 1795 г. И. В. Гудович сообщил в Петербург о горячем желании талышского хана принять русское подданство. Тогда же Мир-Мустафа-хан отправил своих

вельмож – сначала Заман-бека, а потом Кербалай Асадулла-бека – для ускорения переговоров о переходе Талыша в русское подданство. Тем временем, летом 1795 г., армия Ага-Мохаммед-хана численностью более 85 тыс. воинов, вступила через Худафиринский мост в Карабах. Царь Ираклий прислал в помощь Карабахцам своего сына, царевича Александра с отрядом более чем в 1 тыс. воинов. Войска шаха были рассеяны и отступили из Карабаха, но поход не прекратился. Ага-Мохаммед-хан решил покорить мусульманские ханства прикаспийских областей, обойти Карабах и Гянджу с востока и вновь вторгнуться в Грузию.

Генерал И. В. Гудович получил предписание из Петербурга отправить в помощь грузинскому царю Ираклию два батальона пехоты и роту артиллеристов при 12 орудиях (Маркарян 2007: 56). Но было уже поздно – предписание пришло 5 сентября, а войска Ага-Мохаммед-хана уже подошли к Тифлису и осадили его, а 11-го сентября взяли город штурмом, подвергнув его разграблению. В этом же предписании генералу Гудовичу напоминали из Петербурга, что если Ага-Мохаммед-хан желает, чтобы Россия признала его шахом Ирана, он должен отказаться от всех прав на Дагестан, Шемаху, Талыш, Гянджу и Карабах, и тем более, на Грузию. Но и это послание Петербурга опоздало – поход каджарского шаха уже состоялся.

Когда в Петербурге узнали о разграблении Тифлиса, генералу И.В.Гудовичу в ноябре 1795 г. было приказано уже вторично немедленно отправить полковника Сырохнева с двумя батальонами солдат, с 6-ю пушками и 5 сотнями казаков на помощь грузинскому царю в Тифлис. Тогда же генералу И.В. Гудовичу было предписано готовиться к большому походу по берегу Каспийского моря на Иран к весне 1796 г., чтобы отомстить Ага-Мохаммед-хану и заодно привести к покорности русскому правительству все мусульманские области в этой местности.

В это время уже закончилось польское восстание; А. В. Суворов снова был послан в Астрахань для подготовки армии к походу и ему же было поручено командование экспедиционным корпусом. Однако, слава великого полководца многим не давала покоя, и завидовавшие ему и его популярности генералы И.В. Гудович и В. Зубов хлопотали в Петербурге о том, чтобы именно они были назначены командовать этим походом русских войск. Когда Суворову стали известны эти закулисные интриги, он обратился с посланием напрямую к императрице Екатерине II с просьбой освободить его от командования корпусом и перевести на службу в Приазовье.

В феврале 1796 г. императрица подписала рескрипт о назначении генерал-поручика графа В. А. Зубова (брат которого был в это время в фаворе при императрице) командующим персидским походом, а генералу И. В. Гудовичу было предписано остаться в Георгиевске и подготовить боеприпасы, продукты и снаряжения для войск В. А. Зубова, постоянно поддерживая с ним связь. Генералу Зубову вменялось в обязанности обеспечение безопасности русской торговли по Каспийскому морю и охрана безопасности, жизни и имущества жителей Бакинского и Талышского ханств.

Экспедиционный корпус состоял из 3-х частей при общей численности в 33 тыс. воинов, из которых около 10 тыс. конницы состояло из казаков и калмыков (Мустафаев 1989: 89). Со 2-го по 10-ое мая 1796 г. войска Зубова штурмовали Дербент и взяли его. Назначенный к генералу советником Иосиф Аргутинский (Овсеп Аргутян) красочно описывает падение Дербента в своих письмах (Письма архиепископа Иосифа Аргутинского 1872: 32), из которых, помимо прочего, следует, что Зубов больше занимался восхвалением своей персоны в рапортах в Петербург, описывая несуществующие свои подвиги, чем ратным делом. Он не стеснясь, называл себя великим полководцем в посланиях ко двору. Кстати, А. В. Суворов догадывался о происхождении “подвигов” Зубова и довольно едко высмеивал его в своих письмах.

Уже 9-го июня передовой корпус войск Зубова занял Куббу; ключи от городской крепости были отосланы в Петербург. Затем несколько дней ушло на переправу через р. Самур. Отсюда архиепископ Иосиф Аргутинский обратился к армянским меликам Карабаха, призывая их вооружать народ и готовиться к встрече русских войск, чтобы вместе с ними освободить Армению от ига иноземцев. Прибывший в лагерь русских войск бакинский хан Гусейн-Кули-хан 16 июня вступил вместе с русскими в Баку, население которого восторженно приветствовало передовой отряд генерала Гаврилы Рахманова и устроило ему салют из крепостных орудий. Шемахинский правитель Мустафа-хан также пригласил русские войска в свои владения, однако Зубов не доверял ему и Карабахскому хану Ибрахиму, считая этот шаг коварным трюком. Переписка Мустафа-хана с генералом И. Савельевым, действительно, говорит о его попытках лавировать между Ага-Мохаммед-ханом Каджаром и русским военным командованием. Как бы то ни было, в начале июля 1796 г. Мустафа-хан прибыл в лагерь русских войск под Баку и принял присягу верности российской короне. Следом за ним последовал и правитель Шекки Селим-хан, о чем Зубов информировал Петербург в своих победных реляциях (Жизнь Артемия Арабатского 1980: 134, 136).

Уже в конце июля 1796 г. в лагерь русских войск под Баку доставили письма от правителя Талыша Мир-Мустафа-хана, (1786-1814 гг.), в которых хан сообщал, что из Ирана приходят упорные слухи о приготовлениях к походу на Талыш и Карабах Ага-Мохаммед-хана, и население, опасаясь резни и разграбления, покидает села и города и укрывается в глухих, малодоступных местах, а часть жителей ханства и вовсе уже покинула насиженные места и ударилась в бега – в Дагестан и в Восточную Грузию. Чтобы успокоить население и предотвратить миграцию, правитель Талышского ханства просил у главнокомандующего русскими войсками прислать отряд с несколькими пушками. По приказу Зубова контр-адмирал Федоров высадил возле Ленкорани десант численностью около батальона солдат (Материалы для истории русского флота 1898: 116).

В октябре 1796 г. русская армия выступила к месту слияния Куры и Аракса, а корпус генерала Римского-Корсакова получил приказ занять Гянджу и обеспечить прямой контакт с Картли-Кахетинским царем Ираклием II. Корпус Римского-Корсакова только в декабре 1796 г. достиг Гянджи, и ему тут же поднесли ключи от города, а к этому времени в ноябре (6-го числа) 1796 г. в Петербурге уже скончалась императрица Екатерина II.

Для закрепления за Россией всех новых провинций (принявших ее подданство мусульманских владетелей Восточного Закавказья) уже в июне 1796 г. была учреждена должность поверенного в делах России в дипломатическом ранге, на которую был назначен полковник Коваленский (Акты КАК, т.2, 1868: д. 542, доп. 1142). С его участием в русском лагере у генерала Зубова в конце октября состоялось совещание, на котором было решено по плану майора А.Сереброва отправить отряд русских войск (около 2,5 тыс. солдат) на помощь грузинскому царю Ираклию II, с тем чтобы он в феврале-марте 1797 г. совершил поход на Ереван; а для облегчения задачи грузинских войск Каспийскому корпусу генерала Зубова предписывалось соединиться с войсками талышского Мир-Мустафа-хана и через Талыш (Ленкорань), Карабах-Сюник-Зангезур напасть на Ереванского хана с востока, тогда как отряд полковника Сырохнева должен был одновременно нанести удар от Ленкорани вдоль побережья Каспийского моря и взять порт Энзели и г. Астарabad в Иране.

Однако, в декабре 1796 г. генерал В.А.Зубов получил от нового императора Павла I предписание немедленно вернуться в район Кавказских Минеральных Вод и очистить от русских войск территории занятых ханств

Восточного Закавказья. Отход русских войск начался в декабре, а завершился уже в январе 1797 г.

Когда в Иране стало известно об уходе русских войск, Ага-Мохаммед-хан весной 1797 г. начал готовить новый, второй поход на Южный Кавказ. В мае 1797 г. шахские войска через Карабах вторглись в Закавказье. Крепость Шуша была занята на этот раз, но вызванные сюда правители восточных ханств Кавказа не успели даже оправдаться в своем нежелании оказывать сопротивление русским войскам – уже через 4 дня после падения Шуши в результате заговора Ага-Мохаммед-хан был убит.

Новый Каджарский правитель Ирана Фатх-Али-шах уже в 1798 г. потребовал покорности от правителя Талыша Мир-Мустафы-хана. Предвидя такое развитие событий, последний уже осенью 1797 г. отправил в Петербург своего посла с просьбой о военной помощи и принятии его в российское подданство. В послании он писал: “Клянусь перед всемогущим и святым Богом, великим Пророком Магомедом и святым Кораном в том, что хочу и пребуду с потомками моими и подвластным мне народом в точном владении находящимся Всероссийскому Императорскому престолу верным подданным” (Мустафаев 1989: 104).

По указу императора Павла I от 14 февраля 1800 г. русское правительство приняло Талышское ханство под свое покровительство и повелело держать у острова Сары два военных судна для охраны морских границ Талыша от Иранской угрозы. По царскому указу Россия брала на себя охрану и сухопутных и морских границ Талышского ханства. Этот документ является первым дипломатическим и международным актом о присоединении Талыша к России.

После вступления на престол весной 1801 г. нового императора Александра I талышский хан вместе с бакинским и дербентским правителями отправили в Петербург послов с подарками и поздравлениями новому царю. Император Александр I поставил перед послами вопрос о создании федерации и прочного военного союза всех мусульманских ханств Восточного Кавказа и Дагестана под общим управлением русского царя. Переговоры об этом начались в сентябре 1802 г. в г. Георгиевске между послами Шемахинского, Бакинского, Куббинского, Карабахского и Талышского ханств и делегацией русского правительства из Петербурга (Акты КАК, т.2. 1868: док. 542, доп. 1144).

Переговоры продолжались около четырех месяцев и завершились в конце декабря 1802 г. подписанием Георгиевского коллективного договора о

федерации мусульманских ханств Восточного Закавказья под общим управлением России. Договор был направлен на охрану границ и Талышского ханства и других от любых посягательств со стороны шахского правительства Ирана. В нем были обговорены и важные экономические и торговые вопросы, в частности сотрудничество на Каспийском море и автономия во всех внутренних вопросах местных правителей.

Однако Иран отказывался признать переход Талышского ханства под русское подданство, и во время войны 1804-1813 гг. иранские войска основательно разграбили Талыш. Но после окончания этой войны в Гюлистанском трактате в статье 2 содержится описание границ Талышского ханства по отношению к Ардебилу, Каспийскому морю и реке Аракс; в статье 3 того же договора шахское правительство от себя лично и от имени своих наследников торжественно признает российским владением Талышское ханство (Азатян 2000: 18-19).

Как известно, спустя некоторое время последовала новая русско-иранская война 1826-1828 гг., которая также закончилась поражением Ирана и подписанием в феврале 1828 г. Туркманчайского договора. В нем подтверждались все предыдущие статьи Гюлистанского трактата в отношении мусульманских ханств Восточного Кавказа, в том числе и Талыша. Границы российской части Талышского ханства определена в статье 4: "От вершины Джикоирской граница пролегает до вершины Камаркуя по горам, отделяющим Талыш от округа Арши. Далее пограничная черта будет следовать от Камаркурской вершины по хребту гор, разделяющих округ Зуванта и округ Арши до границы округа Велькиджи. Далее... от границы округа Велькиджи она будет следовать по вершинам Клопуть и по главной цепи гор... до северного истока реки Астары, отсюда по руслу этой реки до впадения в Каспийское море, где и оканчивается пограничная черта, имеющая отделить Российские владения от Персидских" (Азатян 2000: 22-23).

Таким образом, мы видим, что военно-политическая активность России в Закавказье в середине и в конце 90-х гг. XVIII века была вызвана попытками Каджарского правителя Ага-Мохаммед-хана покорить Восточную Грузию (которая по Георгиевскому трактату 1783г. пользовалась покровительством русского правительства) опасавшиеся планов Ага-Мохаммед-хана и мусульманские ханства Восточного Кавказа (Шеккинское, Куббинское, Шемахинское, Дербентское, Бакинское, Карабахское, Талышское и Гянджинское), которые после смерти Надир-шаха, фактически, стали

самостоятельными и не признавали власти ни Зендов, ни Каджаров, в свою очередь, также обратились за русским покровительством. Однако, поход генерал-поручика В.А. Зубова с апреля по декабрь 1796г. не достиг полностью намеченной цели.

Указ русского императора от 14 февраля 1800 г., видимо, и есть точка отсчета времени пребывания Талыша в российском подданстве. Хотя Иран и не признавал этот факт, и понадобились тексты Гюлистанского трактата 1813 г. и Туркманчайского договора 1828 г., тем не менее, указ 1800 года закрепил уже сложившееся положение вещей.

Юридически Талышское ханство можно считать включенным в состав Российской империи после указа Павла I в 1800 г. и после подписания Георгиевского союзного договора 1802 г. Правитель Талыша Мир-Мустафа-хан, управляя Талышским ханством, теперь уже считался российским подданным и даже удостоился звания генерала русской армии в 1813 г. Но в 1814 г. после смерти Мир-Мустафа-хана его сын Мир-Хасан-хан уже не был официально признан русскими властями правителем Талыша.

Скончался Мир-Хасан-хан летом 1832 г. в Тегеране и там же был похоронен (Акты КАК, т.VII, 1878: д.419, 468-469; Погосян (Хахбакян) 2011: 67). Это был последний из династии талышских ханов, берущей начало в 1736 г.

А само Талышское ханство было упразднено в 1826 г., к началу второй русско-иранской войны, и преобразовано в Талышский уезд. Позже и название Талышский (как этническое) царские власти изъяли, а с 1840 г. вся область северного Талыша стала называться Ленкоранским уездом Шемахинской губернии (Погосян (Хахбакян) 2011: 64).

Северный Талыш остался в составе Российской империи до 1917 г., затем в составе СССР он входил в Азербайджанскую Советскую Республику, а с 1992 г. – в состав независимой Азербайджанской Республики.

Бабек Хуррамдин

Этническая атрибуция Бабека (Бабака) Хуррамдина как иранца никогда не подвергалась сомнению в академической среде – нет данных, указывающих на альтернативную линию происхождения этой исторической личности. Арабские историки (Табари, Масуди и др.) однозначно идентифицируют его как иранца, носителя антиарабских и антимусульманских идей, пытавшегося возродить в новой обстановке систему идеологии маздакизма и использовать ее для возрождения иранского национального государства (Zargīnkūb 1976: 232).

По некоторым сведениям, Бабек Хуррамдин призывал к возрождению Сасанидской державы в Иране и полному изгнанию арабов из страны. Об этом говорит и необычайная жестокость по отношению к арабам: источники пишут, что за 20 лет хуррамитского движения было истреблено более 200 тыс. арабских переселенцев и принявших ислам иранцев, их сторонников (Madelung: 63-64).

Тем не менее, в СССР, с подачи азербайджанских авторов и определенных политических кругов, Бабек Хуррамдин стал азербайджанским героем; появилась даже серия художественных произведений бакинских писателей (два романа и три трагедии), – эдакая “Бабекиана”, восхваляющая его подвиги и объявляющая его “национальным героем азербайджанского народа”. Куда ни шло, если бы понятие “азербайджанец” воспринималось ими в исконном смысле этого термина, т.е. “атурпатаканец” (житель северо-западного Ирана), но бакинские авторы под термином “азербайджанец” имели в виду, конечно же, “тюрка”.

Арабские, персидские и армянские источники этого периода однозначно указывают на то, что Бабек Хуррамдин происходил из прикаспийской иранской этнической среды, скорее всего из Дейлама (Абиллов 2011: 160). Мы знаем, что Бабек в молодости, в 806 г., попал в окружение хуррамитов, наиболее ретивые из которых были непримиримыми противниками мусульманства и арабских мигрантов в Иране. Именно среди дейламитов и предков тальшей к IX в. сохранилось четкое стремление к сохранению зороастризма как альтернативы, позволяющей противостоять волне мусульманизации, а в этническом отношении – арабизации. Якут сообщает,

что крепость Базз, главная цитадель и опорный пункт хуррамитов, находилась в Кызылагаче близ Ардебиля. В пользу талышского происхождения Бабека Хуррамдина говорит и место его рождения – селение Белалабад возле Ардебиля (Yüsofi 2011: 300-301). Более конкретно говорить об этнической принадлежности Бабека к настоящему времени не представляется возможным: он был либо дейламитом, либо происходил из близкородственной прикаспийской иранской среды, скорее всего той, которая составила впоследствии основу талышского этноса. И уж, конечно, он никак не мог быть тюрком – в начале IX века тюркская стихия еще почти не затронула прикаспийский регион Ирана.

Масуди пишет, что отца Бабека звали Мирдас или Хасан, мать – Махру, т.е. по персидски “луноликая” (Amoretti, 2008: 504-505).

Имя хуррамитского героя, *Бабек* (т.е. Бабак), также указывает на его иранские корни: оно принадлежит к древнейшему пласту исконно иранской ономастики и восходит к древнеиранскому **rāpaka-* “отец” или “дед”, отсюда и патронимикон основателя Сасанидской династии Ардашира Папакана (из древнеиранского **Pāpakāna-*), а также имя армянского аршакидского царя *Пап* и т.д.

Уже в юности Бабек обучился играть на танбуре – национальном иранском струнном инструменте, что впоследствии ему не раз пригождалось при привлечении на свою сторону жителей различных иранских областей. Судьбу Бабека решил случай. Однажды замерзший в снегах предводитель хуррамитов Джавидан Сохрак (также исконно иранское, скорее всего дейламитское, имя) постучался в двери дома, где жили будущий вождь восстания хуррамитов и его мать. Общение с Бабеком удивило Джавидана – юноша был не по годам рассудителен и отличался глубиной мысли. Джавидан уговорил его продолжить путь к крепости Базз вместе, обещая сделать его своим управляющим хозяйством с жалованьем 50 дирхемов в год. Так молодой Бабек оказался в лагере хуррамитов и очень скоро освоился там настолько, что когда Джавидан умер, его вдова вышла за него замуж и объявила Бабека преемником Джавидана. Отметим, что некоторые авторы (напр., Amoretti 2008: 504) считают, что именно жена отравила Джавидана, чтобы выйти замуж за Бабека.

Судя по дальнейшим событиям, Бабек не был лишен ораторского искусства и обладал огромной харизмой. Его внимательно слушали *райаты* (крестьяне), *дихкане* (землевладельцы) и *азаты* (мелкая знать) из Мазандарана, Дейлама, Табаристана, Кухистана, Луристана, Исфахана и

Хамадана (Низам ал-Мульк 1949: 202). Его речи отличались ясностью и проникновенностью, он умел заразить слушателей идеями создания справедливого государства, возрождением Сасанидской державы, необходимостью восстановления зороастризма, отмены непомерных налогов и повинностей, перераспределением земли и вообще всех богатств на равных долях между нуждающимися (Низам ал-Мульк 1949: 195). Среди знати Мазандарана многие его поддерживали, надеясь изгнать арабов и под лозунгами маздакизма возродить иранское национальное государство.

Более 10 лет, начиная с 806 г., Бабек вел активную и агрессивную пропаганду своих идей по всему Западному Ирану от Исфахана и Шираза до берегов Аракса и Каспийского побережья, а уже в 817 г. перешел к активным вооруженным действиям против арабов.

По всем областям вокруг Ардебиля была проведена насильственная мобилизация мужчин в партизанские отряды Бабека. Хуррамиты шли в бой с красными знаменами. Бабек держал речь почти перед каждым отрядом повстанцев и, по свидетельству источников, его проникновенные слова о поращенной родине (Иране), возбуждавшие ненависть к чужеземцам – арабам, так захватывали восставших, что многие из них готовы были сложить головы за дело освобождения *Иранских областей* от всех переселившихся в них арабских племен из Сирии и Аравии (Yüsofi 2011: 301).

В 817-819 гг. отряды Бабека Хуррамдина уничтожили укрепления арабов во всех областях вокруг оз. Урмия, в Ардебиле, Талыше, Дейламе, Табаристане и Мазандаране и вышли к берегам Аракса. В 820 г. Бабек установил дружеские связи с князем Сюника Васаком, обещав ему помощь в случае восстания армян против арабов (Каланкатуаци 1984: 164). Можно предположить, что посланные Бабеком в Шакки верные ему соратники уговорили *ираншахика* (правителя этой части Албании) Сахла Смбагеана поднять восстание против арабов, и в том же 820 г. он убивает присланного в Шакки арабского эмира. Вследствие этого остикан провинции *Арминийа* Халид ибн Йазид бен Мазийад аш-Шайбани выступает из Двина с новыми арабскими войсками, в 821 г. разбивает шаккинцев и подписывает с ними мир на условиях выплаты 500 тыс. серебрянных дирхемов в год и выдачи заложников (Минорский, 1963: 44; Каланкатуаци 1984: 164).

На связь восстания в Шакки в 820-821 гг. с хуррамитскими выступлениями указывают синхронность действий Сахла Смбагеана и отрядов Бабека против общего врага, арабов, и данные источников о дружеских отношениях Сахла и Бабека (Каланкатуаци 1984: 165).

Уже в 822 г. Сахл Смбагеан снова разбивает арабский отряд, освободив при этом 1 тыс. пленников, что провоцирует новый поход остикана Двина против Шакки. Однако, Сахл скрывается в горах. В то же время армия халифа в 823 г. осаждает крепость Базз. Вылазка осажденных приводит к полному поражению не ожидавшей нападения арабской армии (Zagīnkūb 1976: 238).

Казалось, союзные отношения с армянскими князьями различных областей Восточной Армении только помогают Бабеку в его борьбе с арабами. Но в 825 г. он разрывает дружеские связи с князем Сюника Васаком и грабит весь Сюник, включая дом князя Васака, а дочь последнего забирает себе в жены (Каланкатуаци 1861: 267-268; Каланкатуаци 1984: 165; Степанос Орбелян 1910: 159). Далее он доходит до областей Гехаркуник (Севан), Балка, монастыря Макенацоц на восточном берегу Севана, истребив при этом 15 тыс. армянских жителей этих районов (Вардан 1861: 101; Каланкатуаци 1984: 165; Степанос Орбелян 1910: 159).

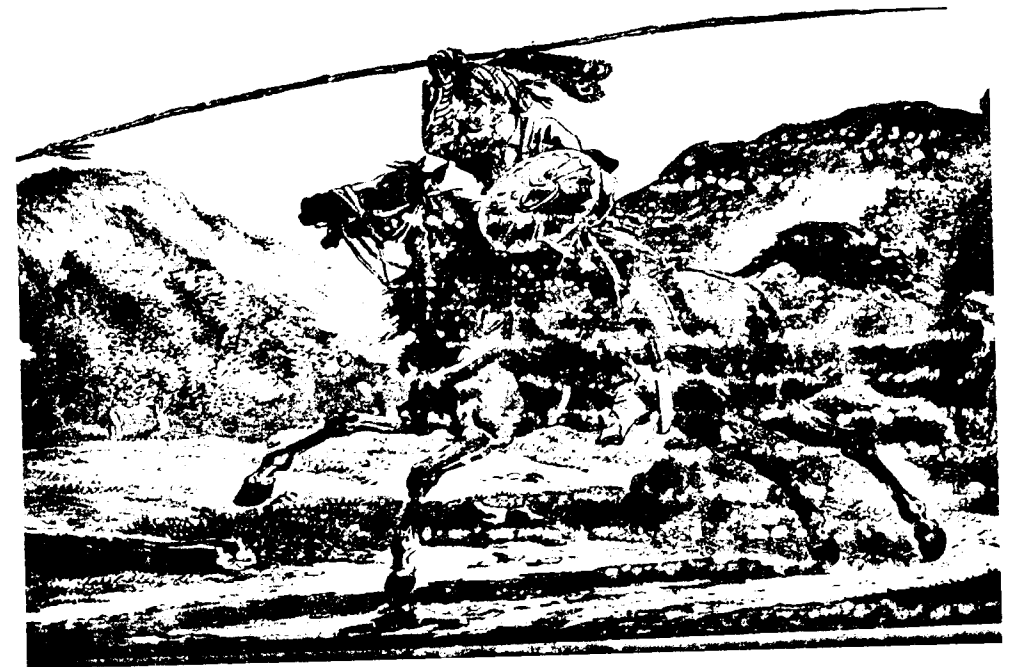
Эти события, естественно омрачили отношения Бабека Хуррамдина и Сахла Смбагеана. В 829 г. Бабек разбивает под стенами крепости Базз уже пятую халифскую армию из Багдада и убивает ее командующего Мухаммада ибн Хумайда; его войска почти без сопротивления занимают Хамадан, весь Кухистан, Луристан, Фарс, Двин (часть Араратской долины) и снова - весь Сюник (Каланкатуаци 1861: 268). Армянские князья начинают опасаться недавнего союзника, которому победы вскружили голову. Бабек стал требовать к себе особые знаки поклонения как божеству или воплощению божественного начала. Вскоре, в 834 г., в очередной схватке с войсками халифа у Хамадана хуррамиды терпят сокрушительное поражение, а Бабек бежит в крепость Базз возле Ардебилля (Yüsofi 1988: 302-303).

В 836 г. халиф назначает командующим армией, направленной против хуррамидов, известного полководца Афшина из Усрушаны, бывшего зороастрийца, принявшего ислам и хорошо проявившего себя в войне с Византией (Низам ал-Мульк 1949: 202-203). Афшин предлагает Сахлу Смбагеану принять участие в поимке Бабека Хуррамдина, напомнив ему о разграблении хуррамитами Сюника и Гехаркуника и обещая признать его владельцем Шакки и Восточной Армении в случае победы над хуррамитами и награду в 1 млн. серебряных дирхемов (Вардан 1861: 101).

Сахл Смбагеан сообщает бежавшему ночью из осажденной крепости Базз Бабеку о том, что готов его принять и оказать содействие в переправке в

Византию. Но когда Бабек является к нему в сентябре 837 г., Сахл Смбагеан передает его в руки Афшина.

Так развивались реальные исторические события, связанные с жизнью и пленением Бабека Хуррамдина. При этом ни один из источников не содержит и намека на тюркское происхождение этой исторической фигуры.

Глава VI

СТРАНИЦЫ НОВЕЙШЕЙ ИСТОРИИ: ТАЛЫШ-МУГАНСКИЕ РЕСПУБЛИКИ

Системное изложение истории талышей новейшего периода, как, впрочем, и более ранних эпох, — дело весьма нелегкое. Не будучи титульным народом, составляющим большинство в пределах какой-либо административно-политической единицы, в данном случае — Аррана и Ширвана — Бакинской губернии — Азербайджанской ССР — Азербайджанской Республики, — талыши всегда рассматривались как часть окружающего их тюркоязычного массива, который последовательно присваивал плоды их пассионарного самовыражения — будь то в культуре, политике или ратном искусстве. Все, что делалось талышами, сливалось в общий котел так называемого «мусульманского населения Закавказья», а позднее — в актив Азербайджанской ССР. И, вправду, весьма трудно отделить, особенно, когда речь идет о XIX-XX веках, подлинно талышское от «мусульманско-азербайджанского», куда входили также и аварское, лезгинское, а порою — северо-кавказское в целом. Не принимались в расчет не только языковой и культурный критерии и, разумеется, самоидентификация отдельных этносов кавказского ареала, но и конфессиональный аспект — все мусульмане, независимо от того, шииты ли они или сунниты, автоматически причислялись — если не явно, то, во всяком случае, подспудно, — к азербайджанцам. Не иначе обстояло дело, кстати, и в южном, иранском Талышистане — творения талышей всегда растворялись в общеиранском котле, что в данном случае, все-таки, частично объяснимо, ибо талыши здесь живут в соседстве с близкородственными народами, имеющими сходную культуру и язык. И, понятно, речь здесь не идет о дискриминации по национальному признаку.

Кто знает, что в царской армии в свое время служили более 20-и генералов талышского происхождения? Кому известно, что в советский период талыши и другие малые этносы, этнические территории которых волею судеб оказались в пределах Азербайджанской ССР, породили целую плеяду деятелей

культуры, искусства, науки, военного дела, и поныне слывущих “азербайджанцами”?

Как бы то ни было, несмотря на массовую “азербайджанизацию” всего и вся, немалый процент истинного проявления талышской самобытности – если не в плане отдельных личностей, то в плане исторических событий – все-таки поддается идентификации и описанию. Разумеется, имеется в виду то, что в силу определенных усилий стало так или иначе известно внешнему миру.

В данном случае речь идет о создании двух Талыш-Муганских Республик на территории Талыша или Талышистана – в 1918 и 1993 гг. Кстати, историографии вопроса, если не считать некоторых публикаций в интернете, фактически не существует.

На данный момент возможно лишь нарративное изложение вопроса – на основании того, что удалось собрать по крупицам. Важна сама констатация этих двух исторических событий, имевших место с интервалом всего в 70 лет, – эпохальных по своей значимости и являющихся, по сути, мощными “пассионарными толчками”, выражаясь словами Л. Н. Гумилева, знаменующими пробуждение внутренней энергии народа и уже зрелую фазу формирования и укрепления талышского национального бытия. Конечно же, необходимо учитывать и значимость Талышского Ханства как первого исконно талышского государственного образования: безусловно, Талыш-Муганские Республики – логическое продолжение традиций государственования у талышей. Словом, судя по всему, Талыш-Муганским Республикам в дальнейшем будут посвящены тома, составленные на материалах более солидной источниковедческой базы; благо, уже выходят в свет работы отдельных лидеров Второй Талыш-Муганской Республики (см., напр., Абос-зада 2011), способные заложить основу фактологического корпуса по новейшей истории талышского народа.

Итак, после падения царской власти в России началась ожесточенная борьба за господство над Талышистаном. Когда весной 1918 г. немецкие войска вступили на территорию России, Турция, пользуясь случаем, двинула свои войска в сторону Закавказья. Войска генерала Нури Паши осадили и взяли город Баку, после чего началась резня христианского населения города, в первую очередь армян. Правящий в Азербайджане пантюркистский режим мусаватистов с распростертыми объятиями встретил турок. Однако Талыш (Талышистан) практически не подчинялся мусаватистам и оставался независимым. Мусаватисты планировали силой занять Ланкон (Ленкоран), а

после появления турецких войск ситуация еще более усугубилась. 4-го августа 1918 г. в Ленкоране был созван военный совет, который должен был определить политическую ориентацию Талыша. Было принято решение о создании Временной военной диктатуры Мугана. Русские и талышские передовые интеллигенты приняли совместное решение остаться в составе России. Отметим, что в то время в Талышистане проживало заметное число русского населения.

В 1918 г. Муганская диктатура вошла в состав Кавказско-Каспийского правления, руководителем которого был адмирал Колчак. Но в Талыше в то же время активно действовали и большевики. Талышские партизанские отряды вели ожесточенную борьбу с бандами мусаватистов. Один из отрядов действовал под руководством Бала Мамеда, который был родом из деревни Истон Лерикского района (<http://www.talinf.4t.com>). Отряд был организован в районе Джуванд с помощью русских пограничников. Спустя год вооруженная группировка Бала Мамеда превращается в мощное войско. Вместе с Бала Мамедом против мусаватистов воевали такие талышские деятели, как Мамедали Багиев, Адждар Ибрагимов, Исрафил Мамедов и многие другие.

Мусаватисты продолжали укреплять свои позиции, однако Талыш со своей столицей Ланкон продолжал оставаться независимым и не подчинялся им. Назревала идея создания здесь собственного правительства. С этой целью 28-го декабря 1918 г. в Ланконе состоялось собрание представителей талышского народа, где единогласно было принято решение объявить Талыш неотъемлемой частью России. 184 члена собрания единодушно проголосовали за создание в Мугане правительства края, в которое вошли 11 человек. Собрание еще раз подтвердило пророссийскую ориентацию Талышистана. Начали даже печатать собственную денежную единицу, успев, однако, выпустить только купюры достоинством 25, 50, 100 и 250 рублей.

Однако, независимость талышей, а тем более их русская ориентация, очень беспокоили мусаватистов, и те вели активные переговоры с англичанами, чтобы совместными усилиями решить вопрос в свою пользу.

Со своей стороны, большевистское руководство Кавказа следило за происходящими событиями в Муганском тракте. И события не заставили долго ждать; 24 апреля 1919 г. Военно-революционный Комитет в Ланконе взял власть в свои руки. На следующий же день Комитет обращается к гражданам с объявлением о том, что до созыва нового съезда берет на себя

правление Талышем. В Ланконе сразу же вспыхивают демонстрации, народ выступает с лозунгами провозглашения Муганской Советской республики.

15 мая 1919 г. в городе Ланкон был созван чрезвычайный съезд революционного Талыша с целью избрания высшего руководящего органа власти. В Съезде участвовали несколько сот представителей как из талышских, так и из русских деревень. Съезд принял решение провозгласить Талыш Советской республикой и неотъемлемой частью РСФСР. Было также решено создать Правительственный Совет, который должен был быть представлен 35 депутатами. Председателем совета был назначен Даниил Чиркин, а его заместителем – Ширали Ахундов.

Создание республики в Мугане еще больше ожесточило мусаватистов. Войска плотно окружили Талыш. Через иранский город Астара двинул свой отряд из 2500 человек полковник Джамал-бей. Вооруженные формирования и регулярные войска мусаватистов осадили Ланкон. 23-го июля 1919 г. Военно-революционный Комитет Мугана созвал чрезвычайный съезд. Приняв во внимание трудное положение, было решено оставить город. Таким образом, первая Талыш-Муганская республика прекратила свое существование. В конце августа в Ланкон вошел карательный отряд во главе с генералом Салимовым. Войска жестоко расправились с местным талышским населением. Губернатором Талыша был назначен генерал Мелик-Еганов. Последний объявил военное положение в крае и приказал жестоко пресекать любой акт неповиновения.

Создание Талыш-Муганской республики можно расценить как первую после Талышского Ханства попытку создания талышской государственности. Несмотря на краткий срок существования, Талыш-Муганская Республика сыграла существенную роль в деле национального возрождения и пробуждения самосознания талышей. Талышский народ продемонстрировал, что видит себя истинным хозяином своей земли. Благодаря этому факту, продемонстрировавшему внутреннюю силу этноса, после установления советской власти талышам ненадолго была дана возможность получать образование на родном языке и развивать свою культуру. Однако, вскоре все вернулось на круги своя. В Азербайджанской ССР образование на талышском, как и любое проявление национальной культуры, — талышские газеты, радиопередачи и даже слово “талыш” — оказались под запретом. В паспортах талыши значились как азербайджанцы. Сталинские репрессии также не обошли стороной талышей. В 1937-1938 гг. все руководители Талыша во главе с общественно-политическим деятелем Зульфугаром Ахмед-

зода были арестованы и сосланы в Сибирь. Последние, кстати, боролись за создание талышской автономии.

После распада СССР и обретения независимости Азербайджана, талыши оказались перед лицом серьезной угрозы. Пришедшая к власти в стране после коммунистов партия *Народный Фронт Азербайджана* во главе с Абульфазом Эльчибеєм проводила откровенную пантюркистскую политику. Именно по этой причине один из лидеров НФА, талыш по происхождению полковник Аликрам Гумбатов (Альакрам Гумматов по-талышски) покинул ряды партии. Гумбатов был активным деятелем во время карабахской войны, руководил ленкоранским батальоном, а также несколько месяцев занимал пост замминистра обороны Азербайджанской Республики.

Альакрам Альакбарович Гумбатов родился в 1948 г. в Лерикском районе в семье служащих. Учился в политехническом институте, после чего два года служил в рядах советской армии. В 1988 г. его исключают из рядов Коммунистической партии, за организацию массовых митингов в Азербайджане. Он был одним из основателей и лидеров Народного Фронта Азербайджана (<http://atropat.narod.ru/tolosh-gazeti/tolosh2/tolosh26.html>). В 1990 г. Гумбатов вынуждено бежит на Украину, однако через год возвращается в Азербайджан и активно включается в борьбу против пантюркистской политики Народного фронта. Но изменить ситуацию в партии ему не удастся. И поэтому он выходит из НФА и становится членом Социал-демократической партии и заместителем ее председателя. Вскоре под его руководством формируется первый вооруженный отряд национальной армии Азербайджана, который под его началом включается в активные действия на карабахском фронте — против сил самообороны армян края.

В мае-июне 1993 г., после вооруженных столкновений в городе Гянджа, военная анархия становится серьезной угрозой для Талышского района. Гумбатов и его сподвижники решают защитить свою землю и попытаться создать автономию. Вообще, идея национальной автономии возникла у Гумбатова и талышского поэта Али Насири задолго до этих событий. 21-го июня 1993 г. Гумбатов объявляет о создании Талыш-Муганской автономной республики. Утверждаются флаг, герб, гимн, конституция и другие атрибуты государственности.

10-го июля в Баку состоялась встреча Гумбатова и Гейдара Алиева. Алиев обещает Гумбатову высокую должность, требуя упразднить Талыш-Муганскую республику. Однако Гумбатов не соглашается и настаивает на

выполнении своих условий. Четырехчасовая встреча Алиева и Гумбатова никаких результатов не приносит.

2-3 августа того же года по приглашению Гумбатова в Ланкон прибывает премьер-министр Сурет Гусейнов с несколькими министрами для ознакомления с ситуацией в районе. 12 августа Гумбатов и Алиев вновь встречаются, но и на этот раз безрезультатно. 16-17 августа Алиев созывает чрезвычайное собрание Меджлиса. Меджлис обвиняет Гумбатова в сепаратизме, несмотря на то, что Талыш-Муганская республика была провозглашена в составе Азербайджана. Принимается решение восстановить конституционный порядок в Талыше под руководством премьера Сурета Гусейнова. После этого в мятежный район передвигаются отряды специального назначения МВД и КГБ. Гумбатов вынужденно покидает родину, но вскоре его арестовывают. После длительного тюремного заключения Гумбатову удается покинуть республику и эмигрировать в Европу. Так прекратила свое существование и вторая Талыш-Муганская республика (см. более подробно Абос-зода 2011).

Глава VII

РЕЛИГИЯ И НАРОДНЫЕ ВЕРОВАНИЯ

Внутренней территории у культурной области нет: она вся расположена на границах, границы проходят повсюду, через каждый момент ее; систематическое единство культуры уходит в атомы культурной жизни, как солнце отражается в каждой капле ее. Каждый культурный акт существенно живет на границах: в этом его серьезность и значительность; отвлеченный от границ, он теряет почву, становится пустым, заносчивым, вырождается и умирает.

М.М. Бахтин (2003: 282)

Культурное пространство Южного Каспия имеет ярко выраженную специфику, обусловленную тем фактом, что данный ареал с глубокой древности представлял собой важнейшую контактную зону. Древнейшие субстратные слои местных культур, реликты которых и по сей день можно обнаружить в трансформированных образах (см., напр., Arakelova/Omid 2006), вбирали в себя по мере проникновения ариев новую культурную волну, параллельно веками соприкасаясь, а порою и глубоко взаимодействуя с соседствующим хуррито-урартским миром, чье культурное влияние простиралось далеко за пределы административных границ. Все это, безусловно, породило особый феномен ментальности, укоренившийся в своей специфике, в особом архаизме – в том, что гораздо позже, уже в раннемусульманской историографии будет охарактеризовано как консерватизм мышления и упорная приверженность традициям предков (см. Иностранцев 1909: 110-135). Подобные определения звучат вполне обоснованно и сегодня, ведь элементы богатейшего культурного наследия, с которым автохтонное население Южного Каспия встретило ислам, не утрачены и по сей день.

Отнюдь не случайно мы вынесли в качестве эпиграфа мысли о значимости пограничных культурных зон Михаила Бахтина, подходившего к изучению культуры, в том числе, и как к методу определения границ (Бахтин 1974: 265).

Феномен Южного Каспия абсолютно показателен в этом смысле. Прослеживая эпоху за эпохой культурное развитие этого региона, мы действительно осмысливаем его содержание не столько в границах государственных или административных образований, сколько посредством этнических ареалов и их контактных зон. Именно последнее зачастую определяет и топонимные ареалы, и характеристики ментальности, и основные черты религиозных воззрений.

Иранские народы Южного Каспия – талыши, гилянцы, мазандаранцы – автохтоны региона. Во многих аспектах они, по сути, являют собой единое южнокаспийское пространство. «На путешественника, знакомого ... с Персией, – пишет Миллер, – Талышский край производит впечатление персидской прикаспийской провинции. Он теснейшим образом связан географически, этнически и культурно с персидскими прикаспийскими областями – Гиляном и Мазандераном...» (Миллер 1926: 5).

Многообразная духовная культура этих этносов – богатейший материал, который пока не был объектом полноценного многостороннего исследования, несмотря на ряд работ по отдельным вопросам.¹

Религиозные воззрения талышей – яркий образец синкретизма, хотя в южнокаспийском регионе и утвердились традиционные формы ислама. Большинство талышей Ирана (за исключением жителей Шандермана и Масала) – сунниты, последователи ордена нахшбандийя. Раньше в Гиляне, в том числе в районе Талыш, широкое распространение имело зайдитское направление шиизма, а также – в меньшей степени – исмаилизм. Талыши Азербайджанской Республики – в основном шииты, за исключением приблизительно 25 горных сел с суннитским населением (Асатрян 1998: 9).

Несмотря на однозначно мусульманскую доминанту религиозного сознания, народные верования и обычаи талышей сохраняют множество элементов, восходящих к древним, домусульманским пластам. На маргинальном уровне – в народных верованиях, фольклоре и проч. – устойчивый местный религиозно-этнический субстрат подвергал новую религию трансформациям и преобразовывал ее в формы, чуждые мусульманской догме. В общем-то, явление это, в целом типичное для всего переднеазиатского пространства, находит свое специфическое проявление в

¹ Следует, безусловно, отметить ряд работ, в которых рассматривались вопросы этнографии и религии талышей: Дорн (1864), Зейдлиц (1870), Байрамалибеков (1893, 1894, 1899), Марр (1922), Миллер (1925), Чурсин (1926), Измайлова (1964), Керимов (1977), 'Abdōfi (1991), Аракелова (1997), Асатрян (1998), Asatrian (2002), Асатрян (2007), Asatrian/Borjian (2005), Аракелова (2007), Абилов (2011).

пограничном культурном ареале Южного Каспия, в частности – в духовной культуре талышей.

В талышском фольклоре ярко проявлен уровень так называемого народного ислама, в котором исламские святые, пророки, коранические персонажи уживаются с аутентичными героями доисламского происхождения. Как и у всякого народа, основу экономики которого на протяжении веков составляло главным образом скотоводство, наиболее колоритные персонажи в верованиях – покровители скота и пастушества.

Более подробно здесь следует остановиться на фигурах с домусульманским генезисом, уходящим корнями в глубокую древность. Подобные характеры представлены либо демонами, либо амбивалентными демонизированными божествами. Но однозначно относить всю эту группу к народному пандемониуму невозможно, поскольку феномен, строго определяемый религиоведением как демонизированные божества, в народной традиции представлен, скорее, амбивалентными существами, объединяющими в себе оба начала.

Именно к этой категории относятся божества – покровители скота, цельные персонажи с определенными доменами и четким набором атрибутов, имеющие аналоги у многих иранских скотоводческих обществ. Главным среди них, безусловно, является Сийах Галеш (*Siyāh Gāleš*), или Черный Пастух (Asatrian 2002; Arakelova 2003).

Сийах Галеш – главный хозяин и страж скота. Однако имя его указывает на то, что приоритетным доменом, по крайней мере изначально, для него был крупный рогатый скот. И по сей день в современных прикаспийских диалектах термин *gāleš* указывает на пастуха крупного рогатого скота¹, тогда как пасущего отары овец называют термином *kurd*.

Традиция повествует, что Сийах Галеш незримо повсюду сопровождает пасущиеся стада, возвращает домой отбившихся от стада коров, усмиряет и наказывает непокорных животных, послушавшихся пастуха, слегка ранив их, запутывая ноги веревкой, подкрадываясь и пугая так, что порой животное падает, а особо провинившихся даже вбивает рогами в землю вверх ногами. Избавить животное от наказания Черного Пастуха может лишь сам хозяин. Прежде чем привязать строптивое животное он должен провести рукой над головой коровы, упоминая Аллаха, и очертить ножом круг вокруг нее. Если же ноги животного запутаны веревкой, то прежде чем разрезать ее, хозяин

¹ Г. Асатрян возводит *галеш* к древнеиранскому **gāwa-raxša-(ka)*, т.е. “защитник коров” (см. Asatrian 2002: 82). Иной подход того же автора к данному термину см. выше с. 12, прим. 1.

должен проделать магическую процедуру – очертит такой же круг, вылить воду на голову корове, накрыть ей морду платком и прочитать молитву. Уже в этих элементах защиты животного от наказания Черного Пастуха, легко усматривается частично демонизированная природа доисламского божества-покровителя. Элементы народной магии – мистическое значение круга, использование острого металлического предмета как апотропеического атрибута из типичного набора *materia magica* и проч., сочетается с упоминанием имени Аллаха и мусульманской молитвой.

Сийах Галеш поощряет заботливых пастухов и хозяев скотины, одаривая их волшебной черной веревочкой, приносящей удачу, способствующей приросту скота и увеличению удоя. Еще один дар Сийах Галеша – волшебное яйцо или кусок мяса, которые следует положить соответственно в мешок с рисом и обеденный котелок, чтобы запасы продуктов в доме не иссякали. Но тот, кому подобный дар достался, должен хранить его в тайне – иначе чудо исчезнет.

Чтобы угодить Черному Пастуху, хозяин скотины должен бережно обращаться с животными, особенно беременными и молодняком, держать в идеальной чистоте хлев. В ночное время нельзя выносить из дома или продавать молочные продукты, а в некоторых вариантах поверий – даже употреблять их до рассвета.

Предания описывают Сийах Галеша как дикого нелюдимого пастуха, который пасет свои стада в местности – природном заповеднике, носящем его же имя. Охотится здесь нельзя, а ослушавшегося ждет кара Черного Пастуха – их находят мертвыми, а некоторых после охоты преследует беда.

Надзор Сийах Галеша за процессом охоты значительно расширяет его домен, выводя его за рамки покровителя скотоводства и наделяя статусом покровителя фауны в целом, включая диких животных. Традиционная охотничья этика предписывает брать у природы только необходимое, а количество дозволенной добычи зависит от благосостояния, нравственного облика и прочих факторов. В случае с Черным Пастухом традиция отмечает, что убитые охотником животные – отнюдь не случайные жертвы, а проклятые Сийах Галешем за какие-либо проступки. Задумавшего взять у природы больше необходимого Сийах Галеш сначала предупреждает каким-либо знаком (например, поломкой оружия или легким ранением). Если же человека и это не остановит, его ждет проклятие Черного Пастуха – охотник бесследно пропадает в лесу или в горах, или же его находят мертвым.

В народных поверьях жителей Мазандарана и Гилана, в том числе талышей, Сийах Галеш предстает и в других обликах: то он – закутанный в черную шерсть старик-невидимка с посохом в руке, то – здоровый смуглолицый юноша. Компаньоном Черного Пастуха часто выступает его любимец – огромный олень, а порой и сам Сийах Галеш появляется в облике оленя или газели (Asatrian 2002: 75-76).

Тех, кому удастся распознать Черного Пастуха в одном из его обликов, или тех, кому он – за какие-либо заслуги или особые качества – откроется сам, ждет перемена к лучшему – удача, богатство и счастье будут сопутствовать такому человеку всегда, куда он хранит в тайне свою встречу.

Как уже отмечалось выше, Сийах Галеш – фигура амбивалентная, отмеченная противоречивыми характеристиками, с ярко выраженными атрибутами хтонического божества. Одна из них – черный цвет, заявленный в имени самого персонажа, в его смуглом облике, атрибутах (волшебной веревочке, шерсти животного, в которую он укутан). Черный – один из важнейших сакральных цветов, указывающий на связь божества с землей, стихийными, неуправляемыми силами природы, с плодородием почв, богатством пастбищ и мира флоры в целом (как характеристика леса, например, «черный» во многих языках синонимичен «густому, непроходимому») (Arakelova 2007: 155-156). Все это распространяет влияние Сийах Галеша на природу в целом, завершая классический облик хтонического божества и родня его с аналогичными представителями в народных пантеонах прочих народов региона. Можно провести явные параллели прикаспийского Черного Пастуха с покровителями скота, например, у луров – Намад-кал (*Namad-kāl*), езидов – Маме-Шиван (*Mam(ē) šivān*) и Гаване Зарзан (*Gāvānē Zarzān*) (индивидуально отвечающими, соответственно, за мелкий и крупный рогатый скот), осетин – Фэлвэра (*Fælværa*), заза – *Sārikō-šūān* и *Mamō-gāvān* (или *Wāyirō xēr* – Хозяин Добра, а таже его антипод *Wāyirō xirāv*), армян – демонизированный представитель древнего пантеона *Tavri-č'lut* и т.д. (Asatrian/Arakelova 2004: 259).

Все эти персонажи, наделенные специфическими чертами и атрибутами, имеющие конкретные жизненно важные для человека домены, безусловно, трансформированы из более древних слоев, возможно, общих индо-иранских верований. Возводить, однако, генетическую линию к какому-либо конкретному представителю древнего пантеона было бы необоснованно. Стоит, безусловно, упомянуть типологические параллели, с одной стороны, в

самой идее покровительства скоту – основе экономики древних иранцев (отраженной, например в Гаушурване, «душе коровы»), о которой повествует 29 яшт Авесты, или в том факте, что в среднеиранской традиции сам пророк Зороастр берет на себя миссию защиты коров), с другой же стороны – в функциональном вверении подобного покровительства хтоническим героям в самых разных традициях (например, древнегреческий Пан (римский Фавн), покровитель стад, пастбищ, полей и любитель пасторальной жизни, одновременно управляющий разрушительными силами земли и сеющий панику; древнеиндийский доведийский Рудра, мрачный, свирепый, одиноко бродящий в горах и лесах, избегающий компании прочих богов – в равной мере покровительствовавший скоту и насылавший на него мор, ранивший людей отравленными стрелами и исцелявший их своими же травами и проч. – все это очевидные образцы амбивалентности, совмещения противоречивых качеств, а также очевидное подтверждение того, что именно подобным персонажам издревле вверялась ответственность за важнейшую сферу человеческой деятельности – скотоводство.

Еще один фактурно близкий к Сийах Галешу персонаж – Сийо Чыхо (Черный Чыхо, букв. «черная накидка»), встречающийся в фольклоре жителей северного Тальша (Абилов 2011: 199). С Сийах Галешем, помимо атрибута «черный» в имени, его роднят и внешние характеристики, образ пастуха в черном одеянии, способность приносить удачу и исполнять желания. Специфичной же чертой является его идентификация с судьбой, и подобно тому, как у всякого человека есть своя судьба, каждый наделен своим Сийо Чыхо. При этом, если человек увидит Сийо Чыхо на ногах, можно разбогатеть, сохраняя встречу в тайне. Если же персонифицированная судьба предстанет лежащей, падающей или спящей, то означает это приближение смерти (там же: 200).

В принципе, сравнительный анализ выявляет в Сийо Чыхо аналогичное Сийах Галешу хтоническое амбивалентное божество.

Почти не вызывает сомнений, что оба они некогда представляли единое целое. Их позднее осмысление в качестве двух отдельных персонажей вполне может быть связано со спецификой уклада жителей северного Тальша, перешедших в определенный период от отгонного скотоводства к оседлому земледелию и преобразовавших некогда исконно пастушеское божество в новое качество – духа судьбы, в том числе приносящего удачу в разных сферах жизнедеятельности человека.

Собственно покровительство скота у северных тальшей передано в ведение уже мусульманского персонажа – святого Хидра, что, безусловно, объясняется главной характеристикой этого образа – его изначальной связью с водой и зеленью. Связь с зеленью подчеркнута в источниках особенно явно: аль-Хидр садится на белую шкуру, которая становится зеленой от его прикосновения; аль-Хидр, как владыка моря, молится на зеленом ковре на поверхности воды. Аллах обращается к нему у источника жизни: «Ты – аль-Хидр, и земля станет зеленой там, где ступит твоя нога» (Папазян 1986: 91). С зеленым цветом отождествляется и сама вода – основной домен аль-Хидра, чье имя, помимо собственно зеленого, может означать и черный, и промежуточные оттенки – бурый, серый, а также цвет сочной свежей зелени. Так что нет ничего удивительного в том факте, что с приходом ислама местная традиция вручила покровительство над стадами именно аль-Хидру, властелину вод и зелени (а следовательно – богатых пастбищ), вытеснившему субстратный персонаж в силу распространения монотеистической доминанты (см. подробно: Аракелова 2007).

Особый культ Хидра у тальшей проявляется и в посвященном ему календарном отрезке – десяти днях в начале февраля, между знаковыми периодами *Джолэ чылэ* и *Рукэ Чылэ*, (маркирующими, в свою очередь, сорокадневие после *Чылэ Ид*, самой длинной ночи в году, и оставшееся время до *Нэвуза* – дня весеннего равноденствия и начало традиционного нового года). На эти десять дней Хыдыр Наби (Пророк Хидр) уходит со своей отарой в лес, где его засыпает снегом, после чего, потеплевшая за это время земля оживает и оживляет Хидра – сам символ возрождения. Праздник Хыдыр Наби – один из главных в религиозном календаре тальшей; главное блюдо праздника – *пыштэ* – промолотая смесь зерен пшеницы, гороха, семечек подсолнуха и тыквы (Абилов, ук. соч.: 197-198).

Вообще, аль-Хидра с полным основанием можно назвать универсальной фигурой – и в силу многочисленности сфер, которыми он управляет, и в силу его практически повсеместной распространенности на огромном переднеазиатском пространстве. Персонаж, напрямую не упомянутый в Коране и при этом обретший невероятную популярность у многих народов всего переднеазиатского региона, – своего рода *Deus Universalis*. Параллели прослеживаются и в празднике Хыдыр Наби, который у народов региона имеет множество общих черт и во многом напоминает праздник армянского святого Сурб Саргиса, который отмечается в этот же период.

В силу того, что образ аль-Хидра часто переплетается с образом другого святого – Пророка Илии, также связанного с водной стихией, то и последний порой выступает в качестве покровителя скотоводства. Подобное наложение функций привело в тому, что у некоторых иранских народов (у курдов, езидов и проч.) превалирует единый обобщенный образ – Хидр-Ильяс (или Хирдильяс) (Asatrian/Arakelova 2004: 270-272).

В талышском фольклоре роль покровителя скотоводства частично вверяется и Мусе (Библейскому Моисею): в одном из преданий Бог, по просьбе Мусы, создает собаку для охраны стад от волков (Асатрян 2007: 15-16), в другом – выступает пастухом пророка Исмойлы (Исмаила) (Абилов, ук. соч.: 198). Происходит это, скорее всего, благодаря общей коранической биографии двух персонажей: многие комментаторы усматривают аль-Хидра, ни разу не упомянутого в Коране под своим именем, в «рабе Аллаха», встретившемся Мусе во время его путешествия «к слиянию двух морей» (аллегория поиска бессмертия); другие же видят его в слуге Мусы, сопровождавшем его в этом путешествии (Коран 18, 59-8). И хотя в самом Коране поиск этот успехом так и не увенчался, апокрифическая версия этого сказания сохранилась в маргиналиях многих народных верований, связывающих оба персонажа с идеей бессмертия, а следовательно – с властью над временем.

Кстати, аллюзия на упомянутый коранический сюжет – путешествие в поисках источника бессмертия и традиционную связь аль-Хидра с вечной жизнью – просматривается в еще одном образце талышского фольклора (Асатрян 2007: 20). Предание повествует о том, как Хидр, наделенный живой водой, хочет окропить ею людей, дабы и они обрели бессмертие. Он поручает это ворону, который, пытаясь окропить себя самого, обрызгивает живой водой самшитовое дерево, которое с тех пор и остается вечно зеленым (а следовательно, вечно молодым, т.е. практически бессмертным).

Связь аль-Хидра с вечной жизнью («Никому до тебя Мы не даровали бессмертия» (Коран 21-34)), безусловно, обеспечивается его связью с водной стихией вообще (см. также Папазян 1986). Вода, как источник жизни, как символ возрождения и обновления, уничтожающий прошлое, в конечном итоге, как начало космогонии (среда, сохраняющая семья), безусловно, наделяет этот персонаж властью над временем. Эти сакральные качества воды и делают Хидра ответственным за произрастание, рождение (возрождение семени после попадания во влажную землю), за прирост скота, за цикличность природного процесса, по большому счету наделяя его

властью над временем. Водная природа, как и связь с землей, также придает некую амбивалентность образам; всякая неконтролируемая стихия, одновременно порождающая и разрушающая, вызывает одновременно чувства влечения и страха (Элиадэ 1999: 198).

Таким образом, подводя итог верованиям, связанным с основными видами хозяйствования талышей (отгонного скотоводства и земледелия), следует еще раз подчеркнуть значимость персонажей, ответственных за эти важнейшие сферы.

Хотя в обеих частях Талыша в этом качестве представлены и доисламские и коранические персонажи, талыши Ирана в большей степени сохранили субстратный слой, тогда как в среде северных талышей – жителей Азербайджанской Республики – гораздо большая функциональная нагрузка возложена на мусульманские персонажи, перенявшие покровительство над упомянутыми сферами в силу своих характерных особенностей.

Существенное место в системе народных верований занимает такое понятие как *Али-риз*¹ – след стопы имама Али или его коня. Благочестивые верующие стремятся оставить в таком месте камешек или монету, большой – лоскут одежды (Чурсин 1926: 9). Чурсин, правомерно указывающий на универсальность феномена отпечатка стопы святого в самых разных традициях, пытается объяснить его как пережиток культа камней или скал, что вряд ли можно назвать убедительным. В религиозном сознании сакрализация пространства святым – оставление отпечатка стопы, следа лошади, удара копья, сабли и проч., безусловно, нагляднее всего «проявляется» в камне, но – в данном контексте – отнюдь не в силу сакральности камня, но в силу прочности материала, способного веками хранить наглядное «доказательство» сакрализации.² Впрочем, это отнюдь не отменяет феномена камня как центра, напрямую освященного теофанией (особенно камня, помеченного трещиной и т.д.) – объекта, в котором

¹ Талышское *rīz(a)* в данном композите с именем первого имама шиитов Али ('Alī ibn Abī Tālib) означает «след», т.е. «след Али»; слово имеет хорошую иранскую этимологию и восходит к **raičya-*, т.е. «оставленный» (**raič-* «оставлять»); ср. также курдское *řēč* «след» из той же праформы.

² Армянский популярный святой Сурб Саргис (Св. Сергей) оставляет след копыта или копыта своего коня в приготовленной специально для этого миске с жареной мукой (*p'oxidji*), освящая таким образом урожай последующего года и благоденствие семьи. То же самое делает Хыдыр-Наби, согласно поверьям езидов и заза (у этих народов образ Хыдыр-Наби во многом сформировался под влиянием образа Сурб Саргиса) (см. подробно Asatrian/Arakelova 2004: 270-272).

заключено божество (Элиадэ 1999: 221-222). Просто в данном случае мы имеем дело с двумя различными явлениями сакрализации объекта.

Большой интерес представляет и талышский народный пандемониум.

Алажен – талышская версия демоницы *ал*, одной из универсалий иранского пространства. В представлении талышей алажен – дикая женщина, черная, с красными волосами, большими глазами и огромными грудями, которые она забрасывает за плечи. Ал вредит роженице — может напугать или ударить женщину, похитить или убить новорожденного. Отпугнуть *ал* можно острыми железными предметами, которые прячут под подушку, молитвами – *дуво*, а также специальными амулетами – *алажени чиг* (букв. «кость из щиколотки алажен»). Она любит купаться в реке, скакать на конях, загоняя их бешеной ездой, пугая и завязывая в узлы их гривы. Считается, что демоницу можно поймать и даже «приручить», заставить служить. Чурсин приводит легенду, согласно которой женщина обмазала шею лошади смолой, а алажен, решив покататься на лошади, прилипла к ней. Пойманной алажен нужно воткнуть иглу (булавку) в платье, и тогда она станет послушной рабой, а металлический предмет вынуть не сможет (Чурсин, ук.соч.: 16).

Муж демоницы – Биабан-гули – «высокий, как карагач, и весь, как буйвол, мохнатый», также опасен для ребенка (Абилов, ук. соч.: 201).

Интересную байку об алажен, записанную у талышей села Дерьян, приводит Чурсин. Охотник из села Гагеран, убив оленя, остается на ночлег в лесу. Пока он, разделав тушу, разжигает костер и готовит еду, из оврага появляется алажен. Демоница усаживается возле охотника и повторяет все его действия: он ест кусок мяса, и она следует за ним, он отрезает кусок оленьего сала – и алажен берет кусок сала. Тогда охотник подносит спичку к своей ноге. Алажен, следуя его примеру, тоже поджигает свою ногу, шерсть на ней вспыхивает, и, крича от боли, демоница убегает в лес. Спустя время алажен возвращается с целой группой сородичей. Охотник в испуге забирается на дерево, а алажены, не заметив его, жарят оленя, едят мясо, а оставшуюся его часть сжигают и расходятся. Спустя время охотник умирает. Место, где это произошло, отмечает автор, так и называется – *Госюта чол*, т.е. «котловина сожженного оленя» (Чурсин, ук.соч.: 15).

В данном сюжете алажен выступает в роли лесной демоницы, посягнувшей на охотника. Но все-таки основная ее функция – предотвращение продолжения человеческого рода, и наибольшую опасность она представляет для рожениц и новорожденных младенцев.

У талышей в подобной ипостаси выступает и другая демоница – *шаша*. В женском обличье, но размером меньше кошки, шаша пробирается к ребенку на шестой день (*шашаруж*) или шестую ночь (*шашашав*) от рождения, садится у головы новорожденного и начинает душить. Поэтому было принято охранять ребенка на шестые сутки: группа женщин сидела у колыбели, накрыв младенца рыболовной сетью и поддерживая свет всю ночь. У входа в комнату оставляли хлеб с маслом, чтобы отвлечь шаша от дитя, на случай, если женщины все-таки заснут (там же). Шаша, живописно изображенная в сказаниях и имеющая собственные черты (например, маленький размер), на первый взгляд, воспринимается как слабая, возможно, локальная ипостась алажен, ибо сфера ее влияния входит в домен универсальной демоницы, а функции обеих аналогичны. Может показаться, что персонаж этот отпочкавался в определенный период от алажен и получил отдельное развитие – явление довольно распространенное в народных верованиях.

Тем нем менее, шаша, скорее всего, – оригинальный образ: его нет ни у одной новоиранской народности, в том числе у очень близких талышам гиланцев и мазандаранцев. Вряд ли уместна параллель с домашним духом *шуэ* (*šüe*) у лакцев и кялхоров или *шое* (*šöe*) у гуранов, имена которых восходят, возможно, к древнеиранскому **xšathra-pati*. Талышское *шаша* никак нельзя возводить к указанным праформам. Вполне возможно, что соотношение имени этой демоницы с числом шесть вторично и, скорее всего, обусловлено омонимией двух лексем. Более того, не исключено, что и сама мифологема шестого дня, его особой нагрузки в данном контексте – результат вторичной референции. Данное явление имеет множество параллелей: некий персонаж, в силу переосмысления его имени в народном сознании, получает новые функции и трансформируется в новый характер сообразно предполагаемому восприятию значения его имени. Это, тем более, возможно в случае с демонизированными божествами, чьи покровительствующие функции трансформируются в прямо противоположные демонические качества.

Итак, если *шаша* действительно изначально сепаратный образ, то он должен быть исконным талышским соответствием региональной демоницы – ал, адаптированной талышским народным пандемониумом явно позднее. В этом случае напрашивается параллель с хурритской богиней *šaoška* или *šawoška*, закономерно подвергшейся демонизации. Интересно, что *шаошка*, или, скорее, *шаош-* (*ка-*, по всей видимости, суффикс) ведает, помимо прочего, плодородием, матримониальными отношениями и т.д. (см. подробно

Haas 1994: 345-352; Seidl 2001), что в результате демонизации закономерно должно дать антагониста продолжения жизни – функционально абсолютное совпадение с талышской демоницей *шаша*. Таким образом, *шаша* вполне может быть древним элементом, трансформированным из хурритского субстрата.

Вообще-то ал (*āl*) – целый класс демонов, антагонистов человеческого рода, в основном выступающих в женской ипостаси и засвидетельствованный в народных верованиях, в том числе, и неиранских народов, как мусульман, так и христиан, и распространенный, помимо собственно Ирана, в Средней Азии, Афганистане, на Кавказе, в некоторых частях России (на юге России и в Сибири). Это наиболее часто встречающийся персонаж во всех восточных народных пандемониумах (*ol*, *hāl*, *xāl* – в Таджикистане и Афганистане, *almasti* (*albasti*), *almaste*, *almasteyka* – у тюркских народов Средней Азии, *alk'*, *al* – у армян, *ali* – у грузин, *yāl* – у луров и бахтияр, *āl-i baxtak* – у заза и т.д.

Ее внешность варьируется в локальных традициях, в основном сохраняя характерные черты – большую обвислую грудь, заброшенную за плечи, огромные горящие глаза, густую растрепанную копну рыжих (красных, черных) волос, длинный нос. Методы защиты от демоницы также составляют довольно устойчивый комплект – от металлических острых предметов и ароматных трав до свежих внутренних органов домашних животных (барана или козы), оставленных во дворе дома, и пустых люлек в комнате роженицы, призванных сбить демоницу с толку. Практически повсюду ал можно поймать (проще всего, схватив за глиняный нос) и приручить, приколов к ее одежде иглу или булавку. В некоторых традициях ал может вступать в брак с человеком, но вычислить ее легко, так как от обычной женщины ее отличает боязнь огня, очага (изначально образ ал связан с водой).

Разные традиции возводят ал к первой женщине, созданной для Адама, который, будучи сотворенным из глины, не мог ужиться с ней якобы из-за ее огненной природы (хотя, как уже отмечалось, в абсолютном большинстве преданий прослеживается водная природа этой демоницы). С тех пор, как Ал была заменена Евой, она возненавидела весь человеческий род и всеми способами мешает его продолжению. Существует и маргинальная версия, объясняющая ненависть Ал к людям тем, что некогда женщина выплеснула вечером кипяток на улицу и случайно ошпарила детеныша ал – с тех пор ал и мстит людям (Arakelova 2003a).

Наиболее распространенная ошибка в интерпретации вариантов имен демоницы – попытка возвести его к тюркскому *al* – «красный» (Чурсин, ук.соч.: 12 и др.). На самом же деле, генезис данного персонажа в равной степени интересен и драматичен, поскольку ал – не что иное, как демонизированный Ахура-Мазда (*ōhrmozd*), глава древнеиранского пантеона. Теоним *almèsti* (от Ahura Mazda), который однозначно является прототипом *almasti*, засвидетельствован в одном из согдийских документов, где *almèsti* определяется как царь и верховный бог (Olufsen 1904: 36, 67-368, Hansen 1986: 256-257). Все же выше перечисленные формы – *āl* (*ol*, *xāl*, *yāl*) – результат вторичного усечения от *almèsti* (Arakelova 2003a: 24, см. также Asatrian 2001: 154).

Среди элементов народной религии обычно отмечают дендролатрию и пережитки астральных культов.

Что касается дендролатрии, то священными деревьями у талышей считались бук и дуб, а также платан (азатовое дерево) (см. подробно Mapp 1922: 6). Ранние исследователи отмечали и конкретные экземпляры, являвшиеся объектами особого почитания – священный дуб в Машхане и на вершине Вахмаку близ селений Рази и Пиады (Чурсин, ук.соч.: 9), бук на высоте Уля Шавеш, священная роща азатовых деревьев (платанов) близ села Веравула и т.д. (Mapp, ук.соч.: 6). Места со священными деревьями, как и всякую святыню, называют *оджах*. Недопустимо срубить даже ветку такого дерева.

Священные деревья часто обвешивают платками, лоскутами. Касается это, однако, не всегда самого феномена дендролатрии. Порой дерево выступает неким посредником между сакральным миром и человеком – в нем, скорее, заявлена сакральность места, где оно произрастает (могила святого, целебный источник и проч. – например, отмечаемые Чурсиным деревья и кустарники у минеральных источников) (Чурсин, ук. соч.: 9-10). Впрочем, обвешивание деревьев лоскутками и платками во исполнение желаний не вполне правомерно характеризовать как дендролатрию, за исключением тех случаев, если объектом становится дерево, заведомо несущее культовую нагрузку, как, например, дуб. Чаще всего дерево может обвешиваться лоскутками независимо от сорта. Подобный обычай, отмеченный у многих народов региона, в том числе и у тех, в народных верованиях которых дендролатрия не прослеживается вообще (например, т.н. *дара мраза* – «дерево желаний» у езидов). Подобный феномен скорее можно рассматривать как элемент культа космического канала (подобно почитанию несущей балки в доме или

центрального шеста в шатре, но с несколько иной интерпретацией), связующего линии трех миров: подземного, мира живых и небесного царства. Ведь культовый комплекс, связанный с почитанием подобных деревьев – будь то навешивание лоскутков на ветки в память об умерших или для исполнения желания, жертвоприношение под деревом и проч. – указывает именно на символику «центра», способного «передавать» желания в иные миры. Дерево здесь как объект почитания – результат вторичного переосмысления, деградации первичного образа «центра». В определенных случаях подобные деревья бывают «освящены» либо специфическим местоположением (находящейся рядом могилой святого, священным источником и т.д.), либо особыми знаками (необычной формой, выдающимся размером, порой даже сложностью ландшафта, затрудняющего приближение к объекту почитания).

Как пережиток астральных культов характеризуются представления о солнце в женской ипостаси и луне – в мужской. Считается, что светила эти были сотворены Аллахом прекрасными, подобно ангелам (например, Марр, ук.соч.: 5, Байрамалибеков : 204). Подобное восприятие главных светил – также отражение распространенных региональных воззрений, в большинстве из которых солнце и луна всегда выступают либо как сиблинги, либо как влюбленные (Arakelova 2002: 66-67, Arakelova 2006). Затмение луны рассматривается как козни злых духов (Марр: там же).

Особый интерес представляет одушевление падающих звезд, называемых *иблисами*, и их ассоциация с падшими ангелами, изгнанными из рая. Практически все авторы, упоминающие этот феномен (Марр, там же; Байрамалибеков, там же; Абилов 2011: 199) единодушно возводят название падающей звезды – *iblis* – к арабскому *иблис* («дьявол»), подразумевая параллель с падшим ангелом. Тем не менее, подобное восприятие падающей звезды является, на наш взгляд, результатом поздней интерпретации, данью народной этимологии. Из-за вторичного соотнесения с арабским «иблис», некогда, вероятно, созвучного талышского термина, обозначавшего падающую звезду, сейчас представляется сложным восстановить первоначальную его форму. Ясно, однако, что именно созвучие привело к ассимиляции и вторичной референции падающей звезды с падшим ангелом (тем более, что семантически это легко обосновывается и, более того,

находит параллели в прочих традициях¹). Как бы то ни было, но даже в нынешней форме можно усмотреть иранский корень **rauč-* «освещать», от которого происходят, например, курдское слово *birūsk* «молния» (от древнеиранского **pati-rauča-ka-*). Осмелимся предположить, что талышское название падающей звезды могло бы иметь форму **bilīs* (или **bilīsa*), которая, в свою очередь, могла закономерно возникнуть из указанной древнеиранской праформы.²

Неотделимой частью пережитков примитивных верований является народная магия, порой используемая и в народной медицине. *Materia magica* представлена у талышей многочисленными талисманами, амулетами, оберегами, а также целебными растениями, травами и проч.

Подробно различные типы амулетов описывает Чурсин (ук.соч.: 10). В качестве оберегов от дурного глаза на заборы вешались черепа лошадей и рогатого скота, а на людей (в особенности на детей мужского пола) – молитвы (*дуво (дово) чаша ма* (букв. «бусина от сглаза»), зашитые в тряпочки или кожу треугольной или четырехугольной формы. Эти обереги крепятся к правому плечу, вешаются на шее, пришиваются к шапочке (*сипи-диви-ма* – «бусина от белого дива» (о *сипи-диви* см. подробно там же: 28-29)), или кладутся в шапку (*садожо-дово*). К люльке пришиваются бусины, раковины, железные колечки. Выше мы уже упоминали амулет от алажен – *алажени-чиг*, который вешается на шею роженице.

Амулеты оберегали и хозяйство – горшки для взбивания масла, охотничью утварь. Чурсин отмечает несколько амулетов-оберегов для ружья: *бахты-дуво* – для счастья и удачи на охоте, *чашнафаси-дуво* – против сглаза ружья, *чила-дуво* (от *чил* – «сорок»), предохраняющая ружье от порчи, которая не позволяет охотнику попасть в дичь и является результатом того, что убитую из ружья дичь дали роженице в период *чи́лы* – первых сорока дней после родов (там же: 9-10).

Принято было гадание на удачу в делах. Иногда для этого использовались каменные изваяния в виде баранов на старых могилах: проходящие мимо пытаются бросить маленький камень таким образом, чтобы он остался на изваянии – тогда человека ждет удача. Чурсин отмечает подобного каменного барана близ села Турбабын, вокруг которого скопилась целая груда камней.

¹ У езидов Малак-Тавус (Ангел-Павлин), одновременно выступающий инкарнацией Единого Бога, *Xwadē*, и отождествляемый с падшим ангелом, в одной из легенд также описывается как упавшая с неба звезда (см. Asatryan/Arakelova 2003: 23-24).

² В пользу подобного предположение говорит и наличие формы *bilīs* в брауи с тем же значением (см. Rossi 1979, s.v.).

Таким же образом гадали, пытаясь попасть камнем в отверстие в скале (там же: 27).

Народная медицина также часто прибегала к помощи талисманов и амулетов, так как большинство болезней объяснялось воздействием дурного глаза. Один из магических обрядов, исцеляющих от дурного глаза, предписывает сделать из теста семь шариков и положить их у огня. Если хотя бы некоторые из них лопнут, лопнет и дурной глаз, причинивший вред, и человек сразу же поправится. После этого шарики разбрасывают на семи дорогах. Во время другой процедуры лекарь стреляет ивовой стрелой из ивового лука в пациента, прикрывающего больное место деревянной чашей – *т'абахи*, и таким образом изгоняет болезнь (злого духа). Чурсин приводит ряд народных приемов лечения различных заболеваний, сочетающих реальные действенные средства растительного, животного и минерального происхождения с элементами магии (там же: 16-18).

Среди используемых в народной медицине растений следует отметить мяту, настоем которой лечили боли в животе, а также репчатый лук. Причем лук, имеющий у многих народов региона серьезную апотропеическую нагрузку, у талышей выступал в довольно профанной роли – его привязывали к пятке, леча таким образом зубную боль (Миллер 1930: 146, 152). Существовали и магические приемы для облегчения родов: помимо общепринятых – расстегивания застежек на женщинах в доме, открывания створ, дверей, сундуков и проч. – роженице, например, полагалось покормить с подола лошадь, которую специально подводили к порогу дома (Чурсин, ук.соч.: 11-12).

Многое из описанного выше сегодня частично утрачено. Тем не менее, народные верования и северных и южных талышей все еще отмечены удивительными архаизмами, уходящими корнями в глубь веков и до сих пор отчасти формирующими традиционное мировоззрение представителей талышского этноса.

Глава VIII

ЭТНОГРАФИЯ

Известный труд Чурсина (1926) и недавно вышедшая работа Абилова/Мирзолизаде (2011) о северных талышах, книга Абдоли ('Abdoli 1990) о южных талышах, а также разрозненные публикации в советской и иранской научно-популярной печати – часто лишь косвенно касающихся талышей – исчерпывают фактически всю библиографию по талышской этнографии.

По типу ведения хозяйства талышей можно разделить на три основные группы.

1. Кочевые или полукочевые группы, называемые *галеш* (букв. “пастух крупного рогатого скота”), которые занимаются скотоводством. Они представляют отдельную этно-социальную группу и имеют собственные духовные традиции, материальную культуру и даже свой отдельный диалект – смесь гилянского с талышским.

2. Оседлые земледельцы, сохранившие некоторые элементы племенного устройства.

3. Оседлые земледельцы–крестьяне без племенной аффилиции.

Племя как социальная единица существует сегодня лишь в рудиментарной форме и только у южных талышей, главным образом – у жителей гор, которые также постепенно теряют основные черты некогда сплоченного и системного племенного устройства. Причиной тому является переход от кочевничества к частичному или полностью оседлому земледельческому образу жизни.

Талышское племя давно перестало быть агнатической группой; оно представляет собой, скорее, территориально-экономическую единицу, основанную только на предполагаемом родстве от общего предка.

Группы племен составляют племенные конфедерации – *ил* (*аширет*). Самые крупные талышские илы – *Каргару*, *Асалем*, *Талешдула*, *Хошабар*, *Рэш*, *Малал*, *Шандермин* и *Масал* ('Abdoli 1990: 42). Племена в свою очередь разделяются на более мелкие единицы – клан, большая семья и т.д. Чем

меньше социальная единица в традиционных общественных структурах, тем острее кровно-родственные связи.

Кочевым и полукочевым талышам свойственны определенные формы хозяйства. Основа их экономики – отгонное скотоводство: необходимость обеспечения пастбищами мелкий рогатый скот, вынуждает летом подниматься в горы, а зимой – возвращаются в деревни на равнинах.

Оседлые земледельцы, сохраняя элементы племенного уклада, занимаются только земледелием и садоводством. Побочными элементами хозяйствования – как у скотоводов, так и у земледельцев – являются охота, пчеловодство, а в населенных пунктах, находящихся возле рек – рыболовство.

Горные талыши подразделяются на две группы по количеству имеющегося скота: крупные и мелкие.

Крупные скотоводы составляют всего 5 процентов населения; в общей сложности каждая семья этой категории имеет около 500 голов мелкого и крупного рогатого скота, а также вьючных животных.

Мелкие скотоводы, имеющие примерно по 150 голов скота, составляют 30 процентов горного населения.

Около одного процента населения горных талышей занимается ремеслами, а остальные 64 процента ведут мелкие хозяйства смешанного типа, в частности работают по найму у крупных и мелких скотоводов.

Один из уникальных общественных институтов талышей – *базар*, несущий, помимо прочего, важнейшую культурную и общественную нагрузку. Базар – это то место, где раз в неделю собирались и горные, и равнинные жители, и отнюдь не только для торговли; люди обменивались информацией, вели беседы, переговоры и т. д. В разных районах существовали разные дни для базаров, не совпадающие с базарными днями даже близлежащих поселений. Наибольшей известностью у талышей пользовался всегда базар в Масале – *Шанбебазар-э Масал* (Асатрян 1998: 9).

На базарах проводились и культурные мероприятия: народные представления, выступления *пахлеванов* (атлетов), канатаходцев, заклинателей змей, и т.п. Эти побочные функции базаров ныне почти сошли на нет, однако их общественная (и даже порою политическая) значимость – как места средоточия капитала и экономической потенции – до сих пор сохраняется.

Северных талышей также можно разделить на горцев и жителей равнин. Первая группа и тут занимается в основном скотоводством и ведет более

традиционный образ жизни, чем равнинные талыши, занимающиеся, главным образом, земледелием и, в частности, бахчеводством.

Основной доход жителей – от раннего овощеводства, возделывания цитрусовых, риса и чая. Влажный субтропический климат, плодородные земли и вода создают широкие возможности для развития сельского хозяйства.

В экономике Азербайджанской Республики Талыш занимает важное место. Так, низменная часть Масаллинского, Ленкоранского, Астаринского районов специализируется на чаеводстве и овощебахчевой продукции, в Джалилабаде развито виноградарство, в Лерикском и Ярдымлинском районах – зерноводство, животноводство и табаководство, а центром цитрусового садоводства является Талыш-Муганский район.

Южный Талышистан по отраслям продукции делится на одиннадцать поясов – Асале, Карганруд, Астара, Вилкич, Зуванд, Чай Ичи Ланкаран, Дариг, Алуф, Даштеванд, Уджаруд и Муган. Жители горных районов называются *джабали* (от араб. *jabal* “гора”), а жители равнин – *гили*. Скотоводы, *галешы*, обычно занимающиеся разведением крупного рогатого скота.

Во всех районах основными отраслями хозяйствования являются зерноводство, производство фруктов и овощей, а также животноводство и охота (‘Abdoli 1999: 35).

В *Асале* и *Карганруде* развито производство риса; *галешы* следят за стадами коров и овец, при этом занимаясь охотой на птиц и дичь. А в районах вдоль рек Шенг и Дала распространено рыболовство.

Район *Астары* называется также *джангалестан*, то есть “лесная местность”. Здесь развито животноводство, возделывают рис, выращивают виноград и тутовник, производят шелк.

В *Вилкичском* поясе основной отраслью является зерноводство, в частности, ячменеводство.

В пояс *Чай Ичи Ланкаран* входят 22 деревни; здесь в основном культивируются рис и шелк.

Шестой пояс – *Зуванд* – гористая местность с суровым климатом. Население занимается пчеловодством и животноводством.

Алуф – экономический пояс, где из-за нехватки воды земледелие ограничено, но развиты животноводство и охота. Деревообработка – одно из главных ремесел этого края.

Дариг — горный район, где развиты производство зерновых, садоводство и пчеловодство. Местность богата горячими минеральными источниками, имеет живописный природный ландшафт.

В *Даитеванде* особо развиты садоводство и культивирование овощей и бахчевых.

Муган, один из древнейших талышненаселенных ареалов региона, известен производством зерновых и животноводством.

Последний экономический пояс — *Уджаруд* — славится плодородными землями и развитым земледелием.

Жилищные условия у талышей разнятся в зависимости от хозяйственного уклада и природно-климатических условий. Чурсин, описывая жилища талышей в начале века, отмечает: “В связи с различием окружающей природы и в зависимости от особенностей быта, характер и устройство жилищ у различных групп талышей различны. В горно-лесной полосе, где много леса, на низменности дома деревянные, крытые камышом, соломой, иногда дранью... В горах Зуванда, где нет леса, и в изобилии имеется камень, дома строятся из камня, и сообразно большой суровости климата, более солидно и основательно. Полукочевники аларцы и орандцы лето проводят в убогих шалашах «алачугах», зиму в более теплых, но не менее жалких постройках. На Талышской низменности, где летом в домах развивается сырость, где свирепствует малярия, для летнего пребывания устраиваются особые помещения «лам»; это род деревянных вышек на четырех столбах; на высоте 4-5 метров устанавливается крытый помост, окруженный деревянными перилами. На эту вышку поднимаются по лестнице или по наклонно поставленному бревну со сделанными на нем зарубками” (Чурсин 1926: 40).

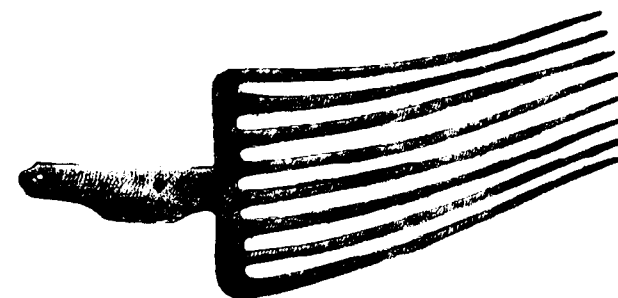
Традиционные талышские дома строились из камня (в горах) или из бревен (на равнинах), без фундамента (*anjnak*). Стены изнутри и снаружи были покрыты слоем глиняной смеси. В центре дома — очаг, дым которого выходил через отверстие в потолке (в XX веке вошли в употребление железные печи). Во дворах строили временные жилища с кирпичными или деревянными опорными столбами, где жители дома могли отдыхать в период с мая по октябрь.

После установления советской власти в северном Талыше внешний вид жилищ подвергся некоторым изменениям, и сейчас они представляют собой в основном двухэтажные дома с довольно низким потолком на первом этаже.

Главным строительным материалом для домов в южном Талыше является древесина — дуб, вяз, ольха, бук. Для сохранения от сырости фундамент и пол дома делают из смеси глины и камня толщиной в 50-80 см., на которые устанавливают горизонтальные бревна для каждой стены (*nal*). Деревянный каркас стен домов строится следующим образом: для стен готовят деревянные мостики между горизонтальными бревнами, которые крепятся к потолку с помощью столбов (*oudar*). Столбы же прикрепляются друг к другу с помощью тонких деревянных досок (*azgama*). Иногда между столбами в передней и в боковых стенах в основном первого этажа оставляют открытое место для окон (*tālār*). Деревянные мостики заполняют смесью глины и рисовой соломы. Последняя стадия — это нанесение смеси из соломы риса и глины, которую выравнивали шпаклями.

Крыша талышского дома имеет существенный уклон, для того, чтобы во время осадков на ней не собиралась сырость. На основной столб крыши, *sarç'i*, опираются поставленные параллельно друг другу столбы (Bazin 1980: 167-170).

Современные талышские дома отличаются разнообразием с точки зрения строительных материалов, а также — внешнего и внутреннего устройства. Дома, построенные у моря, имеют крыши с уклоном и деревянные стены. Встречаются также дома из бревен с крышами, покрытыми смесью из глины и соломы. Все чаще встречаются постройки из кирпича. Стены некоторых обмазаны снаружи смесью из глины и соломы. Современные строения, сохраняя традиционные облик и строительные методы, совершенствуются новыми стройматериалами — цементом, песком, железом.

Вилы для веяния зерна;
по-талышски: *šōna*, из древнеиранского **šānaka-*

Традиционная талышская домашняя утварь включает циновки, ковры, подушки, тюфяки, треножники, медные сосуды для воды, медные котлы, деревянные ложки и т.д. Присущие кочевническому быту мешки, сумки, хурджины употребляются для сохранения и перевоза зерна и других продуктов.

Скотоводы употребляют в пищу больше молочные продукты, полукочевые и оседлые – растительную пищу, в основном рис. Из молока делают мацони, бараний сыр, масло. Вместо хлеба талыши едят блины из разваренного риса. Кухня северных талышей ныне обогатилась блюдами, присущими кавказской кухне, а южным талышам ближе родная иранская кухня. Мясо не является традиционной пищей, его едят от случая к случаю.

У талышей очень развиты ремесла. Особенно выделяются талышские ковры, циновки, другие изделия из шерсти. Изготовление циновок и кошм (войлочных ковриков) в настоящее время имеет большее распространение, чем ковроткачество. Кошмы (в основном 1 метр в длину) употреблялись также в качестве занавесок для защиты от палящих лучей солнца.

Особый вид кошмы, специально сотканный только пожилыми женщинами, употребляли во время похорон: в нее заворачивали труп умершего и предавали земле. Позднее кошмой просто покрывали тело покойного и засыпали землей. Такое употребление кошмы привело к тому, что в народных суевериях она стала предзнаменованием беды; у северных талышей увидеть кошму во сне считается плохой приметой.

Среди скотоводов было развито мелкое рукоделие: вязание из бараньей шерсти носков, перчаток, шалей, шапок и пр. Носки во время свадебных церемоний преподносятся родственникам жениха в качестве первого подарка.

Оседлые талыши плетут из стеблей риса и осоки (талыш. *le(y)*) корзины, циновки, веревки, и.т.п. Женщины делают также ожерелья, браслеты, расшивают галуны и.т.п.

В традиционном талышском обществе свадьба считается одним из главных событий в жизни человека, а посему сопровождается длительной церемонией. Это довольно сложный обряд с четкой регламентацией. Все начинается с выбора невесты, и одобрения родителей. Затем следует процесс сватанья, во время которого родители жениха несколько раз посещают дом девушки для получения согласия ее родителей. Взаимное согласие подкрепляется подарками и обильным угощением. После сватанья молодые обручаются, а за пять дней до свадьбы происходит специфическая

церемония, известная у южных талышей как *borūm-o-xānča* (т.е. *борум* и *ханча*). Она начинается тем, что родители невесты покупают на базаре 3 метра ткани, в основном красного или желтого цветов, рамку для зеркала, пару платков с квадратными рисунками, две пары мужских носков, несколько килограмм желтых и красных яблок, гранат, апельсинов и закрытую коробку иголок, которые считаются составляющими *borūm-a*, в *xānča* же входят большой кусок сахара, чай, шоколад, сладости, красивая расшитая скатерть, в которую должны завернуть петуха или утку в зарезанном или живом виде. Затем отец жениха приносит из леса ветку гранатника 1,5 метра в длину с трехконечной рогатиной. Женщины заворачивают ветвь купленной тканью и украшают продуктами для *borūm-a*, которые прикрепляют к ткани с помощью иголок. К другому концу рогатины прикрепляют купленные фрукты и украшают цветными тканями. На широкий поднос ставят кусок сахара, шоколад, сладости, чай, халву, зарезанную птицу и прикрывают скатертью. Второй этап *borūm-o-xānča* продолжается в доме жениха, когда родственники невесты с перечисленными продуктами и бараном, украшенным хной, прибывают в дом сватов. Родственники жениха, выходя навстречу, опустошают *xānča*, а *borūm*, как флаг, извещающий о начале свадьбы, водружают на крышу дома или на любое высокое место, чтобы всем было видно. Этот своеобразный символ свадьбы остается там до окончания церемонии, после чего его снимают и делят содержимое между родственниками.

Церемония *борум-а-ханча*

Свадьба, кроме традиционных обрядов, сопровождается также народными играми, сохранившиеся в основном в среде горных талышей. Самые распространенные игры – борьба и джигитовка — сопровождаются музыкой, одобрительными возгласами участников свадьбы и завершаются награждением победителей.

Первые сорок дней после свадьбы чужие не имеют права входить в комнату новобрачной, а в первые три дня она не имеет права выходить из комнаты, если в доме есть мужчины. Затем начинаются визиты родственников новобрачной с подарками (Абилов/Мирзализаде 2011: 205).

Рождение ребенка, особенно сына, – большой праздник. Роженица получает подарки от родственников – носки, мед, халву, даже мелкий рогатый скот. Она остается в постели 40 дней и только после этого начинает работать.¹

Обрезание носит обязательный характер у талышей. В день обрезания ребенка (от 3 до 5-и лет) отец устраивает богатый пир и приглашает родственников и соседей. В старину обрезание делали цирюльники (*dallāk*); рану обрабатывали горячим пеплом.

Устное народное творчество талышей очень богато. Широко распространены эпические поэмы, сказки, шуточные стихотворения, загадки, поговорки. Отдельное место занимают этиологические мифы о возникновении явлений природы, стихий, небесных светил, растений, животных и пр. (см., напр., Киракосян 2005).

Обрезание мальчика

¹ О средствах защиты новорожденного и роженицы от злых духов см. Главу VII.

Глава VIII. Приложение

Мировоззренческие стереотипы у талышей

Отметим, что для современных талышей, особенно проживающих в Азербайджанской Республике, характерна выраженная проиранская ориентация, усугубляемая политикой РА, не признающей права на культурно-языковую автономию малых народов (Ter-Abrahamian 2005: 25).

Для талышей характерны такие гетеро-стереотипы:

- 1) “мы, талыши, должны быть вечно аполитичны”;
- 2) “нужно добиваться своего признания в качестве отдельного народа с помощью Ирана”;
- 3) “все народы уже проснулись, кроме нас”;
- 4) “мы не осетины и не абхазы, у нас другой менталитет; мы будем добиваться своего мирным путем, без силовых методов”;
- 5) “националистическая идея “Талыш для талышей” чужда нам и не может быть принята на вооружение”.

При этом, стремление к этнической культурной автономии в пределах государства проживания фактически являются главной политической идеей талышских общественно-политических деятелей (Ter-Abrahamian 2005: 133-134).

Тем не менее, этническая самоидентификация прочно укоренилась в сознании многих рядовых талышей в виде идеологеммы: “мы, талыши, — единственное сохранившийся автохтонный этнос этой территории и наследники истории и культуры Кавказской Албании, а у пришлых кочевых племен культуры не было и нет сегодня” (там же: 134).

Мировоззрение и гетеро-стереотипы южных талышей почти такие же, как и у остальных иранцев, граждан Исламской Республики Иран, особенно жителей прикаспийских провинций, хотя наличие северного Талыша и соплеменников по другую сторону границы, как и идея объединения с ними в пределах единой административной границы, — устойчивый элемент их национального мировоззрения.

Последний стереотип четко прослеживается и в менталитете северных, азербайджанских, талышей. Вообще, идею объединения двух частей Талыша и создания сегодня единой политической структуры можно считать преобладающим элементом талышского самосознания – будь-то на севере

или на юге. При этом, вариацией последнего стереотипа можно считать идеологемму о том, что если создание независимого гособразования выглядит нереалистичной задачей, то надо стремиться хотя бы объединиться в пределах Ирана в статусе отдельной провинции, *остана* – *Ostāne Tāleš*.

Глава IX

НАРОДНОЕ ИСКУССТВО

Высокий уровень развития культуры тальшенаселенного региона отражен в сохранившихся артефактах - бытовой и ритуальной керамике, оружии, ювелирных изделиях, печатях-амулетах, с глубокой древности соединявших в себе функцию украшения-оберега, знака собственности и утилитарное значение.

Анализ декора изделий из глины и мотивов, использованных в композициях металлических амулетов и талисманов, свидетельствует, что предметы прикладного искусства содержат, помимо традиционных для этого региона, группу геометрических, фитоморфных, антропоморфных и зооморфных мотивов, вкрапления, привнесенные идеи, изобразительные цитаты в виде фигур фантастических и гибридных созданий, нетипичных для региона животных и растений и проч.

Повсеместно в декоре предметов прикладного искусства данного края на протяжении многих веков господствующее место занимала солярная и астральная символика параллельно с изображениями тотемных животных местного субстрата (коза, змея и др.). А в дальнейшем символы изображались в тесном соседстве с пиктограммами и эпиграфикой.

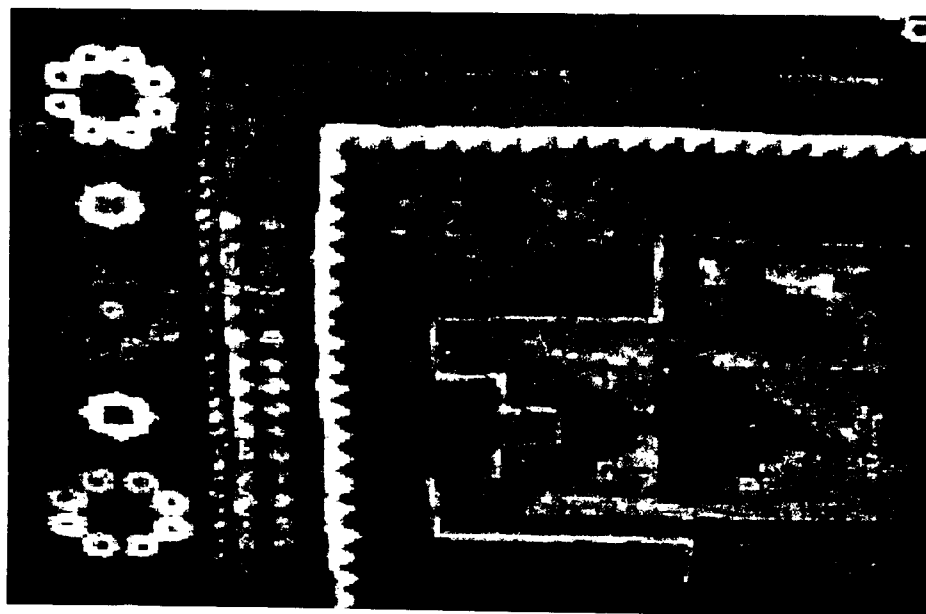
Интересен факт цитирования инородных изобразительных элементов в сочетании с полирегиональными символами в тканях композиций, сотканых на местной изобразительной фактуре, конкретно в декоре предметов прикладного искусства. Их характеризует использование графических символов без проникновения в смысл заимствованных знаков. Особенно это присуще декору и орнаментации керамических изделий и ковров.

Тальши создали многообразную культуру в области ремесел. Среди них во все времена наиболее развиты были деревообработка, ткачество, металлообработка, гончарное производство и изготовление циновок. Материалы, касающиеся отдельных отраслей ремесленного производства, свидетельствуют, что тальши и в этой области накопили богатый опыт и эмпирические знания.

Так, например, многочисленные керамические печи, найденные археологами в Ленкоранском и других районах Талыша, позволяют предположить, что большинство керамических изделий, обнаруженных в раскопках на рассматриваемой территории, являются продуктами производства местных мастеров.

Образцы высокохудожественной резьбы по камню, характерные для каджарского времени в рассматриваемом регионе, сохранились в виде надгробных плит. Надгробные плиты, изваяния животных, как и более ранние образцы этого искусства, украшаются геометрическим и растительным орнаментом, эпиграфикой, исполненной одаренными каллиграфами, наряду с сюжетными изображениями, отражающими наиболее важные эпизоды из жизни погребенного.

История коврового искусства в регионе проживания талышей зародилась довольно рано. Талышские ковры украшают многие знаменитые государственные и частные музеи и галереи мира: Эрмитаж в Ленинграде, Музей истории, Музей народов Востока и Оружейную палату в Москве, Метрополитен-музей в Нью-Йорке, Британский музей и Музей Виктории и Альберта в Лондоне, Лувр в Париже, Тегеранские и Исфаханские музеи ковра, Музей дворца Топкапы в Стамбуле и т. д. Они бережно хранятся и в других музеях Москвы и Ленинграда, Киева, Ташкента, Еревана и Тбилиси.

Фрагмент талышского ковра

Талышские ковры прошли четыре этапа развития: сначала появились войлочные ковры, затем *паласы*, еще позже *зили*, *верни* и *сумахи*. И, наконец, этап, когда создаются сложные орнаментальные ворсовые ковры.¹ В больших домах зажиточных талышей традиционно использовались комплекты из 4-х ковров трех типо-размеров (*даст*): два *кенарэ*, *келлейи* и *халы*.

Если талышские ворсовые ковры веками ткались при помощи двух форм техники узлового – *гюллаби* (*тюркбаб*) и *долама* (*фарсбаб*), то число видов ковровых композиций поистине беспредельно. Порою богатая и сложная композиция имела распространение в границах одного села, города или этнической группы, где производились эти ковры, и по традиции, как ценное наследие, передавалась из поколения в поколение.

Широко известны ковры, содержащие «цитаты» из памятников архитектуры как исламской, так и христианской. В число этих орнаментальных мотивов входят многие элементы архитектурных строений – арки и порталы, колонны и купола, окна и висячие лампы (*гандил*). На некоторых коврах изображены, разумеется схематично, знаменитые архитектурные памятники Востока, святыни мусульманского мира. Маленькие молитвенные коврики, *намази*, в структуре своих декоративных композиций обычно содержат архитектурную деталь – *михраб*, нишу алтаря мечети.

Взлет мастерства талышских ковров Каджарского периода наиболее полно иллюстрируют экземпляры из коллекций музеев Баку (Государственный музей азербайджанского ковра и народно-прикладного искусства им. Лялифа Керимова), Цюриха (Rietberg), Глазго (The Burrell Collection), Вашингтона (Textile Museum), Нью-Йорка (Metropolitan Museum of Art), Стамбула (Музей Топ-Капы), Москвы (Музей искусств народов Востока), Киева (Музей восточного и западного искусства) и др.

В новое и советское время, помимо ковроделия, талышский край был известен войлоком, шелковыми тканями, производством национальной одежды и обуви, вышивкой шелком и золотом, производством глазурованной керамики, изготовлением чеканной или гравированной медной посуды, ювелирным делом, резьбой по дереву и камню и др. Образцы изделий прикладного искусства народов этого региона, в том числе талышей,

¹ Отличительной особенностью талышского ворсового ковра является высокая плотность его узлов. Она, как правило, определяется количеством узлов на квадратный дециметр (в среднем на каждый квадратный дециметр изделия приходится от 1600 (40x40) до 4900 (70x70) ворсовых узлов).

относящиеся ко второй половине XVIII и первой половине XIX века, украшают коллекции многих музеев мира.

С середины XIX века у талышей особенно процветает искусство художественной вышивки тамбурным швом *текелдуз* и золотошвейное *гюлябатын*. Следует отметить, что в отличие от ковроткачества, это ремесло было прерогативой мужского населения края, как, впрочем, и на Северном Кавказе и в Средней Азии. Золотошвейной вышивкой украшались одежда, тубетейки, обувь, коврики и всевозможные мелкие бытовые предметы: футляры для Корана, гребней, часов, кисеты для табака и т.д. Материалом для золотошвейной вышивки служил обычно гладкий бархат бордового, фиолетового и зеленого цветов. Иногда вышивки исполнялись на атласе или сафьяне золотыми нитями фабричного производства. Декор повторял полирегиональную символику и сочетал ее с местными предпочтениями.

Верхняя одежда украшалась вышивкой, мехом, золотыми кружевами, золотыми и серебряными украшениями или серебряными монетами. Особой популярностью пользовались золотые и серебряные бусы, пуговицы, стилизованные под крупные зерна ячменя, низки монет, ажурные подвески, цепочки и т.п. Европейские и русские путешественники неоднократно отмечают в своих описаниях этого края красивую одежду талышских женщин. Зарисовки художников, а начиная с конца XIX века и фотографии, визуализируют эти впечатления (см. Измайлова 1964; также Мещанинов 1927; Ивановская 1928).

Ювелирные украшения в Талышистане отличались разнообразием и изготавливались в основном из золота. Из серебра выделывали большей частью каждодневные пояса или пряжки для кожаных поясов. Золотые изделия всегда имели большой спрос, и поэтому ювелирные мастерские и лавки составляли целые ряды знаменитых базаров. Ювелиры украшали также оружие и доспехи. Обязательным атрибутом мужского костюма были кинжалы.¹

Производство высокохудожественной чеканной (литье встречается реже) медной и латунной посуды резко сокращается к середине XIX столетия, очевидно, в связи с возросшей конкуренцией на фоне ввозимых

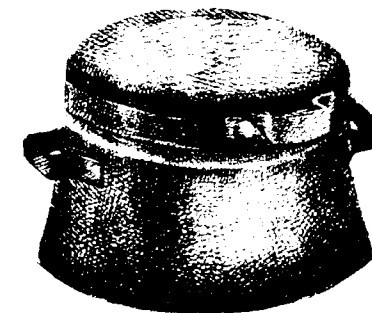
¹ Производство кинжалов стимулировалось в связи с их востребованностью и по прямому назначению, и в качестве необходимого дополнения к костюму. В Музее истории Азербайджанской Республики хранится богатая коллекция оружия, среди которых есть и изделия талышских мастеров: кинжалы и шашки с дорогими клинками и высокохудожественными ножами, ружья и пистолеты, инкрустированные золотом и перламутром. Среди коллекционеров особо высоко ценится оружие Каджарского периода начала XIX века, изготовленное мастерами разных этнических групп прикаспийского региона.

промышленных товаров российского производства и исторически неизбежным изменением уклада жизни населения. Сохранившиеся же образцы медной (луженой) посуды конца XVIII и начала XIX века поражают изяществом формы, тонкостью декоративной отделки. Иногда в качестве декора применялась эпиграфика, содержащая цитаты из Корана, наиболее популярные молитвы, стихи персидских поэтов, благопожелательные сентенции, а иногда имя мастера и дату изготовления, реже - имя заказчика.

Следует отметить, что подобная посуда вошла в обиход народов рассматриваемого региона, с одной стороны, как заменяющая собой дорогую серебряную посуду, с другой, - как ее более демократичная альтернатива. При этом следует отметить, что доступность и дешевизна этих изделий достигались исключительно за счет замены дорогих металлов на более дешевые металлосплавы, но ни в коем случае не за счет снижения эстетических показателей.

Кувшин для омовения; по-талышски:
öva güla, oftofa, перс. *āftāba*

Медный котел; по-талышски: *diza*,
tiyān или *kūp*

Талышские мастера иногда повторяли в металле формы и декор дорогостоящей восточной, европейской и русской посуды из фарфора, фаянса и керамики, циркулирующей на рынке. Среди них – ведра, *самыл*, ритуальные кувшины с тазиками, *афтафа-лаян*, кувшины для переноса и хранения воды, *гюйум*, *сяханк*, сосуд для розового масла, *гюлабдан*, сосуд для надоя и хранения молока, *сарнидж*, крышки для плова, *сярпуш*, блюда, обеденные столики, *маджмаи*, миски для питья воды, *шербета* или вина, *джам* и *пиала*, кружки для воды, *бирали*, *парч*, высокие ковши для воды или

молока, долча, сосуды для *шербета* двух видов – маленькие настольные и большие ритуальные (общественные) для мечетей, *шербет гула*, светильники, *чираг*, подсвечники, *шамдон*, сосуд для жарки и тушения мяса с крышкой, *габлама*, тазики, *лаян*, банные сундучки, *хамам сандыг*, *хамам тас*, дервишеская сумка, *кашкул*, ритуальные латунные миски, сосуды для сурьмы и многое другое. Все эти предметы традиционно украшались растительным или геометрическим орнаментом, каллиграфией, портретами властителей на троне, любовными и охотничьими сценами, изображениями животных и т. д.

У талышей всегда была популярна и востребована резьба по дереву. К мастерам по художественной обработке дерева обращались все слои населения, так как абсолютному большинству был доступен широкий выбор необходимых в быту изделий: сундучков для хранения корана, резных ложек для розлива *шербета*, гребней, оконных ставней, *шэбэкэ*, резных дверей и т. д. В отдельную большую группу выделялись мастера по производству музыкальных инструментов и сундуков. Свидетельством высокого художественного уровня талышских резчиков по дереву являются сохранившиеся в музеях и частных коллекциях образцы этого вида талышского прикладного искусства.

Начало эпохи планомерного и программного накопления материалов по этнографии и культуре талышей и первоначальные сведения о прикладном искусстве талышей связано с деятельностью археологических и этнографических правительственных комиссий и рядом крупных научных экспедиций конца XIX – начала XX вв., предпринятых царским правительством с целью сбора информации о составе населения южных территорий государства (см., напр., Легкобытов 1836, ч. III; Рисс 1855; *Списки населенных мест Российской империи. Бакинская губерния* 1870; Трофимова 1959; Рюмин 1923; *Народы Кавказа* 1960; *Обозрение Российских владений за Кавказом в статистическом, этнографическом, топографическом и финансовом отношениях* 1836, ч. III; *Народы Кавказа*, в 2-х тт. 1960-1962).

Объективная необходимость дальнейшего изучения и систематизации всех составляющих культурного пространства талышей вполне очевидна (см., напр., Серов 1990; Cavadov 2004; Киракосян 2005; Asatrian/Borjjan 2005; и т.д.). Успешное решение этой задачи позволит пролить свет на ряд общих закономерностей, характерных для комплекса этических и эстетических аспектов феномена искусства полиэтнических культурных зон и восстановить конкретные исторические реалии этого комплекса на примере одного из аборигенных этносов ирано-кавказского региона в историко-этнографическом контексте.

Глава X

ЯЗЫК И ЛИТЕРАТУРА

*Кто говорит, что ты мертв?
Ты - разливающийся горный поток,
Ты - язык моего великого предка.
Звучи наравне с другими, моя родная речь,
Язык талышский, язык мой!*
Вагиф Насир

Язык талышей, *талыши* (*толыши зывон*) – индоевропейский язык, принадлежащий к северо-западной группе иранских языков и входящий в число языков прикаспийского ареала, к которому относятся также новоазарийские (южнотатские) диалекты, гилянский, мазандаранский, заза, гурани (со своими диалектами – собственно гурани, авромани и баджалани) и др.

Талышский язык распространен на юго-западном побережье Каспия, в южной части Азербайджанской Республики и в сопредельном Иране. В пределах Азербайджана на этом языке говорят в Астаринском, Ленкоранском, Лерикском, Масаллинском и Ярдымлыском районах. В Иране талышский язык распространен на востоке провинции Ардебиль (от Анбарана на севере до Хальхала на юге), а также в Гилане, в географической зоне Талеш, в прошлом состоящей из пяти областей (Хамсе-йе Тавалеш) – Карганруд, Асалем, Талеш-Дулаб, Шандерман и Масал.

Талышский язык, в особенности на равнинные местности Талыша, довольно долгое время находился и по сей день находится под значительным влиянием тюркского и персидского. Несмотря на это, он сохраняет все свои исконные черты и является одним из наиболее богатых и архаичных представителей иранской группы языков. Современный талышский язык состоит из трех основных диалектных массивов: южный (Иран), центральный (Иран) и северный (Иран/Азербайджанская Республика). Наиболее изученным является последний, в котором насчитываются не менее шести говоров – ленкоранский, астаринский, лерикский, масаллинский, шувинский и анбаранский (см. Миллер 1953; Пирейко 1976; она же 1991: 91-175; Мамедов 1971; Amīryān 2005; Bazin 1979: 1-16). Из центральных и южных говоров известны масулинский, асалемский, хошабарский, туларудский,

визинский, шандерманский, паресарский и зидинский (см. Lazard 1978: 251-268; Bazin 1981: 111-124, 269-277; Lecoq 1989: 296-312; Nājatpūr 2004). Следует, однако, отметить, что различия между основными диалектами талышского языка, по сути, незначительны, что обусловлено прежде всего тем, что талыши всегда компактно проживали на единой территории (иначе см. Bazin 1979). Данная ситуация в значительной степени способствовала интеграции диалектов, приведшей к возникновению наддиалектного койне в некоей форме литературного языка.

В историческом плане талышский язык и близкородственные ему новоазарийские¹ диалекты на синхронном уровне образуют особый близкородственный массив, являясь, при этом, прямыми потомками средневекового азари, иранского языка, на котором говорило население Азербайджана (Атурпатакана (Атропатены)), древней провинции на северо-западе Ирана, до языковой тюркизации этой области.² Б. В. Миллер, основываясь на материале А. Касрави и некоторых других данных, продолжением языка азари считает талышский. Он пишет; «во всем «азерийском» материале, приводимом Касрави, мы должны видеть отражение языка ардебильцев и ардебильского района, языка предков современных талышей, но уже первой половины XIV века» (Миллер 1953: 253). Для подкрепления своего предположения Б. В. Миллер приводит определенное количество словоформ из текстов А. Касрави, а также несколько фонетических закономерностей, находящих параллели в современном талышском. В целом приведенные им примеры и сопоставления убедительны, несмотря на отдельные незначительные неточности (см. Асатрян 1991: 484-492). Таким образом, современный талышский язык и новоазарийские диалекты могут служить в какой-то степени основой для выяснения некоторых лингвистических характеристик азари, который, судя по всему, принадлежал, именно к этой группе иранских диалектов.

Кроме общих фонетических изоглосс, объединяющих всю северо-западную группу иранских языков, наиболее характерной чертой талышско-новоазарийской подгруппы прикаспийских языков является переход интервокального и поствокального древнеиранского */t/ в /r/ (в северном

¹ Под этим термином ныне мы подразумеваем живые иранские диалекты исторической Атропатены, более известные в научной литературе как «диалекты южного тати», которые вместе с современным талышским, фактически, образуют отдельную подгруппу внутри прикаспийских иранских диалектов.

² Население Азербайджана до инфильтрации тюркских племен было исключительно ираноязычным.

талышском с последующей утратой /r/, что засвидетельствовано в средневековом азари. Ср. талыш. *ome*, новоаз. (харзани) *āmāre* (перс. *āmādan*) «приходить»; талыш. *vo*, новоаз. (харзани) *vōr* (перс. *bād*) < др.-иран. **wāta-* «ветер»; талыш. *ka*, новоаз. (харзани) *kar* < др.-иран. **kata-* «дом»;¹ в средневековом азари: *būram* (перс. *būdam*) («я был»), *šuram* (перс. *šudam*) («я пошел»), *āmarīm* (перс. *āmadīm*) («мы пришли») и т. д.

Важным критерием для характеристики талышско-азарийской подгруппы диалектов может служить также система лексических изоглосс. Имеется в виду лексика, которая - в основном или исключительно - свойственна данному языковому ареалу с точки зрения нынешнего состояния его развития (подробно см. Асатрян 1991: 491-492):

1) др.-иран. **auš-* (редкий корень в иранском) «гореть» (<и.-е. **eus-*): талыш. *vaše*, харзани *vaš-*, карингани *vaš-*; ср. арм. *atrušan* «капище» <**atra-aušana-*;

2) др.-иран. **bram-* «плакать, вопить»: талыш. *bame*, харзани *beram-* «плакать»; ср. авест. *bram-*, парф. *brm'd*, *brmg*;

3) др.-иран. **kata-* «дом»: талыш. *ka*, харзани *kar*, карингани *kar*;

4) др.-иран. **ragu-* «быстрый»: тал. *ra(y)*. харзани *rav*, карингани *rav* «быстро»; сюда относится и арм. *arag* «быстрый» с протезой *a-*; ср. также парф. *ray* «быстрый»;

5) др.-иран. **uxšya-(waxša-)māh-ka-* «луна», букв. «полнолуние»: тал. *ovšam*, харзани *ōšma* «луна»;

6) др.-иран. **xšwipta-* «молоко»: талыш. *šət*, харзани *šet*, карингани *šet*; ср. авест. *xšwipta-* «молоко» и т.д.²

С конца 20-х гг. XIX века в Азербайджанской ССР стали функционировать талышские школы; на талышском языке издавались газеты и журналы, осуществлялись театральные постановки и т.п. Координацией всей этой работы занимались специальные государственные структуры. В 1928 на основе латинской графики была создана талышская письменность, которая была отменена в 1938 г.

Были составлены также учебники и учебные пособия для начальных классов; вышло в свет большое количество художественных произведений; переведены на талышский язык образцы мировой классической литературы и

¹ Данная фонетическая особенность присуща и персидско-татским диалектам Кавказа; ср. *āmaran* (перс. *āmādan*), *zaran* (перс. *zadan*) «бить», *vōr* (перс. *bād*) «ветер» и т.д.

² Детальный обзор (с указанием почти всей имеющейся литературы) о талышском и диалектах этого языка, а также о талышской литературе, ранних письменных источниках и т.д., см. Asatrian/Borjjan 2005: 51-72 (приложено к настоящему изданию).

т.д. В конце 1920-30-х годов в Ленкорани на талышском языке в целом выходило 19 печатных изданий. Однако, уже с середины в 30-х гг., в рамках политики так называемого «укрупнения наций», все это было свернуто, а талышская интеллигенция подверглась репрессиям. Главный просветитель Талыша Зулфугар Ахмедзода (Пенсаж) был арестован и сослан в Сибирь, где умер 9 июня 1940 года.

Талышский язык издревле был языком живой литературы. Хотя мы и не располагаем ранними литературными памятниками на талышском языке, об архаичности устного народного творчества талышей можно судить по сохранившимся в нем значительному пласте доисламских элементов. Средневековые талышские писатели и поэты творили главным образом на персидском, который на протяжении многих веков был основным языком науки и литературы в регионе. Тем не менее, можно назвать целую плеяду поэтов, писавших на талышском и близком ему гильяки. К числу наиболее ранних талышских поэтов относится Сеййид Шарафшах Дулаи, живший в XV веке и писавший на своеобразном смешанном талышско-гильянском диалекте. Недавно издано полное собрание его произведений – *Dīvān-e Šarāfšāh-e Dūlāyī*. Творчество другого известного талышского поэта, Сафибаба Рошандехи, относится к концу XIX–началу XX века. Можно упомянуть и других талышских поэтов, творивших в разные эпохи: Айаз-бег Пунли, Мирза Фархад Шахнази, Сеййед Абдулькадер Хусейни (Нагши), Хаджи Ахмед Джалили, Фейзулла Калантари, Еган-ага Али, Садег-кули-хан и др.

Современная талышская литература берет начало в 20-х годах прошлого столетия. Примерно с конца 20-х годов до 1935 стараниями талышских просветителей во главе с уже упомянутым талышским поэтом и общественным деятелем З. Ахмедзода было опубликовано около 500 наименований книг на талышском языке. Активно издавались талышские писатели Г. Алекперли, А. Р. Махмудов, Ш. Тагизода, М. Насирли и др. На талышском издана целая библиотека переводов классики мировой литературы, среди которых “Робинзон Крузо” Д. Дэфо, “Приключения барона Мюнхгаузена” Э. Распе, романы и повести Л. Толстого, А.С. Пушкина и т.д.

Новый этап в развитии талышского языка и литературы начался в 90-х годах прошлого столетия. Десятки талышских поэтов и прозаиков стали активно сочинять на родном языке, что дало мощный толчок к возрождению талышской литературы. После почти пятидесятилетнего забвения талышская

литература вновь заявила о себе в полный голос в 1991 г., когда вышла в свет «Толыша армагон», уникальная в своем роде антология талышской поэзии. В настоящее время талышская литература развивается как на родине, так и за ее пределами. Большую активность проявляют газеты «Толыши садо» («Голос Талыша»), «Толыш» («Талыш») и «Шавнышт» («Ночные посиделки»), где публикуются образцы прозы и поэзии, а также фольклора талышей. В период 2002 года в Азербайджанской Республике, Москве, Санкт-Петербурге и Минске изданы десятки книг на талышском языке. Среди них сборники стихотворений таких известных поэтов, как З. Ахмедзода, Валишах, Т. Ильхом, Х. Толыш, Дж. Лалазода, А. Насир, Я. Саяд, З. Мадож, Н. Агазаде, Хилгат, А. Байрамы, А. Ахмедов, В. Насир, Забил Мадож, Сафтар, Хилгат и др. Основной лейтмотив произведений талышских авторов – тема Родины, но в них, конечно же, – и мысли о любви, природе, дружбе, смысле жизни и пр. Несмотря на то что поэзия на талышском языке развивается динамичнее, нельзя не упомянуть и уже изданные прозаические произведения и драматургию Т. Шахана, Х. Толыша, А. Насира. Ведется работа и в сфере переводов творчества мировых классиков.

Наряду с художественной литературой развивается и талышская публицистика на талышском и русском языках (см., напр., работы Ф. Абосзада), талышская лексикография (см. Абосзода 2006/2008; он же 2010), историография (см., напр., Абосзода 2011) и другие направления общественно-ведения (см., напр., Абилов/Мирзализаде 2011).

Деятельность недавно основанной Талышской Академии Наук в Минске нацелена именно на сохранение и развитие оригинальной талышской культуры, в том числе литературы.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Абилов И.; Мирзализаде И. (2011), *Очерки по истории и этнографии талышей*, Минск.
- Абосзода Ф. (2006 / 2008), *Русско-талышский словарь*, т. 1 (2006), т. 2 (2008), Баку.
- (2010), *Талышэ-тыркэ лугэт*, Москва.
- (2011), *Несостоявшаяся независимость Талыша*, Минск.
- Азатян Г.Г. (2000), *Судьбоносные договора*, Ереван.
- Акты КАК* (Кавказской Археографической Комиссии), т. 1, 1866; т. 2, 1868; т. 6. ч. 1, 1874; т. 7, 1878, под ред. Берже А., Тифлис.
- Андреев Е. М., Дарский Л. Е., Харькова Т. Л. (1993), *Население Советского Союза: 1922-1991*, Москва.
- Аракелова В. (1997), “Черный пастырь: Духи-покровители скота у новоиранских народов”, *Iran and the Caucasus*, vol. 1: 121-125.
- (2007), “К вопросу о народных верованиях талышей”, *Асатрян 2007*: 14-19.
- Арутюнян Н. В. (1981), *Топонимика Урарту*, Ереван, 1985.
- Асатрян Г. С. (1991), “Заметки об азари – исчезнувшем языке Азербайджана”, *К освещению проблем истории и культуры Кавказской Албании и восточных провинций Армении*, Ереван: 484-492.
- (1992), “Некоторые вопросы традиционного мировоззрения заза”, *Традиционное мировоззрение у народов Передней Азии*, Москва.
- (1998), “Талыши”, Г. С. Асатрян, *Этюды по иранской этнологии*, Ереван: 3-12.
- (2007) (ред.), *Очерки по истории и культуре талышского народа*, Ереван.
- Ахмади Х. (2009), *Талыши: От эпохи Сефевидов до окончания второй русско-иранской войны 1826-1828гг.*, перев. с персид. Ф. К. Джафарова, Москва.
- Ахмед-бек Джеваншир (1901), *О политическом существовании*

- Карабахского ханства с 1747г. по 1815г.*, Шуша.
- Байрамалибеков Т. (1893), "Из космогонических поверий талышинцев Ленкоранского уезда", *Сборник Материалов для описания местностей и племен Кавказа*, вып. XVII, Тифлис: 202-204.
- (1894), "Талышинские тексты", *Сборник Материалов для описания местностей и племен Кавказа*, вып. XX, Тифлис: 17-22.
- (1899), "Талышинские легенды и поверья", *Сборник Материалов для описания местностей и племен Кавказа*, вып. XXVI, Тифлис: 1-10.
- Бахтин М. (1974), "К эстетике слова", *Контекст – 1973*, Москва.
- (2003), "К вопросам методологии эстетики словесного творчества", М. Бахтин, *Собрание сочинений*, т. 1, Москва.
- Вардан Великий (1861), *Всеобщая история*, пер. Н. Эмина, Москва.
- Гаджинский И. (1847), "Жизнь Фатали-хана Кубинского", *Кавказ*, № 26, Тифлис.
- Гейбуллаев Г. А. (1979), *Об иранских топонимах Азербайджана*, *Изв. АН Аз. ССР, Сер. Историографии, филос. и права*, № 2.
- (1984), "О талышских географических терминах в топонимии Ленкорано-Астаринской зоны Азербайджана", *Изв. АН Азерб. ССР, Серия языка, лит-ы и искусства*, № 3.
- (1986), *Топонимия Азербайджана*, Баку.
- Грамоты и другие исторические документы XVIII столетия, относящиеся к Грузии* (1902), под ред. А. Цагарели, т. 2, вып. 2, Тифлис.
- Грантовский Э.А. (2007), *Ранняя история иранских племен Передней Азии*, Москва.
- Дорн Б. (1864), "Отчет об ученом путешествии по Кавказу и южному берегу Каспийского моря", *Труды Восточного Отдела Русского Археологического Общества*, ч. 4, СПб.: 246-317.
- Дьяконов И. М. (1956), *История Мидии от древнейших времен до конца IVв.*, Москва-Ленинград.
- Жизнь Артемия Араратского* (1980), Изд. К.Н. Григорьяна и Р.Р.Орбели, Ленинград.
- Жиромская В.Б., Киселев И.Н., Поляков Ю.А. (1996), *Полвека под*

- грифом "Секретно". Всесоюзная перепись населения 1937 года*, Москва.
- Ализаде З. (2006), *Конец второй республики*, Москва.
- Зейдлиц Н. (1870), "Этнографический очерк Бакинской губернии", *Кавказский календарь на 1871 г.*, Тифлис: 46-67
- Ивановская Т. (1928), *Кавказские бронзовые пряжки*, Харьков.
- Измайлова А. А. (1964), "О народной одежде населения юго-восточных районов Азербайджана (по материалам Ленкоранского и Лерикского районов)", *Известия АН Азерб. ССР, серия общ. наук*, № 4, Баку: 93-100.
- Иностранцев К. А. Б. (1909), *Сасанидские этюды*, СПб.
- Каланкатуаци М. (1861), *История Агван Моисея Каланкатуицкого, писателя X в.*, К. Патканов (перев. и изд.), СПб.
- (1984), *История страны Алуанк* (перев. и изд. Ш. В. Смбатяна), Ереван.
- Керим Ага Фатех (1958), "Краткая история шеккинских ханов", *Из истории шеккинского ханства*, Баку.
- Керимов Т. (1977), "Об итогах этнографической поездки в зону Ленкорани-Астары", *Археологические и этнографические изыскания в Азербайджане*, Баку: 68-69.
- Киракосян А. Ц. (2005) (пер.), *Талышские народные предания и сказки*, Ереван.
- (2007), "Талышский и азари — древний язык Атурпатакана", *Асатрян 2007*: 67-70.
- Лебедев, Н.Н. (1941), *Географический очерк Талыша*, Москва-Ленинград.
- Легкобытов В. (1836), *Талышинское ханство. Обзорение Российских владений за Кавказом в статистическом, этнографическом, топографическом и финансовом отношениях*, ч. 3, СПб.
- Мамедов Н. (1971), *Шувинский говор талышского языка* (Автореферат кандидатской диссертации), Баку.
- Маркарян С.А. (2011), "[Рецензия на:] *Ахмади 2009*", *Восток (Oriens)*, № 3: 198-202.
- Маркарян С.А. (2007), "Очерк истории формирования Талышского ханства", *Асатрян 2007*: 51-66.
- Март Н. Я. (1922), *Талыши*, Петроград.
- Материалы для истории русского флота* (1898), ч. 14, СПб.
- Мецопеци Т. (2005), *История Тимурленга и его преемников*, перев.

- и изд. К. С. Тер-Давтян, Ереван.
- Мещанинов И. И. (1927), *Закавказские поясные бляхи*, Махачкала.
- Миллер Б.В. (1926), *Предварительный отчет о поездке в Талыш летом 1925 года* (Доклад, зачитанный на заседании Историко-Этнографической Секции Общества, 14 сентября 1925 года), Баку.
- (1930), *Талышские тексты*, Москва.
- (1953), *Талышский язык*, Москва-Ленинград.
- Минорский В.Ф. (1963), *История Ширвана и Дербента*, Москва.
- Мирза Джамал Джеваншир (1959), *История Карабаха*, Баку.
- Мирзоев М. (1993), *Талыш топонимларинин гыса изаһлы лугати*, Баку.
- Мукаддаси (1994), *Ахсан ат-такасим...*, Перев. с арабс. под. ред. В. М. Бейлиса, Н. М. Серикова, Вып. 2, Москва.
- Мустафаев Д.М. (1989), *Северные ханства Азербайджана и Россия (конец XVIII-начало XIXв.)*, Баку.
- Народы Кавказа* (1960 -1962), Сер. *Народы мира*, в 2-х тт., Москва.
- Народы Кавказа. Этнографические очерки* (1960), т. 1, Москва.
- Низам ал-Мульк (1949), *Сиасет-наме* (пер и ред. Б. Н. Заходера), Москва.
- Обозрение Российских владений за Кавказом в статистическом, этнографическом, топографическом и финансовом отношениях* (1836), ч. 3, СПб.
- Папазян А. (1986), “Аль-Хидр и Илья: Мифологические истоки аналогии”, *Палестинский сборник*, 28 (91), Ленинград: 89-97.
- Периханян А. Г. (1982), “Этимологические заметки I”, *ИФЖ*, N 1:55-58.
- Пирейко Л. (1976), *Талышско-русский словарь*, Москва.
- “Письма архиепископа Иосифа Аргутинского о Грузии (1795-1796гг.)” (1872), *Кавказская старина*, № 2, Тифлис.
- (1991), “Талышский язык; диалекты тати Ирана”, *Основы иранского языкознания. Новоиранские языки*, том 5, Москва: 91-175.
- Погосян Г. (Хахбабян) (2011), “Некоторые документы по истории окончательного присоединения Талышинского ханства к Российской империи”, *Регион и мир*, № 1, Ереван. 2011.

- Рисс П.Ф. (1855), “О талышинцах, их образе жизни и языке”, *Записки Кавказского отдела Русского Географического Общества*, Тифлис.
- Рюмин В.А. (1923), *Талышский край (Ленкоранский уезд)*, Типография К.З. Ямпольского, Ленкорань.
- Садегиния Х. (2007), “Роль талышей в истории Сефевидской династии”, *Асатрян 2007*.
- Серов С. (1990), “Здесь живут потомки мидян”, *Наука и жизнь*, № 7 [40].
- Списки населенных мест Российской империи. Бакинская губерния* (1870), том 65, Тифлис.
- Степанос Орбелян (1910), *История области Сюник*, Тифлис.
- Стрейс Я. (1935), *Три путешествия*, Перев. Э. Бородиной, Москва.
- Трофимова А. Г. (1959), “К вопросу об этнографических зонах Азербайджанской ССР”, *Краткие сообщения Института этнографии АН СССР*, том 32, Москва.
- Хафиз Аbru (2007), *Зайл-и джами' ат-таварих-и Рашиди*, перев. с персидского, предисловие, коммент., примеч. и указатели Э. Р. Талышханова, Баку.
- Чурсин Г.Ф. (1926), “Талыши (Этнографические заметки)”, *Известия кавказского историко-археологического общества*, Тифлис, том 4: 15-45.
- Элиадэ М. (1999), *Очерки сравнительного религиоведения*, Москва.
- Юзефович Т. (1869), *Договора России с Востоком, политические и торговые*, СПб.
- ‘Abdolī ‘A. (1990), *Tālešihā kīstand?*, Tehran.
- (1999), “Tārīx va jōyrāfyā-ye Tāleš”, *Gīlakān*, Rašt.
- Ahmadyān B. (2001), “Tāleš — velāyatī tārīxī”, *Tahqīqāt-e Tāleš*, N 1: 25-43.
- Algar H. (2006), “Religions in Iran; Islam in Iran; Shi’ism in Iran Since the Safavids”, *Encycl. Iranica* (<http://iranica.com/articles/irani-ix-23-shiism-in-iran-since-the-safavids>).
- Amīryān B. (2005), *Gūyeš-e tāleši-ye Anbarān*, Tehran.
- Amoretti B. A. S. (2008) “Sects and Heresies”, *The Cambridge History of Iran*, vol. 4, Cambridge.
- Arakelova V. (2002), “Three Figures from the Yezidi Folk Pantheon”,

- Iran and the Caucasus*, vol. 6/1-2: 57-74.
- (2003), “The Siyah-Galesh and Deity Patrons of Cattle-Breeding Iranian Peoples”, *Iran. Questions et connaissances*, vol. 3, Paris: 171-176.
- (2003a), “Al (Spirit possessions) — (Iran, the Caucasus, Central Asia and Afganistan)”, *Encyclopedia of Women and Islamic Culture*, vol. 1, Leiden: 52-53.
- (2006), “Some Natural Phenomena and Celestial Objects in the Yezidi Folk Beliefs”, *Iran and the Caucasus*, vol. 10/1: 26-34.
- (2007), “[Review of:] Kreyenbroek, Kh. Rashow, *God and Sheikh Adi are Perfect: Sacred Poems and Religious Narratives from the Yezidi Tradition*”, *Iran and the Caucasus*, vol. 11/1: 141-148.
- Arakelova V.; Omid P. (2006), “Phallic Objects from Ardabil”, *Iran and the Caucasus*, vol. 10/2: 32-39.
- Asatrian G. (2001), “Āl Reconsidered”, *Iran and the Caucasus*, vol. 5: 149-157.
- (2002), “The Lord of Cattle in Gilan”, *Iran and the Caucasus*, vol. 6/1-2: 75-86.
- (2009), “Prolegomena to the Study of the Kurds”, *Iran and the Caucasus*, vol. 13: 1-58.
- Asatrian G.; Arakelova V. (2003), “Malak-Tawus – The Peacock Angel of the Yezidis”, *Iran and the Caucasus*, vol. 7: 1-36.
- ; — (2004), “The Yezidi Pantheon”, *Iran and the Caucasus*, vol. 8/2: 231-279.
- Asatrian G.; Borjian H. (2005), “Talish and the Talishis (The State of Research)”, *Iran and the Caucasus*, vol. 9/1: 43-72.
- Azarnoush M.; Helwing B. (2005), “Recent Archaeological Research in Iran – Prehistory to Iron Age”, *AMIT* 37: 189-246.
- Azarnoush M.; Khatibshahidi H.; Rezaloo R. (2006), “Reviewing the Chronology of Northwestern Iran in the Bronze Age. A Case Study: Qalla Khosrow”, *Journal of Humanities* 13/3 : 1-15.
- Bazin M. (1979), “Recherche des rapports entre diversité dialectale et géographie humaine: l'exemple du Tāleš”, *Beihefte zum tübinger Atlas des Vorderen Orients – Reihe B, Nr. 40*: 1-16.
- Bazin M. (1980), *Le Talech (Une région ethnique au nord de l'Iran)*, t. 1 - 2, Paris.
- Bazin M. (1981), “Quelque échantillons des variations dialectales du tāleši”, *Studia Iranica* 10: 111-124, 269-277.
- Biglari F.; Heydari S.; Shidrang S. (2004), “Ganj Par: The First Evidence

- for Lower Paleolithic Occupation in the Southern Caspian Basin, Iran”, *Antiquity* 78, N 302.
- Burney Ch. (1994), “Contact and Conflict in North-Western Iran”, *IA* 26: 47-62.
- Cavadov Q. C. (2004), *Talışlar (Tarixi-etnografik tadqiqat)*, Baky.
- Clifton J.; Tiessen C.; Deckinga G.; Lucht L. (2005), *Sociolinguistic Situation of the Talysh in Azerbaijan*, London.
- Dalalian T.; Grekian Y. (2004), “An Urartian Bracelet from Iran”, *Iran and the Caucasus*, vol. 8/1: 1-6.
- De Morgan H. (1905), “Recherches au Talyche persan, nécropoles des âges du bronze et du fer”, *Mémoires de la Délégation en Perse* 8, Paris: 251-342.
- Diakonoff I. M.; Kashkai S.M. (1981), *Geographical Names according to Urartian Texts*, Wiesbaden.
- Dyson R. H. (1985), “Amlaš”, *Encycl. Iranica*, vol.1: 976.
- Egami S.; Fukai S.; Masuda S. (eds.) (1965), *Dailaman I. The Excavations at Ghalekuti and Lasulkan 1960*, The Tokyo University Iraq-Iran Archaeological Expedition Report 6, Tokyo.
- Egami S.; Fukai S.; Masuda S. (eds.) (1966), *Dailaman II. The Excavations at Noruzmahale and Khoramrud 1960*, The Tokyo University Iraq-Iran Archaeological Expedition Report 7, Tokyo.
- Fahimi H. (2005), “Kura-Araxes Type Pottery from Gilān and the Eastern Expansion of the Early Trans-Caucasian Culture”, *AMIT* 37 : 123-132.
- Fales F. M. (2003) (ed.), *Qontinuity of Empire? Assyria, Media, Persia. History of the Encient Near East*, Monographs V, Padova.
- Fazeli Nashli H., Ajorlou B. (2005), “Darāmadī darbāre-ye farhang-e Kūra-Aras dar avāxer-e hezāre-ye čahārom-e qabl az mīlād: Dašt-e Qazvin”, Azarnoush M. (ed.) *Proceedings of the International Symposium on Iranian Archeology: North-Western Region*, Tehran: 181-192.
- Fuchs A. (1994), *Die Inschriften Sargons II aus Khorsabad*, Göttingen.
- Fukai S.; Ikeda J. (eds.) (1971), *Dailaman IV. The Excavations at Ghalekuti II & I 1964*, The Tokyo University Iraq-Iran Archaeological Expedition Report 12, Tokyo.
- Ghirshman R. (1964), “Notes Iraniennes XIV: Deux œillères en bronze des rois d'Urartu”, *Artibus Asiae* 27: 49-60.
- Grayson A. K. (1996), “Assyrian Rulers of the Early First Millennium BC (858-745 BC)”, *The Royal Inscriptions of Mesopotamia: Assyrian*

Periods, vol. 3, Toronto (RIMA III).

- Grimes B. (2002), *The Ethnologies*, 14-th edition, Dallas.
- Haas V. (1994), "Geschichte der hethitischen Religion", *HbO*, Leiden.
- Hājatpūr H. (1383/2004), *Zabān-e tāleši: Gūyeš-e Xošābar*, Rašt.
- Hamadānī R. F. (1993-1994), *Jāmi' at-Tavārīx, vol 4*, Tehran.
- Hansen O. (1986), (ed. H.W. Haussig), "Almešti", *Götter und Myther der kaukasischen und iranischen Völker*, Stuttgart: 256-257
- Khalatbari M. R. (2004), "Excavations at Toul-e Gilan", *Archaeological Investigations in Talesh, Gilan I*, Teheran.
- Kohl Ph. (1995), "Central Asia and Caucasus in the Bronze Age", Sasson G. M. (ed.), *Civilizations of the Ancient Near East*, New York: 1051-1056.
- Lanfranchi G. B.; Parpola S. (1990), *The Correspondence of Sargon II, Part II, Letters from the Northern and Northeastern Provinces*, SAA V, Helsinki.
- Lazard G. (1978), "Le dialecte tāleši de Māsule (Gilān)", *Studia Iranica* 7/2: 251-268.
- Lecoq P. (1989), "Les dialectes caspiens et les dialectes du nord-ouest de l'Iran", *Compendium Linguarum Iranicarum*, Wiesbaden: 296-312.
- Madelung I.W. "Khurramiyya", *El*²: 63-64.
- Marjanian A. (2012) (forthcoming), "On the Demography Statistics of the Azerbaijan Republic", *Iran and Caucasus*, vol. 16.
- Minorsky V. (1930), "Transcaucasica", *JA*, t. 217: 4-112.
- (1957), "Mongol Place-Names in Mukri Kurdistan", *BSOAS*, vol. 19, N 1: 58-81.
- Moḥaqqueq M. (1996), *Vajh-e tasmīye-ye šahrhā-ye Irān*, vol.1, Tehran.
- Mousavi A. (2001), "La région de Téhéran à l'aube de l'âge du fer: Reflexions et commentaires sur les nécropoles du IIe millénaire av. J.-C.", *IA* 36: 151-212.
- Negahban E.O. (1977), "The Seals of Marlik Tepe", *JNES* 36/2: 81-102.
- (1979), "Seals of Marlik", *Akten des VII Internationalen Kongresses für iranische Kunst und Archäologie*, München, 7-10. September, 1976, *AMI*, Erg. 6, Berlin: 108-137, 122-123.
- (1996), *Marlik: The Complete Excavation Report* (University Museum Monograph, 87), Philadelphia, (vol. 1: Text; vol. 2: Illustrations).
- Ohtsu T.; Nokandeh J.; Yamauchi K. (2006) (eds.), *Preliminary Report of the Iran Japan Joint Archaeological Expedition to Gilan, Fourth Season*, Tokyo.

- Parpola S. (2003), "Sacae, India, Gobryas, and the Median Royal Court: Xenophon's Cyropaedia through the Eyes of an Assyriologist", *Faies* 2003: 339-350.
- Piller Ch. K. (2010), "Northern Iran in the Iron Age II and III. A Neighbour of Urartu?", *AJNES* V/2: 53-75.
- Rahnamāyī M. (2001), "Kojāyī Tāleš va kīstī tālešān?", *Tahqīqāt-e tāleš*, N 1: 9-24.
- Rossi A. V. (1979), *Iranian Lexical Elements in Brahui*, Naples.
- Seidl U. (2001), "The Urartian Istar-Šawuška", *Anatolian Iron Ages 5*, Ankara.
- Tadmor H. (1973), "The Historical Inscriptions of Adad-Nirari III", *Iraq* 35/2: 141-150.
- Ter-Abrahamian (2005), "On the Formation of the National Identity of the Talishis in Azerbaijan Republic", *Iran and the Caucasus*, vol. 9/1: 121-144.
- Tirac'yan G. (1966), "Urartakan hnut'yunner Iranum", *PBH*, N 3: 291-294.
- Vincent J. S.; Mark B. A.; Ismail-Zadeh A. D.; Flecker R.; Foland K. A.; Simmons M. D. (2005), "Insights from the Talysh of Azerbaijan into the Paleogene Evolution of the South Caspian region", *Geological Society of America Bulletin*, vol. 117, N 11-12: 1513-1533.
- Xodāverdī M. A. M. (2004), (ed. H. Ahmadī), *Axbārnāme*, Tehran.
- Yūsofi G. H. (1988), "Babak Korrami", *Encycl. Iranica*, vol. 3, s.v.
- Zadok R. (2002), *The Ethno-linguistic Character of Northwestern Iran and Kurdistan in New-Assyrian Period*, Jerusalem.
- Zarrīnkūb 'A. H. (1976), *Do qarn sokūt*, Tehran.

ДОПОЛНЕНИЕ

Г. С. АСАТРЯН, Х. БОРДЖЯН

**ТАЛЫШ И ТАЛЫШИ:
СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ИЗУЧЕНИЯ**

GARNIK ASATRIAN, HABIB BORJIAN

**TALISH AND THE TALISHIS:
THE STATE OF RESEARCH**

(Iran and the Caucasus, vol. 9/1, 2005)

Introduction

The land of Talish (Ṭālīš, Tāleš, Talysh, Tolysh) is located in the south-west of the Caspian Sea, and generally stretches from south-east to north for more than 150 km., consisting of the Talish range, supplemented by a narrow coastal strip with a fertile soil and high rainfall, with dozens of narrow valleys, discharging into the Caspian or into the Enzeli lagoon. This terrain shapes the historical habitat of Talishis who have lived a nomadic life, moving along the mountainous streams. Two factors, the terrain and the language set apart Talish from its neighbours. The densely vegetated mountainous Talish contrasts the lowlands of Gilān in the east and the dry steppe lands of Mughān in Azarbāijān (Aturpātakān) in the west. The northern Talish in the current Azerbaijan Republic includes the regions of Lenkoran (Pers. Lankorān), Astara (Pers. Āstārā), Lerik, Masally, and Yardymly. Linguistically, the Talishis speak a North Western Iranian dialect, yet different from Gilaki, which belongs to the same group. Formerly, the whole territory inhabited by Talishis was part of the Iranian Empire. In 1813, Russia annexed its greater part in the north, which since has successively been ruled by the Imperial Russia, the Soviet Union, and since 1991 by the former Soviet Republic of Azerbaijan. The southern half of Talish, south of the Āstārā river, occupies the eastern part of the Persian province of Gilān.

As little is known about the Talishis in pre-modern times, it is difficult to establish the origins of the people (cf. Bazin 1980, II: 67-70). The name Ṭālīš, like most ethnonyms, can not be convincingly settled (see below). It appears in early Arabic sources as al-Ṭaylasān (Balāḍurī, al-Ṭabarī, Yāqūt, apud Barthold), and in Persian as Ṭālīšān, and Ṭavālīš (Ḥamd-Allāh Qazvīnī, apud Dabir-siyāqi 2003: 102, 230), plural forms of Ṭālīš. About the Ṭaylasān, al-Ṭabarī (V: 45) notes: "In the

mountains surrounding Aḡarbāijān there used to live such peoples as the Gēls and the al-Ṭaylasān, who did not obey the Arabs and mastered their freedom and independence". However, the ethnonym Ṭālīš in its original form is first found in the 16th century Armenian version of the Alexander Romance (Marquart 1903: 278), originally translated from Greek in the 5th century: *Ev patmeac' nma, t'ē p'axstakan ē i Kaspiakan druns, merj yašxarhn Ṭ'alīš, i gawarn Gilanay* "And he related that he is a refugee from the Caspian gates, near the country of Talish, in the province of Gilān" (Simonyan 1989: 233; for details, see Asatrian 1998: 7-8; cf. also Hübschmann 1897: 34).¹

Talish has always been a land linked with either Gilān or Mughān, particularly with the centre of the latter, Ardabil, which seems to have had close ethnic and linguistic affinities with Talish until the Turkicisation of Azarbāijān.² This is evident as late as the early Safavids, the descendents of Shaikh Ṣafī-al-din of Ardabil (d. 735/1334), whose mentor (morād) Shaikh Zāhed Gilāni, was probably a Talishi (cf. Ahmadi 2001: 17-18). Among the four Sufi teachers of Shāh Ismā'il, the founder of the Safavid dynasty, two had the epithet "Talishi", and other men with *Talishi* appellation appear among the names of the governmental officials during the Safavids and the successive dynasties. Due to the mountainous, peripheral nature of the district, however, the process of the Shi'ite proselytism in Talish, enforced by the Safavids, remained incomplete. Thus, among the Talishi-speaking communities of Iran and Azerbaijan Republic we find a sizable number of Sunnis. Save for the inhabitants of the central Talish, as well as the Turkic-speaking groups of the area, and the Gilakis, most of the Talishis in the Iranian part of Talish are Sunnis, followers of the Naqshbandiyya order. Their compatriots in the northern Talish, on the contrary, are mainly Shi'ites, except those living in some two dozen mountain villages.

Following the fall of the empire of Nader Shah in the 17th century, the Talishis established a dynasty founded by a local noble named Sayyid Abbās. In 1785 this Talish khanate became a dependency of Faḡh 'Alī, the khan of Kuban, after whose death (1789) Talish regained its independence.

It was only during the advance of Tsarist Russia through eastern Transcaucasia, when the Talishis made a tangible appearance in his-

¹ V. V. Bartol'd (1976: 273) notes that the name Ṭālīš has no attestations in Medieval sources.

² Note the toponymic formant *-bīl/-bēl* (< OIr. **waita*-) in the place name Ardabīl (see Bailey 1959: 116-1118), which can be traced also in Talish, cf. e.g. Lavandvīl.

tory (see Mirzā Ahmad Lankorāni 2002; cf. also Ḥesām al-Saltāneh 1968). Peter the Great occupied the region for a short time in 1732; it was again occupied by Russia in 1796-1812, but finally its greater part, north of the Āstārā river, became part of the Russian domain (Weidenbaum 1888), and a century later, the Soviet Union. It was in Lenkoran, the only major urban centre within the Talishi-speaking lands, that, during the unruly period of Musavat regime in 1918-20, the Talishis enjoyed certain autonomy in the so-called Russian Talish-Mughan Republic. Once again, after the disintegration of the Soviet Union, northern Talish rebelled against the politically troubled Republic of Azerbaijan, and the short-lived Talish-Mughan Republic, proclaimed in Lenkoran by colonel Ali Akram Hummatov (Russian Gumbatov), was suppressed by Baku in August 1993.

After the Russian conquest, Faḡh 'Alī Shah Qajar divided the main territory of Persian Talish among five local clans, thus came to being the *Khamse-ye Ṭavāleš*, consisting of Kargānrud, Asālem, Ṭāleshdulā(b), Shānderman, and Māsāl. To complete the inventory of the Talishi-speaking areas of Iran, as is known today, one may add Khoḡbesarā, Lavandvīl, Āstārā, perhaps 'Anbarān (in the Namin district of Ardabil) to the north, and Māsula, with its southern and eastern fringes to the south. Today most of the Talishi-speakers inhabit the *šahrestān* of Talish, an administrative division of the province of Gilān.

Because of the lack of a consistent census principles both in Iran and the Republic of Azerbaijan, any suggestion on the number of the Talishis must inevitably be of speculative character. Nevertheless, due to various factors, the approximate number of the Talishi-speaking population in both parts of Talish may be estimated around two millions—one for each part. Given the reliable historical data at our disposal, this figure, at least for the northern Talish in Azerbaijan, should not be regarded as an overestimation. Indeed, already in 1894, the Russian census counted 88,449 souls in 161 rural centres inhabited by Talishis (*Kavkazskij kalendar' na 1894 god*). This last figure must have multiplied exponentially in the past century given the high birth rate among the people. Demographic data about the Talishis of Azerbaijan, however, have been grossly manipulated for political reasons in favour of the titular population of the republic. According to the successive censuses conducted in the Soviet Republic of Azerbaijan, the number of Talishis shows a diminishing trend: it starts 77,039 in 1926, and disappears altogether from the census in 1979. Surprisingly, however, in the 1989 Soviet census the Talishis "re-emerge" once more, numbering 21,914 (cf. Borjian 1998).

Talishis and the Καδούσιοι

The search for real or mythical ancestors is a characteristic feature of any ethnic formation in modern times, especially in case of peoples deprived of written tradition, historiography, and other attributes of a nation state. Despite the fact that the Talishis, both in Iran and in the north, have explicit Iranian identity, the situation with the Talishis in Azerbaijan Republic, living as an enclave within the predominantly Turkic environment, has inspired the southern intellectual milieu as well. Having always been faced with the non-loyal treatment on behalf of the titular nation, the northern Talishis have acquired a keen sense of self-identity. The need for their own ancestral background among the Talishis is aggravated by the fact that South Caspian Iranian ethnic groups—the Gilakis and Mazandarani—already have their established ancestors among the ancient population of the region; moreover, the ethno-toponymy of the Caspian area is also transparent to certain extent.

The local Talishi pundits unanimously point at the Καδούσιοι (Cadusii) (see Schmitt), one of the ancient autochthonous tribes of the region, as the supposed ancestors of the Talishi people, in so far as the Kadusians are already becoming an element of the Talishi identity. Many items in Gilan in the Talishi-inhabited regions bear the name Kādus (e. g. a luxurious hotel in Rasht's downtown); it has even become a popular proper name for boys.

Strange as it may seem, this is one of the rare cases when a folk self-identification with an ancient people can be, at least tentatively, substantiated with historical and linguistic backgrounds. Generally speaking, as the late Professor Igor D'yakonov (1981: 90) says, the identification of an ethnic name in the historical annals is not yet a sufficient ground for further ethnographical associations. However, with the lack of appropriate evidence on the early periods of the history of a given people or ethnic group, the identification of its name with an ancient ethnonym must be regarded as the first step in reconstructing its genetic continuity, at least nominally. Along with linguistically proven coincidence of the names, in other words the etymological aspect of the identification, for the validity of the analysis, the historico-geographical adequacy and the transparency of the ancient ethnic environment regarding its respective imprint in the modern ethnic landscape must be considered as well. In the case of the Talishis the authenticity of the identification is substantiated first of all by the relevant geographical factors, as well as by the reliability of historical

derivations of the living Caspian peoples from the indigenous tribes inhabiting the region in ancient times. The Gilakis, the nearest neighbours of the Talishis, are unambiguously identified with the Γῆλοι (Arm. *Gelk'*), who lived in the vicinity of the alleged ancestors of the Talishis, the Καδούσιοι; cf. "[The districts] towards the [Hyrcanian = Caspian] sea are inhabited by the Καδούσιοι και Γῆλοι" (Ptolemy, *Geography* 6.2.5, apud Ziegler 1998: 43; cf. Hübschmann 1897: 34-35; D'yakonov 1956: 447-448). Generally, most of the ancient South Caspian ethnic designations are well localised in the system of the corresponding names of the ethnic groups inhabiting the area. Some of them can be traced only in the toponymy of the region, with reliable and commonly accepted etymologies. Cf. Γῆλοι (as mentioned above) = Gilakis (*Gēl-s*, *Gēlān*), Κάσπιοι = Caspian Sea (Arm. *Kasbk'*), Δελουμάιοι = Dailamites (*Dēl-s*, *Dēlam*, Arm. *Delumk'*), Τάπουροι = *Tabarīs* (*Tabaristān*, Arm. *Taparastan*), and Μάρδοι (Ἀμαρδοί), attested in the toponym *Āmul*. Thus, there is a ground for examining the Καδούσιοι in connection with the Talishis, the close neighbours of the Gilakis (= Γῆλοι).

The structures of both ethnonyms, Καδούσ- (Cadus-) and Tālīš, are similar: they are suffixal formations with the bases *kād-* and *tāl-*. In **Kādus-* the suffix must probably be read as *-uš*, or *-iš*, considering also the later Armenian version of the name, *Kadiš-*, in *Kadšk'* (Schmidt 1999: 92); because of the lack of *-š-* in Greek alphabet, all Iranian forms with *-š-* are rendered with *-s-*. The intervocalic *-d-* in **Kād-uš* (or equally in its later form, **Kād-iš*) must have been developed either directly to *-l-* (as in case of many New Iranian forms, not necessarily from East Iranian), or through a fricative stage: **-δ-* (> **-r-*) > *-l-*. The change of the initial *k-* to *t-* may be explained by the palatalisation of *-k-* to *-č-*, under the influence of the following front vowel *-i-*, i. e. **kāl-iš* > **čāl-iš*, and then, with dissimilation (*č-/š* > *t-/š*), *tālīš*.³

Despite the obvious speculative character of the above etymology, still the Καδούσ-/Tālīš identification must not be discarded from the agenda of the ethnic history of the region, at least as a working hypothesis.

³ Cf. Manichaean MPers. *tis*, Pazend *θis*, Kurd. *tišt* "thing" vs. Pahlavi *čiš*, NPers. *čiz* < OIr. **čiš-čid-*; Kurd. *taštē* "breakfast", NPers. *čāšt*, *čāšīdan*; on *č->t-* in initial position; cf. also Manich. MPers. *tas* "four" < OIr. **čaθr-* (**čaθwar-*) (Asatrian/Livshits 1994: 89, § XI, 3); *čāl/tāl* "name of a demon", etc. (generally, on *č-/š* > *t-/š* dissimilation in Iranian, see Reichelt 1927: 37).

Studies on Geography, History, and Ethnography

The writings of European Travellers from earlier periods, often in connection with Gilān, include, but are not limited to, James B. Fraser (1826), Eduard Eichwald (1834), Aleksander Borejko Chodzko (1842, 1852), Il'ya Nikolaevich Berezin (1952), P. F. Riss (1855), Boris Andreevich Dorn (1866), Gustav Radde (1885, 1886), Jacque de Morgan (1894-1904), H. L. Rabino (1917), Boris V. Miller (1926), and G. F. Chursin (1926). The travel notes, allegedly collected for Dorn in 1859-61 by a certain Mirzā Ebrāhim (1976), contain economic geography with valuable data on Talish (: 191-219).

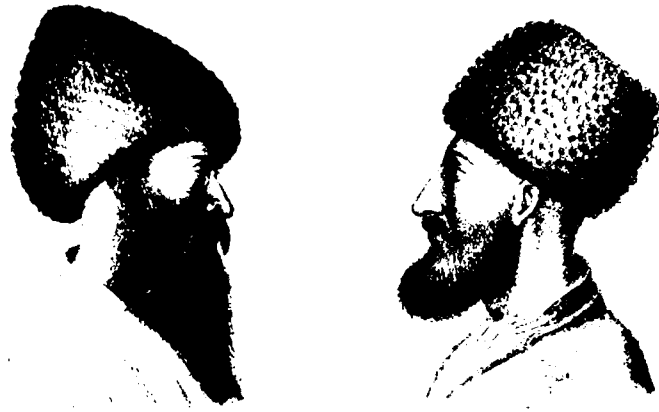

Fig. 1. A Highlander Talish (left) and a Lowlander Talish (right)
(Radde 1886: 414-15)

Macel Bazin's *Le Tālech* (see below) is an excellent source on the geography of the Persian Talish.⁴ On the geography of the northern Talish a valuable source is the *Atlas Azerbaidžanskoj SSR* (Baku-Moscow, 1963). So is Jaque de Morgan's *Mission scientifique en Perse* (1894-1904), which contains a geography of the Russian Talish and the Mughān steppe (I: 231-288), archaeology of Lankorān region (IV:13-125), and a short account of the geography of the Persian Talish (I: 229-230). A survey of historical monuments within Persian Talish is conducted by Sotudeh 1970. Certain historical sources covering Talish are touched upon in *Encyclopaedia Iranica*, s. v. "Gilān", while *Encyclopaedia of Islam*

⁴ For individual villages on the Persian side, one may consult *Farhang-e ābādihā-ye kešvar* (Village Gazetteer). Other references are *Encyclopaedia Iranica* and the Persian encyclopaedias being published in Tehran.

offers a very short article under "Talish".⁵ The voluminous *Ketāb-e Gilān* (1995) covers Talish as part of the province Gilān, but with little originality. Garnik Asatrian's essay (1998: 3-13) on Talishis offers a general but updated information on geographical distribution, ethnography, language and the identity of the Talishis (see also Vil'čevskij 1957).

History of Talish is yet to be written as little has been published on the subject. Of particular importance are the documents published in separate volumes or within more general historical accounts, e.g. Mirzā Aḥmad Lankorāni's (2002) *Axbār-nāmeḥ*, written in 1883 on the khanate of Lankorān during Russo-Persian wars. The "Four treatises" ('Abdoli, ed., 1999a; reviewed by Borjian 2002) contains two important historical essays: *Javāhernāme-ye Lankorān*, a local history and geography written in 1869 by Sa'id 'Ali Barādghāhi, a Talishi nobleman who carried modern ideas common among the intellectuals of the Russian Transcaucasia; and *Travel journal in Talish*,⁶ a 1890 report to the Shah by Hesām al-Saltāneh (see 1968), the governor of Gilān, concerning disputes among the feudal lords of Talish.

Only recently the Talish history has gained attention in Iran. Published materials include Āqājāni's essays (1999) on the history of Talish; Ahmadi's (2001) survey on the modern history of Talish since the Safavids; and Abdoli's work (1998) on the Constitutional Revolution. Other works by 'Abdoli (1990, 1999b) offer certain data on history, though they are not necessarily dependable, particularly his manipulation of earlier periods (e. g. 1989c).

One may also find ethnographic data on the Talish in earlier Russian publications, such as *Sbornik* 1894, and *Spisok* 1927. Later Soviet studies are few and relatively poor in this regard, as Soviet reference books generally tend to follow the standards set by the authorities in Baku, who systematically denied the mere existence of Talishis as a distinct people. Contrary to one's expectation, there is hardly any sizable information in the publications of the Soviet Republic of Azerbaijan, if we judge based on Talish-related materials published in *Azərbaycan sovet ensiklopediyası* (IX, Baku, 1986: 134-136). An exception could be Izmajlova's (1977) study on the architecture of the Talish dwellings. On the other hand, it appears that the cultural ambitions of the Talishi intellectuals have somewhat augmented in the post-Soviet years. Talishi publications have rather increased in Baku, but as one may

⁵ By W. Barthold in the first ed., IV: 641; and by Bosworth in the second ed., X: 166.
⁶ Formerly published by Ebrāhim Safā'i.

expect mostly in Azeri Turkish. Recently, the periodical *Talyškij Vestnik* is published in Moscow, and Talishi items appear on the Internet, e.g. in the websites www.talishca.org and www.css.mps.ru/astara (see in detail Ter-Abrahamian 2005). Moreover, Talish has received some attention in references covering Soviet or Eurasian peoples, e.g. Aglarov 1994.

The secluded way of life makes Talishis one of the most interesting peoples across Iran. Particularly, short-distance annual migration and the sheer difference between the summer encampments in the altitudes and the winter occupation of rice fields. Marcel Bazin's contributions to the ethnography of the Persian Talish are the most comprehensive works ever devoted to the ethnic groups in Iran. His *Le Tālech* (1980) contains information on: (i) the environment: climate, geology, hydrology, flora and fauna; (ii) human geography: demography, agriculture, nomadic life; and (iii) the Talish and their Gilaki and Turkic-speaking neighbours: migrations, economic and cultural interactions. Moreover, there are Bazin's individual articles on Talish: Turkic penetration (1975), the markets (1977), culture (1978), and overviews (1974, 1996). Bazin's studies of Talish may also be found in his thematic and regional studies on the ethnography of Iran and the region, e.g. his articles on the ethno-socio-professional groups of the Caspian littoral coast (1982) and on the regional identity (2000: 351-352). The northern part of Talish is only briefly covered in Bazin 1980 (: 209-214).

A major contribution to the ethnography of Talish is the article by Garnik Asatrian (2002). He describes in detail the folk beliefs concerning animal husbandry, particularly focusing on the popular patron deity of the neat cattle, the so-called *Siyāh Gāleš*, the Black Shepherd. It is interesting to note that this mythological character is traced exclusively among the Talishis of Gilān (along with the Gilakis and, to certain extent, the Mazandarānis), while the same character is featured in the north under the universal name of the Prophet Khizir. In Māzandarān and Gilān, including Talish, the shepherds breeding neat cattle and living by making dairy products are called *gāleš*, while the shepherds breeding small cattle are known as *kord* (*kurd*). Asatrian derives the term *gāleš* from OIr. *gawa-raxšaka-, lit. "the protector of cows".

On ethnography, one may also find numerous articles in Persian periodicals. The pre-revolutionary journal *Honar o mardom* contains several articles pertinent to Talish. *Viže-ye Tāleš* (a supplement to weekly *Kādeh* (sic!)), of which five issues were published until the summer of 1995; it offers articles on the ethnography, language, folk lit-

erature, etc. The periodical *Āvā-ye šomāl* published a special issue *Viže-ye tālešihā* (6 fascicles came out during 1997-2000). From 2000 began *Tāleš-šenāsi*, of which at least five issues are out. There are also periodicals publishing pseudo-scholarly materials, such as *Fasnāma-ye taḥqīqāt-e Tāleš* (1/1, 2001 to 2/1 (5th-6th issues), 2003), a quarterly dedicated entirely to Talishi studies, which fieldwork information can be hardly distinguished from the genuine materials borrowed, usually without citation, from the works by Marcel Bazin, etc. There are also articles, mostly translations from Turkish published in Baku, on northern Talish. Articles on Talish can be found also in periodicals published in Gilān, such as *Gilevā*, *Gilān-e mā*, *Farhang-e Gilān*, and *Naqš-e qalam*, as well as in the multi-volume encyclopaedia *Gilān-nāmeḥ*, arranged by subject.

There are several non-academic publications on the ethnography of Talish as well. 'Ali 'Abdoli, a local authority, is prolific on his homeland. His first collection of articles (1984) is devoted exclusively to Talish; it deals with the economy, markets, music and songs, and also includes short stories on common beliefs. His second collection (1990) is partly (: 15-125) dedicated to Talish; it has materials on the towns, festivals, ceremonies and superstitions, which show the underlying substrate of pagan beliefs among the Talishis. 'Abdoli 1992 is on the nomadic life of the Talishi mountaineers.

The Language

A subgroup of North-Western Iranian languages, Talishi is closely related to the Tāti group of dialects spoken across the Talish range in the south-west (Kajal and Shāhrud) and south (Tārom), constituting together the larger "Tatic" family.⁷ Although we have no attested monuments of Talishi, the language termed in Iranian dialectology as "Āzari" can be considered as its forebear. Miller's (1953: 227ff.) hypothesis that the Āzari of Ardabil, as appears in the quatrains of Shaikh Šafi, was a form of Talishi, was confirmed by Henning (1954). An inclusive discussion on the subject is provided by Yarshater ("The Iranian Language of Azabaijan"), and Hasmik Kirakosyan (2004a, 2004b).⁸

⁷ For a language map, see Bazin 1980, II: 84, fig. 101. For the place of Talishi within the Tatic socio-linguistic group, see Stilo 1981. For a comparison with Southern Tāti, see Morgenstierne 1958. See also G. L. Windfuhr in *CLL*: 294; idem, s.v. "Dialectology", *EL*.

⁸ See also Hājatpur 1990b (based on Yarshater) on the affinity of the three poems appearing in Badr Sharvāni's *Divān*.

In spite of dialectal varieties, salient characteristics of Talishi may be summarised as follows. It differs from Persian by an enlarged vowel system, by addition of *ə*, a central vowel, and, at least in its northern and central subdialects, also by *ü*, a front vowel.⁹ As in the case of most Iranian dialects, Talishi possesses two cases: the direct or the subject case, and the oblique or the genitive and object case. In Asālemi, a central Talishi dialect, the case endings typically are: sing. dir. *-o*, pl. dir. *-e*, sing. obl. *-i*, pl. obl. *-un*.¹⁰ The verbal system diverges from most other Western Iranian dialects by the application of the present stem for the imperfect and the past stem for the present, e. g. Asālemi *vrij-/vrit-* 'run' *a-vrij-im* 'I was running' (*a-* is the durative marker), *b-a-vrit-im* 'I run, I am running'. Further, verbal affixes, including the negative *nV*, cause a reshuffling of the elements of conjugation in the present tense, e. g. *ni-m-a-vrit* 'I don't run, I am not running' where the personal "ending" precedes the marker and the stem. Syntactically, Talishi, like Tāti, employs the ergative construction in past transitive verbs based on the past stem; accordingly, the agent of the verb appears in the oblique case, the logical direct object in the direct case and the verb agrees with the direct object, e. g. Asālemi *esbun* (obl. pl.) *gud harda* (sg.) 'the dogs ate flesh' (Yarshater, "Talish": 166).

Turkish and Gilaki Influences. Talishi has long been under the strong influence of the neighbouring languages. In the south, the infiltration of Gilaki is more noticeable; especially on the plains of Fumanāt, where the presence of the Talishis is more recent, a highly mixed Talishi coexists side by side with Gilaki ('Abdoli 2001: 31-33). Turkish, on the other hand, has rapidly been spreading in the northern parts of the Persian Talish due to the recent migrations from the west. In the urban centres of Āstārā and Hashtpar, located on the commercial highway stretching from Enzeli to Āstārā, Turkish has already replaced Talishi.¹¹ South of Asālem, however, Turkish gradually loses edge (Bazin 1975); thus, central Talishi is considered the purest of all Talishi dialects.

Talishi and Armenian. There is no attestation of the Talishi-Armenian direct contacts. However, the Talishi vocabulary contains a number of important lexemes of unambiguous Armenian origin, penetrated into

⁹ Sokolova (1953: 105, 109ff.) demonstrates the interchangeability of *u* and *ü* in certain positions and among dialects (see also Miller 1953: 33 ff.; Schulze 2000: 9; Rafi'i-'Ali 2001).

¹⁰ Yarshater 1996. Cf. Māsāli: sg. dir. *-ø*, pl. dir. *-en*, sg. obl. *-i*, pl. obl. *-un* (Nawata 1982: 97); Māsulei: sg. dir. *-ø*, pl. dir. *-en*, sg. obl. *-e*, pl. obl. *-on* (Lazard 1978: 255).

¹¹ For Talishi-Turkish convergence, see Windfuhr 1987.

the language probably through Caucasian Turkish or Kurdish. Cf. *ku-tān* "plough" (Arm. dial. *k'ut'an*, Classical Arm. *gut'an*), *lərd* "coagulated blood" (Arm. *lərd*, *lerd*), *ləs* "panther" (Arm. *lus(an) id.*), *pārzən* "strainer, filter" (Arm. dial. *parzon*, Kurd. *pārzōn*), *pənd* "strong, firm" (Arm. dial. *pənd-*, *pind*), *puš* "hay; sweepings" (Arm. dial. *p'uš* "thorn"), *xāšil* "porridge" (Arm. dial. *xāšil*), *hand* "furrow" (Arm. dial. *hand*, Udi *hānnd*, Classical Armenian *and* "cultivated land"), *šiv*, *živ* "branch, twig" (Arm. dial. *šiv*), *vəš* "hemp" (Arm. *vuš*), *gəlgəl* "sort of wild plant" (Arm. dial. *gəlgəl*), *šāy* "dew" (Arm. *šay*) (Asatrian 1998: 10), *bārsim* "threshold" (from *bar* "door" < OIr. **dwar-*, and Arm. dial. *sim*, *sem*, *šem* < Class. Arm. *seam* "threshold"), *hävālik* "sort of edible herb" (Arm. dial. *haveluk*, *aveluk*; cf. Azerb. Turkish *evelik*, Jewish Tati *ävālug*, etc.), *mambür*, *ambür* "moss" (Arm. *mamur*), *sün(d)* "pillar" (Arm. dial. *sun*, Class. Arm. *siwn*) (from V. Voskanian's field materials), etc.

Dialects. The north/south division of Talishi dialects, motivated by administrative boundaries, does not reflect the linguistic realities. In reality, the chain of Talishi dialects is divided into three main types: southern, central, and northern. Southern Talishi, spoken in the districts of Māsule and Māsāl, is actually closer in type to mutually more intelligible with the neighbouring Tāti idioms (Yashater 1959) than the central and northern Talishi. On the other hand, the dialects spoken in the Āstārā area in the northern limits of Persian Talish show close affinity with those, which are further in the north, in Lankorān, Lerik, Masally, and Yardymly. According to the brief survey conducted by Bazin (1980, II: 68f., 189ff., figs. 94f.), based on 48 glosses such as 'mountain', 'aunt' and 'son-in-law', the major isoglotic barrier is between the central dialects of Asālem-Tulārūd and the northern dialects of Kargānrud-Khotbesarā (weighting 16 points out of 48), a split much sharper than the one between Māsāl and Tāleshdulāb (6 points), as well as the two members of the southern group, namely Māsula and Māsāl (2 points).¹² The table below represents the comparison of these dialects.¹³

¹² On the dialect variation with respect to human geography, see also Bazin 1979, idem 1981.

¹³ Based on: Lazard 1978, 1979a, 1979b; Nawata 1982; 'Abdoli 1984, 1991; Hājatpur 1997; Yashater 1996; Morgan 1904; Miller 1930.

Localities								
	Māsule	Māsāl	Khushābar	Tāleshdulāb	Asālem	Kargānrud	Lavandvil	North
sister	xā	xā		xālā, xolo		ho	hura?	hov(a)
woman, wife	yen	žen	žen	žen	žen	žen	žen	žen
wife's sister	yejxā	ženxā		žen-xāliā		*žen-ho		*žen-hov(a)
boy, son	zoa	zu'a		zue	zu'a	zua		zoa
daughter, girl	kel(l)a	kina		kilu, kela		kela		kina
bride	veyb	geša		vayu	vayu			vayü
I	az	az		az	az	as		âz
my, mine	čəmən	čəman, čəman		čəmen	čəman	čömön		čimu
we	ama	ama		ama	ama	ama		ama
white	isbi	isbi	isbi	isbi, ispi	isbi, ispi	ispi		sipi, sipi
face	dem	dīm		dīm			dīm	dīm
mouth	da.n, qar	dahan		ga(f)	gav, gaf	ghav	gav	gav
eyebrow		abrəm		bera				bav
tear		asərk/g		aserg			ase	ase, â(r)s
weeping	bə-ramən	bar-mamse?	be-rame	beramē, beramestē	bera-masle	ba.a-mie		bame
thirsty	tīšir	rešir		tēšy				taši, tašyan
hen	karg	karg		karg	karg	kāk		kaq
chicken		gija		kija				kiža
bear	xərs	xərs				xərs	hərs	hərs

cat	puču	puču, piši	pušu	pušu		pišik	piš	kele
dog	əspa	asba		esba	esba, espa	ösba		sipa
louse	espej	esbəj		isbij				sebiž
iron	âsen	asün				ôsün		osm, ossön
water	âv	âv	âv	âv	âv	ov	uv	ov
milk	šət	šət		šet	šet	šöt		šit
cloud	xər	xər, sara		xer		meh		her, âva
willow		vi		vi				vi
barley	ya	ja	ža	ža			yav	yava?
apple	sef	sif		sif	sif	sef	sēf	sef
yesterday	zər	zir(i)		zir	izər	zina		zina
day	roz	ruz			nij	nij		riž
below		jir		jyr	jir			ži
to say, past stem	vât-	vât-		vât-	vât-			vot-
to eat	hard-	hard-			hard-			hard-
to sec	vənn-	vünd-		vünd-	vünd-	vünd-		vünd-

Written Sources. As mentioned above, the corpus of "Āzari" materials extant from former centuries can hardly be labelled as distinctly Talishi; they should rather be regarded as a common ancestor of the Tāti-Āzari-Talishi group of dialects (Kirakosyan 2003). In the last two centuries, however, specifically Talishi oral accounts have been collected by foreign travellers and scholars (see below). The natives too have published materials worthy of attention.

Besides Shaikh Şafi's quatrains, there are two mediaeval collections of poems belonging to the *Fahlaviyyāt* genre, which are generally considered Gilaki, but sometimes also Talishi (e. g. Tafazzoli, s. v. "Fah-

lavīyāt”, in *EIr.*): (1) A collection of quatrains attributed to Sayyed Sharaf-al-Din known as Sharafshāh of Dulā’ or Dulāb (i. e., Tāleshdulā[b]), who probably lived in the 13th century (Sharafshāh 1979: introd.; idem 1982: 7-33; for studies, see Madani 1984; 1990: 376); (2) The poems of Qāsem Anvār (d. 837/1433-34) (1958: 342-44, 347; on the poet, see Browne 1928, III: 473-87; for studies, see Tadayyon 1945; Dowlatābādi 1984).

Talishi enjoyed a standard written form only in a short period of early Soviet rule, when, among many other idioms of the Caucasus, it gained official recognition and was taught to school-children. The standard Roman script, devised in the late 1920s, was ruled out a decade later. The educational and political publications from those years,¹⁴ particularly the periodical *Syya Tolāš* ‘Red Talish’, remain an important source for the study of the language, although the Talishi of those years is crammed with neologisms and Russian borrowings. In the post-Soviet era sporadic publications have appeared in Talishi. The periodical *Toleši sado* ‘Voice of Talish’, which began in 1991 and discontinued after its eighteenth issue, features articles in a Cyrillic-based Talishi, as well as in Turkish.¹⁵ There are also individual volumes such as *Yolon syxan/Talyšskie poslovice* (‘Talishi proverbs’, Baku, 1990), and Novruz Mamedov’s *Toleši armağon* (1993).

The Talishi speakers of Iran too developed interest in publishing their folk literature, especially since the early 1970s.¹⁶ An early example is a versified account (*manzumeh*) by Farāmarz Masrur in 1973, supplemented by a glossary of 230 items. Here again, the contribution of ‘Ali ‘Abdoli is major. His *Tarānehā-ye šomāl* includes, among other Caspian dialects, Talishi songs from Shānderman, Rezvānshahr, Punel, Parasar, Dināchāl, and Lavandvil (‘Abdoli 1989a: 35-152), accompanied by a glossary (: 259-282). The songs he collected from paddy fields (idem 1989b) appear in Roman transcription. The Talishi section of ‘Abdoli’s anthology (2001a) includes poems from the past (Āzari?: 39-53), contemporary Lankorāni (:54-86), as well as ‘Anbarāni, Asālemi, Māsāli, Tāleshdulā’i, Khushābari, and Fumani (: 87-141), all rendered in Perso-Arabic script, accompanied with the Persian translation. ‘Abdoli’s own verses appear in *Āftāvajār* (1991), a collection of 33 Talishi and Tāti poems. Additionally, specimens of Talishi appear in other volumes published by ‘Abdoli (esp. 1984, 1990,

¹⁴ Miller (1953: 12) lists sixteen books and booklets published during 1931-35.

¹⁵ ‘Abdoli 2001: 34f., 49. The periodical seems to have recently begun republishing (*Fashnāma-ye tahqiqāt-e Tāleš* 1/1, 2001: 149).

¹⁶ A number of local poets are introduced in ‘Abdoli 1999.

1999b). Another recent publication is Nāser Hāmedi’s *Ān-ba-rā* (1999), with seventeen Talishi poems in the dialect of Māsāl supplemented by Persian translation. Moreover, Talishi verses appear sporadically in various periodicals of Gilān, and surely in *Viže-ye Tāleš* and *Fashnāma-ye tahqiqāt-e Tāleš* (see above).

It should be noted that on the Persian side, Talishi has never had a standard orthography. The Roman transcription is occasionally used without keeping to any logical uniformity of rules (see, e. g. *Viže-ye Tāleš*, no. 3).

Basic Overviews. Major bibliographical outlines have appeared in successive reference works on Iranian dialectology: Wilhelm Geiger in *Grundriss* (1898-1901), H. W. Bailey (1936), Georg Morgenstierne in *Iranistik* (1958: 173 f.), Iosif M. Oranskij (1960, 1963), Georges Redard in *Current Trends in Linguistics* (1970), Pierre Lecoq in *GLI* (1989: 299 ff.), and L. Pirejko in the *Osnovy* (1991). Recent bibliographies in Madani (1990), ‘Abedi 1993, and ‘Abdoli (2001a: 37-49), though incomplete and inaccurate, are the only available Persian compilations.

Earlier Studies. One of the earliest travellers and scholars who tried to identify ethnic groups by collecting data on their life and language is Eduard Eichwald (1834: 436f.), who included in his travel notes a list of 35 Talishi and Gilaki words.

A notable collector of the folk traditions of northern Iran was the Polish scholar Aleksander Borejko Chodzko, who published important Talishi materials: specimens of popular songs in Talishi, in Roman transcription, with extensive notes on the vocabulary (1842: 556-567) and translation (: 506-510). In Chodzko 1852 we find Talishi songs along with those collected from Gilān and Mazandaran. Materials gathered by Chodzko were used by the Russian Orientalist Il’ya Nikolaevich Berezin, who introduced a grammar (1853, I: 24-57), a glossary (I: 24-55), songs (II: 38-46, taken from Chodzko), and a Persian-Talishi-Gilaki-Mazandarani vocabulary of about 200 glosses (III: 2-7). In spite of the inaccuracies and limitations, the contributions by Chodzko and Berezin are considered pioneering efforts in Iranian dialect studies. A contemporary of the latter scholars was P. F. Riss (1855), who wrote a thirty-page Talishi grammar, followed by some 250 words, 70 verbs, and 40 short sentences and a few songs.

In his travel report on the Caucasus and southern Caspian shores, Dorn (1862: 363) mentions that he requested Ebrāhim Beyk of Lankorān to compile a Talishi-Russian glossary and a grammatical sketch

of the dialect. The results have never been published but are reportedly kept at the Shchedrin library (Madani 1990: 363, 373). In his *Caspia* (1875), Dorn pays extra attention to Talishi, along with Tati, Mazandarani, and Gilaki (: 217-220).

The fifth volume of Jaques de Morgan's *Mission scientifique en Perse* (1904) contains valuable Talishi materials: a list of 769 words from the subdialects of Kargānrud and Lankorān (: 261-279), a short grammar (: 280f.), and the text "Contes en Lenkorāni" (: 282-287), dated 16 Zu'l-qa'da 1307/1890, compiled by a local scribe upon Morgan's request. Morgan's linguistic study received a negative review by Oscar Mann (1926: xxiii).

In spite of limitations and inaccuracies, the nineteenth-century studies bore great achievements in Iranistics in general and Talishi studies in particular. This statement is confirmed when we compare the first mention of Talishi in the Russian relevant literature as "one of the six types of Persian"¹⁷, with the state of knowledge on the idiom in the turn of the century as appears in the *Grundriss*, where Wilhelm Geiger (1898-1901) offers his groundbreaking comparative study of the Caspian *Sprachbund* (Tati, Talishi, Gilaki, Mazandarani, and Semnāni¹⁸) collectively illustrating their diachronic affinity (I/2: 344-380). The following introductory remarks by W. Geiger about the classification of the dialects include an outline of the phonology, nominal system, pronouns, and verbs, together with a more or less short account of word-formation. In addition to the published works, in his bibliography Geiger cites (: 345) two unpublished works: Talishi texts and a glossary kept as manuscript Or. no. 932 at St. Petersburg University, from which Paul Horn had extracted Talishi data for himself; and a Talishi grammar and glossary (as noted in *Journal of Royal Asiatic Society Journal* 20, 1862-63: 64). W. Geiger was also able to refer in part to unpublished material collected and examined by Bernhard Dorn and Carl Salemann of the Imperial Academy of Sciences in St. Petersburg.

The following early collections are probably never published. Rabino claims to have collected a large corpus of folk tales and songs

¹⁷ Starčevskij's *Spravočnij enciklopedičeskij slovar*, St. Petersburg, 1848, s.v. "Talyš".

¹⁸ Based on more recent scholarship, Semnāni should not be linked so closely with this group. According to Asatrian (Manuscript), Taleshi shares a series of important lexical, phonetic, and grammatical isoglosses with the dialects of the Near Caspian and Aturpatakan regions, irrespective of their North-West or South-West dialectal affiliation (Āzari, the language of the so-called *Fahlavjyāt*, Zaza, Gorani, Tati, etc.). He defines this continuum of dialects as Near Caspian-Aturpatakan Sprachbund of the Iranian dialects (Asatrian, *Manuscript*; idem 1995: 410).

in Gilaki and Talishi during the first decade of the 20th century (Rabino 1943-44: 52). We know from the proceedings of the International Congress of Linguists in 1938 ('Abdoli 2001: 39), that the Swiss Orientalist E. Baer collected in his 1932-33 trip to Iran some 12,000 words from various dialects, some from Gilān, including the Talishi of Asālem.

Studies on Northern Talishi. Soviet scholars followed their Russian predecessors in collecting and studying Talishi dialects within the borders of Soviet Union. An early Soviet study is that of Nicolas Marr (1922), which is now considered outdated, as it is written in keeping with his "theory of language".

A comprehensive study of Talishi is provided in Miller's two major works. His *Talishi texts* (1930), collected in his trips of 1902 and 1925 to Lankorān, includes a body of short tales, popular songs, long stories, idioms, folk medicine, cooking recipes, and poems, supplemented by a Talishi-Russian-French glossary of over 2000 words,¹⁹ which does not exclude numerous Turkish and literary Persian loans. Miller's *Talishi language* (1953) is a fundamental source for the study of northern dialects of Talishi. In addition to an intensive treatment of the grammar, it has a section on the historical-comparative study of the language, substantiating the close affinity of Talishi and Āzari, including the transcription of the twenty quatrains (*dobeytis*) of Shaikh Šafi of Ardabil. The book is supplemented by three passages from the *Sein sor* 'third-grade' school text (1931), Talishi translation of the *Communist Manifest*, and certain speeches of Joseph Stalin (: 241-253).²⁰

Sokolova (1953: 104-117) challenged Miller on the phonology of various Talishi dialects. In her book she provides texts from Lankorān and Zuvand, proposing her own system of phonemes (: 117-121).

The Pirejko's Talishi-Russian and Russian-Talishi dictionary (1979) is based on the texts published by Miller and other Soviet scholars, as well as the vocabulary in the periodical *Szya Tolš*. Having 6,600 words, it is the most inclusive glossary on northern Talishi. The dictionary is supplemented by a grammatical sketch (: 321-352), an updated version of which appears in the *Osnovy*²¹ (Pirejko 1991). Again

¹⁹ Some 2370 entries from this glossary are reproduced on the Internet site www.talishica.org, which also has the digitised versions of two other glossaries: a Talishi-Russian-English-Azeri Turkish (ca. 600 entries), and a Russian-Talishi.

²⁰ Miller has at least one article on Talishi: "On the Suffix -i in the Talishi Substantives" (1948; cited in Oranskij 1975), which should have been incorporated in his 1953 monograph.

²¹ A pure compilation including mostly outdated materials, as most of the volumes appeared in this Series (see Asatrian 2001).

by Pirejko there are a university dissertation (1956), a comparative study of the ergative construction in Kurdish and Talishi (1961), and a summary of Talishi in the *Languages of the Peoples of the USSR* (Pirejko 1966: 302-322).

Major studies by the natives of the Soviet Talish include Mamedov's (1971) dissertation on the dialect of Shuvi, and Rajabov's (1992) Talishi-Turkish dictionary of about 5,000 entries. Several more studies have been published in recent years ('Abdoli 2001: 47).

A recent study of the language by Schulze 2000, based chiefly on an oral account from the village Shuvi, employs modern linguistic theories, as well as statistical methods, concentrating on the features of actance typology to explain the architecture of the "operating system" of the language and the emergence of split structures from both typological and cognitive perspectives. The diachronic handling of the idiom, however, is not without major flaws (Borjian 2004; see also Guizzo 2002).

Studies on the Talishi of Iran. It was only after the completion of studies on the Talishi of the northern territories that scholarly publications on the Persian side began—a process that is still underway. We may recall that, compared with the north, in which a standard form of the language was established in the 1930s, in Iran the dialectal variation is much more pronounced, with the presence of all the three groups of dialects, i. e. southern, central, and northern. Nevertheless, no serious study aiming at an identification of the subdialects is conducted, save for brief isoglottic surveys of Bazin (1979, 1980, 1981), as noted above.

Only two dialects are studied in some detail. Gilbert Lazard's study is based on the data collected in 1949 from Māsule and consists of a grammar (1978), texts with French translation (1979a), and a glossary of 430 words (1979b). Subsequently, there is a detailed grammar of Asālemi by Ehsan Yarshater (1996), of which the texts and glossary remain to be published. So are the linguistic materials collected before the Islamic Revolution of 1979, from other districts of Talish by the same author, who has studied also two Tāti dialects closest to Talishi: those of Shāhrud of Khalkhāl (1959) and Kajal (1960), as well as the Southern Tāti group (1969). To these one may add Tetsuo Nawata's brief study (1982) of the dialect of the village Lung in Māsāl. Worth mentioning is also Windfuhr's (1987) study of the convergence of Talishi with Turkish.

Since our intention is to introduce *all* publications on Talishi, non-scholarly works are included as well. 'Ali 'Abdoli's *Farhang* (1984b) in-

vestigates the Talishi of Tāleshdulā(b), a sub-dialect of its administrative centre, Rezvānshahr (formerly Rezvāndeh), in the first edition (1984; reviewed by Sādeqi 1984), and that of the village of Ardajān in the second (2001b; reviewed by Rezāyati 2002). The Talishi entries are compared with the Tati of Kolor, the administrative centre of Shāhrud in the Khalkhāl *šahrestān* of Ardabil province. The *Farhang*, however, includes more than what its name claims. The section on grammar (: 65-119), taking into account the dialects of Tāleshdulāb, Kolor, Khushābar, and Lavandvil (the northernmost subdialect of the Iranian Talish), is unfortunately unmethodical and hence of limited merit. The book is further extended by a short glossary of Āzari from available texts (: 281-305), a Lankorāni-Tāleshdulā'i-Persian glossary (: 309-353), an index of the Tāti words appearing in the body of the dictionary (: 357-395), and finally a list of Talishi and Tāti idioms (: 399-467). In spite of amateurishness, the book may serve to identify certain subdialects, on account of insufficient scholarly studies on Talishi dialects of Iran.

Some other natives of Talish contributed to the field by writing university theses on the dialects of Khushābar (Hājatpur 1990a; also 1997, 2003), Tāskuh of Māsāl (Naghzgu 1995; also 1996), Māsule (Mohammadizadeh 1996), and Parasar (Rezāyati); and on Talishi phonology (Sheykh Sang 2001) and Talishi clothing (Khādemi 1997).²² Many of these studies suffer methodical problems, and the most detailed parts of their treatment are limited to the features the dialects share with standard Persian, being thus of limited value. One should not forget that Talishi, as most other living Iranian languages and dialects, is heavily influenced by Persian throughout the history, and, therefore, the dialectologists should give priority to the authentic traits rather than indiscriminately treat every grammatical part, as if the language of an entirely autonomous culture were being studied.

The studies on the Talishi dialects of Iran can be summarised as follows: 'Anbarān (Amiriān 2001), Asālem (Yarshater 1996; Rezāyati 2003 (Nāvrud)), Tāleshdulā(b) ('Abdoli 1984, 2001b; Hājatpur 1997; Rezāyati (Parasar); idem 2003 (Šafārud of Punel); Guizzo (Rezvānshahr)), Khushābar (Hājatpur 1990a, 2004), Māsāl (Nawata 1982; Naghzgu 1995, 1996 (Tāskuh)); Māsule (Lazard 1978-79; Mohammadizadeh 1996).²³

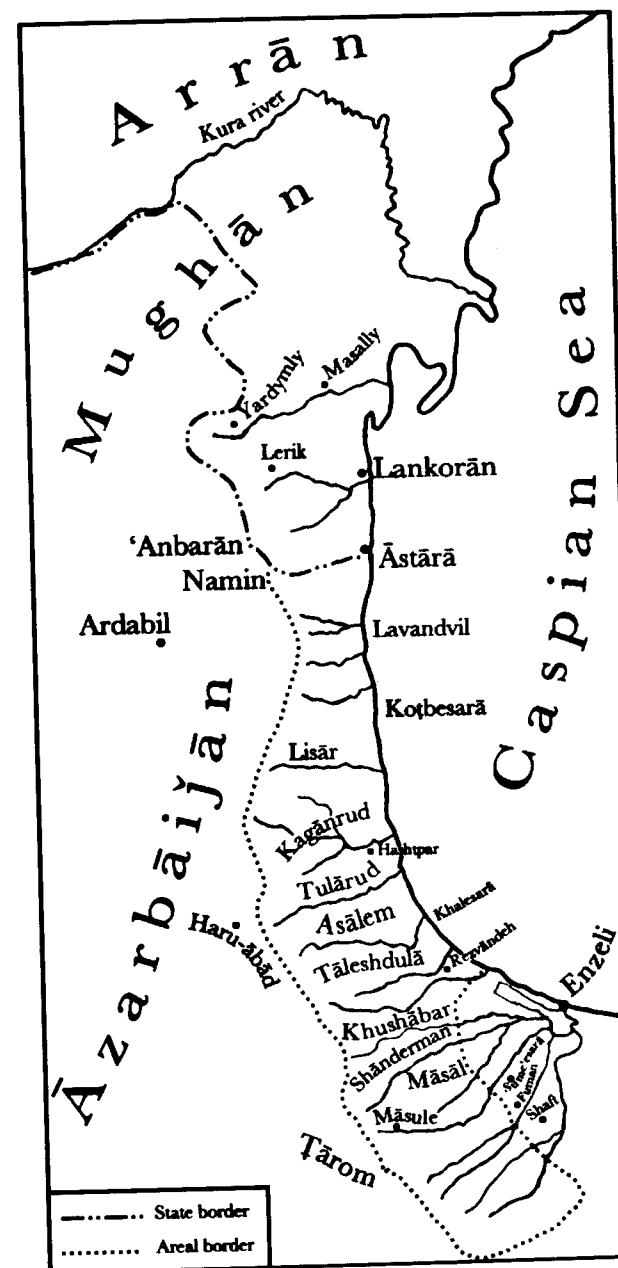
²² See also Āzmude 1994; 1996a,b; 1998 (terminology of rural economy, birds, etc.); Masrur 1998; Vaqāsi Lemar 1998 (rice cultivation); Pur-Mohammadi Amlashi 1999; Rafi'i and Mirzājān 2001.

²³ Danielle Guizzo is writing a dissertation in Naples on Talishi.

Conclusion

The state of research on the land and people of Talish may best be characterised as uneven. Marcel Basin's thorough studies cover a wide range of subjects, including natural and economic geography, demography, and material culture of the Iranian part of Talish. Nonetheless, studies on subjects such as Talishi tribes, the ethnic history of the Talishis, folklore, and spiritual culture are far from being complete. Having been out of the reach of professional ethnographers for the most part of the 20th century, time when the methodical anthropology established itself as an independent scholarly discipline, the former Soviet part of Talish remains largely unknown to the current scholarship. Moreover, little is known about the modern history of Talish.

Concerning the language, the matter of collecting dialect materials is far more complete for the northern part of Talish, the dialectal variation of which is much less pronounced than that of the south, where the dialects and subdialects of Lisār, Kargānrud, Tulārud, Khushābar, Shānderman, etc. remain largely unexplored. Not only detailed analysis of each dialect, but also a comparative study of the Talishi dialects and their relationships with the neighbouring Tati and Āzari idioms is yet to be conducted.

Map of Talish
(Habib Borjian & Uwe Blasing)

BIBLIOGRAPHY

- 'Abdoli, 'Ali, *Tālešihā kistand?* [Who are the Talishis?], Enzeli, 1363/1984a.
- , *Farhang-e tāti o tāleši* [Dictionary of Tāti and Talishi], Enzeli, 1363/1984b.
- , (ed.), *Tarānehā-ye šomāl: sorudahā-yi az šā'erān-e bināmonēšān-e Gilān o Māzandarān* [Caspian songs from anonymous poets of Gilan and Mazandaran], Tehran, 1368/1989a.
- , "Tarānehā-ye šālizār [Songs of the rice paddies]", Rahim Cherāghi, (ed.), *Sedā-ye šālizār: majmu'e-ye šer' o maqāl darbāre-ye berenj o berenj-kāri* [The voice of the paddies: Collection of articles on rice and its cultivation], Rasht, 1368/1989b: 93-104. (Reprinted in 'Abdoli 1990: 63-77).
- , *Tāriḫ-e Kadūshā*, Rasht, 1989c.
- , *Matāleb-i dar zamīne-ye tāriḫ, farhang o jāme'e-ye Tāthā va Tālešān* [On the culture and society of the Tāts and the Talishis], Tehran, 1369/1990.
- , *Āftāvajār* [The author's poems in Talishi and Tāti], Tehran, 1370/1991.
- , *Nazar-i be jāme'e-ye 'ašāyeri-e Tāleš* [An overview of the nomadic society of Talish], Tehran, 1371/1992.
- , "Tāleš dar 'asr-e mašrutīyyat [Talish during the Constitutional Revolution]", Iraj Afšār, (ed.), *Nāmvāre-ye Doktor Mahmud-e Afšār* 10, Tehran, 1377/1998: 5708-5738. (Reprinted in 'Abdoli 1999a: 133-191).
- , *Čahār resāle dar zamīne-ye tāriḫ o joḡhrāfiā-ye Tāleš* [Four treatises on the history and geography of Talish], Rasht, 1378/1999a.
- , *Mašāhīr-e Tāleš* [Famous persons of Talish], Rezvānshahr, 1378/1999b.
- , (ed.), *Adabīyyāt-e Tāt o Tāleš-e Irān o Jomhuri-e Āzorbāyejān* [Tati and Talishi literature in Persia and the Republic of Azerbaijan], Tehran, 1380/2001a.
- , *Farhang-e tatbiqi-e Tāleši-Tāti-Āzari* [Comparative dictionary of Talishi-Tati-Turkish], Tehran, 1380/2001b.
- 'Ābedi, Kāmiār, "Fehrestnāme-ye motāle'āt o tahqīqāt-e pirāmun-e guyeš-e āzari [Bibliography of studies on Āzari dialect]", *Kādeh (viže-ye Tāleš)*, Ordibehešt 1372/1993, Rasht.
- Aglarov, Mamaykhan A., "Talysh", Paul Friedrich, Norma Diamond, (eds.), *Encyclopedia of World Cultures V. Russia and Eurasia/China*, Boston, 1994: 354-357.
- Ahmadi, Hoseyn, *Tālešān: az dowre-ye Safaviye tā pāyān-e jang-e dovom-e Irān o Rus* [The Talish: from the Safavids to the end of the second Russo-Persian war], Tehran, 1380/2001.

- Amiriān, Robābe, *Barrasi-e guyeš-e 'Anbarān* [Study on the dialect of 'Anbarān], M. A. thesis, supervised by Irān Kalbāsi, Dānešgāh-e Azād-e Eslāmi, Tehran, 1380/2001.
- Anserov N. I., *Talyši. Mediko-antropologičeskoe issledovanie*, Baku, 1932.
- Āqājāni Tāleš, 'Abd-al-Karim, *Jostārḫā-yi dar tāriḫ-e Tāleš* [Essays on the history of Talish], 2 vols., Tehran, 1378/1999.
- Asatrian, Garnik, "Dim(i)li: People and Language", *EIr.*, vol. VII/4, 1995: 405-411.
- , *Ētjudy po iranskoj etnologii* [Essays on Iranian Ethnology], Erevan, 1998.
- , [Review of *Osnovy iranskogo yazykoznanija*, II, Moscow, 1997], Iran and The Caucasus, vol. 5, 2001: 247.
- , "The Lord of Cattle in Gilan", *Iran and the Caucasus*, vol. 6/1-2, 2002: 75-85.
- , "Gorūh-e lahjeḫā-ye daryā-ye Khazar va Āzorbāyjān" (Manuscript).
- , V. A. Livshits, "Le système consonantique de la langue kurde", *Acta Kurdica* 1, 1994: 81-108.
- Atlas Azerbajdzanskoj SSR*, Moscow, 1963.
- Āzmude, Shahrām, "Vāzehā-ye tāleši dar berenj-kāri [Terminology of rice cultivation in Talishi]", *Gilevā* 3, 1373/1994: 41-42.
- , "Nāmhā-ye tāleš-e parandegān [Bird names in Talishi]", *Gilevā* 5, 1375/1996a: 45.
- , "Vāzegān-e tāleši dar parvareš-e gāv o gusfand [Terminology of animal husbandry in Talishi]", *Naqš-e qalam*, 1375/1996b: 4.
- , "Nāmhā-ye tāleši [Talishi names]", *Āvā-ye šomāl (Viže-ye tālešihā)*, 1377/1998: 5ff.
- Bailey, H. W., s.v. "Persia, II—Languages and Dialects", *Encyclopaedia of Islam*, 1st ed., vol. 3, 1936.
- , "Ambages Indoiranicae", *AION-L* 1, 1959: 113-146.
- Barthold (Bartol'd), V. V. (W.), s.v. "Talish", *Encyclopaedia of Islam*, 1st ed.
- , *Sočineniya*, tom VII, Moscow, 1976.
- Bazin, Marcel, "Le Tālech et les tālechi: Ethnic et region dans le nord-ouest de l'Irān", *Bulletin de l'Association de Geographes Français*, no. 417-418, 1974: 161-170; Pers. tr. by Sirus Shamisā, "Tāleš o sākenān-e ān", *Majalle-ye Dāneškae-ye adabiyāt o 'olum-e ensāni-e Dānešgāh-e Ferdowsi* 11/3, 1354/1975: 383-401.
- , "La Penetration turque dans les Tālech", *L'acculturation turque dans l'Orient et la Mediterranée*, Colloque international du C.N.R.S., Oct. 1975, Paris.
- , "Les bazars saisonniers de montagne dans le Tāleš", G. Schweizer, (ed.), *Beiträge zur Geographie orientalischer Städte und Märkte*, Wiesbaden, 1977: 201-11.

- , “Le culte des arbres et des montagnes dans le Tâleš (Iran du Nord-Ouest)”, *Quand le crible était dans la paille... Hommage à P. N. Borstlav*, Paris, 1978: 95-104
- , “Recherche des rapports entre diversité dialectale et géographie humaine: l'exemple du Tâleš”, G. Schweizer, (ed.), *Interdisciplinaire Iran-Forschung: Beiträge aus Kulturgeographie, Ethnologie, Soziologie und Neuerer Geschichte*, Wiesbaden, 1979: 1-15.
- , *Le Tâleš: une région ethnique au nord de l'Iran*, 2 vols., Paris, 1980.
- , “Quelques échantillons des variations dialectales du tâleši”, *Studia Iranica* 10, 1981: 111-124, 269-277.
- , “Ethnies et groupes socio-professionnels dans le nord de l'Iran”, in J.-P. Digard, (ed.), *Le fait ethnique en Iran et en Afghanistan*, Paris 1988: 77-88.
- , “Le Tâleš revisité”, *Studia Iranica* 25/1, 1996: 115-134.
- , “La région, cette inconnue... Réflexions sur l'identité régionale dans le monde Turco-iranien”, *Hommes et terres d'Islam: Mélanges offerts à X. De Planhol*, tome II, Téhéran, 2000: 345-359.
- , Bromberger C., *Gilân et Āzarbāyjān oriental: Cartes et documents ethnographiques*, Paris, 1982; Pers. tr. by M. Amin Farshchiān as *Gilân o Āzarbāyjān-e šarqi. Naqšehā va asnād-e mardomšenāsi*, Tehran 1365/1987.
- Berezin, Il'ya Nikolaevich, *Putešestvie po severnoj Persii* [Travel in northern Persia], Kazan, 1852.
- (E. Berésine), *Recherche sur les dialectes persans*, 3 parts, Casan (Kazan), 1853.
- Borjjan, Habib, “Tarkīb-e qowmi-e Qafqāz [Ethnic composition of the Caucasus]”, *Irānšenāxt*, no. 10, Fall 1998: 206-241.
- , “Do ketāb darbāre-ye Tâleš o mašāhir-e ān” [Review of 'Abdoli's *Čahār resāle* (2000) and *Mašāhir-e Tâleš* (1999)], *Našr-e dāneš* 19/2, Summer 1381/2002: 46-50.
- , [Review of Schulze 2002], *Iran and the Caucasus*, vol. 8/2, 2004: 165-168.
- Browne, Edward, *A Literary History of Persia*, 4 vols., Cambridge, 1928.
- Chodzko, Aleksandr (Alexander) Borejko, *Specimens of the Popular Poetry of Persia as found in the Adventures and Improvisations of Kurroglou, the Bandit-minstrel of Northern Persia; and in the Songs of the People inhabiting the Shores of the Caspian Sea. Orally collected and translated, with philological and historical Notes*, London, 1842; 2nd ed., London, 1964.
- , “Chants populaires des côtes méridionales de la mer Caspienne: dialectes ghilek, taliche et mazendérani”, *La revue orientale et algérienne* 3/4, 1852: 441-465.
- Chursin, G. F., “Talyši (Etnografičeskie zametki)”, *Izvestiya Kavkazskogo istoriko-arxeologičeskogo obščestva*, vol. 4, Tiflis, 1926: 16-45.

- CLI = *Compendium Linguarum Iranicarum*, ed. Rüdiger Schmitt, Wiesbaden, 1989.
- Dabir-siyāqi M. (ed.), *Hamd-Allāh Mustaufi Qazvīni, Nuzhat al-qulūb*, Tehran, 1381/2003.
- Dorn, Boris Andreevich, “Bericht über eine wissenschaftliche Reise in dem Kaukasus und den südlichen Küstenländern des kaspischen Meeres”, *Bulletin de l'Académie Imp. de Sciences de St.-Petersbourg* IV, 1862: 344-377.
- , *Beiträge zur Kenntnis der iranischen Sprachen*, II Teil., St.-Petersburg, 1866.
- , “Caspia. Über die Einfälle der alten Russen in Tabaristan” [originally in Russian], *Mémoire de l'Académie Imp. de Sciences de St.-Petersbourg*, VIIe série, t. XXXIII, no. 1, St.-Petersburg, 1875.
- Dowlatabādi, 'Aziz, “Aš'ār va molamma'āt-e gilaki-e Qāsem-e Anvār [Gilaki poems of Qāsem Anvār]”, *Āyande* 10/8-9, 1363/1984: 553-56.
- D'yakonov, I. M., *Istoriya Mīdii ot drevnejšix vremen do konca IV veka do n.e.*, Moscow-Leningrad, 1956.
- , “K metodike issledovanij po etničeskoj istorii (“Kimmerijcy)”, *Etničeskie problemy istorii Central'noj Azii v drevnosti*, Moscow, 1981: 90-101.
- Eichwald, Eduard, *Reise auf dem Kaspischen Meere und in den Kaukasus (1825-1826)* I, Stuttgart, 1834.
- Elr. = *Encyclopaedia Iranica*, ed. Ehsan Yarshater, New York, 1982ff.
- Fraser, James B., *Travels and Adventures in the Persian Provinces on the Southern Banks of the Caspian Sea*, London, 1826.
- Geiger, Wilhelm, “Die kaspischen Dialekte”, W. Geiger, E. Kuhn, (eds.), *Grundriss der iranischen Philologie*, Strassbourg, 1898-1901, vol. I, part 2: 344-380.
- Guizzo, D., “Motāle'āt-e dānešmandān-e šuravi darbāre-ye guyeš-e tāleši [Studies of Soviet scholars on the Talishi dialect]”, Hassan Rezai Baghbidi, (ed.), *Proceedings of the First Seminar of Iranian Dialectology* (2001), Tehran, 2002: 491-497.
- Hājatpur, Hamid, *Barrasi-e guyeš-e tāleši (dehestān-e Khušābar)* [Investigation of the Talishi dialect of Khushābar], M. A. thesis, guided by 'Ali-Ashraf Sādeqi, Dept. of Language and Literature, Dānešgāh-e Azād-e Eslāmi, Central Tehran Branch, 1369/1990a.
- , “Āzari yā tāleši”, *Majalle-ye zabānšenāsi* 7/2, 1369/1990b: 59-62.
- , “Guyeš-e tāleši [of Tāleshdulāb]”, *Majalle-ye zabānšenāsi* 12/1-2, 1374/1995 (published in 1376/1997): 96-112.
- , *Zabān-e tāleši (guyeš-e Xušābar)*, Dushanbe, 1382/2003; repr. Rasht, 1383/2004.
- Hāmedi, Nāser, *Čan-ba-rā* [Talishi poems], Tehran, 1378/1999.

- Henning, W. B., "The Ancient Language of Azerbaijan", *Transactions of the Philological Society*, London, 1954: 157-177.
- Ḥesām al-Saltāneh, Ab-ol-Naṣr Mirzā, *Safar-nāme-ye Tavāleš*, Tehran, 1968.
- Hübschmann H., *Armenische Grammatik*, 1. Teil, Leipzig, 1897.
- Izmajlova, A. K., "Iz istorii razvitiya žilišča yugo-vostočnyx rajonov Azerbajdžana [From the history of the development of the dwelling places in the south-eastern regions of Azerbaijan]", *Azerbajdžanskij etnografičeskij sbornik*, Baku, 1977.
- Ketāb-e Gilān* [Book of Gilān], ed. Ebrāhim Eslāh-'Arabāni, 3 vols., Tehran, 1374/1995.
- Ketābšenāsi-e Gilān* [Bibliography of Gilān], ed. Mohammad-Taqi Pur-Ahmad Jaktāji, Fereshte Tālesh-Ensāndust, and Sayyed-Hasan Ma'sumi-Eshkavari, 2 vols., Rasht, Sāzmān-e barnāme va budje, 1368-70/1989-91.
- Khādemī Arde, Ebrāhim, *Farhang-e albasa-ye Tāleš* [Glossary of Talishi clothing], M. A. thesis, supervised by Esmā'il Hākemi, Dānešgāh-e Azād-e Eslāmi, Tehran, 1376/1997.
- Kirakosyan, Hasmik, "Soxani darbāre-ye zabān-e kohān-e Azarbāyjan", *Back to Erānšahr: Festschrift for Garnik Asatrian*, Yerevan, 2003: 35-39.
- , "The Common Characteristics of the Textual Attestations of Azari", *Society, History and Culture in the Persianate World* (Abstracts), Yerevan, 2004a: 73.
- , *Azarin, Atrpatakani hin lezun* [Azari, the ancient language of Aturpatakan] (PhD dissertation), Dept. of Iranian Studies, Yerevan State University, 2004b.
- Lazard, Gilbert, "Le dialecte tāleši de Māsule (Gilān)", *Studia Iranica* 7/2, 1978: 251-268.
- , "Textes en tāleši de Māsule", *Studia Iranica* 8/1, 1979a: 36-66.
- , "Glossaire māsulei", *Studia Iranica* 8/2, 1979b: 269-275.
- Lecoq, P., "Les dialectes caspiens et les dialectes du nord-ouest de l'Iran", *CLL*: 296-312.
- Madani, Rezā, "Pir-e Sharafšāh o negāh-i be Divān-e bāzyāfte-aš", Rezā Rezāzāde Langarudi, (ed.), *Yādegār-nāme-ye faxrā'i*, Tehran, 1363: 757-779.
- , "Ketābšenāsi o barrasi-e vāženānehā, dasturnānehā va neveštehā-ye gilaki o deylami o tāleši, az sade-ye haštom tā konun [Bibliography and study of glossaries, grammars and writings in Gilaki, Deylami and Talishi since 14th century]", *Gilān-nāmeḥ II*, Rasht, 1369/1990: 336-395.
- Mamedov, N., *Šuvinskij govor talyšskogo jazyka* [Talishi dialect of Shuvi], (PhD dissertation), Baku, 1971.
- , *Toleši armağon* [Souvenir from Talish], Baku, 1993.

- Mann, Oscar, *Kurdisch-persische Forschungen*, pt. 3, vol. 1, Berlin, 1926.
- Marquart, J., *Osteuropäische und ostasiatische Streifzüge*, Leipzig, 1903.
- Marr, N., *Talyšī*, Petrograd, 1922.
- Masrur, Farāmarz, *Manzume-ye Khandila Pešt, tāleši* [The Talishi versified story of Kandila Pesht], s. 1. (Rasht?), 1352/1973.
- , "Gostardegī-e vāzegān-e tāleši", *Āvā-ye šomāl (Viže-ye tālešihā)*, 1376/1997: 6f., 1377/1998: 9.
- Miller, Boris Vsevolodovič, "Predvaritel'nyj otčet o poezdke v Talyš letom 1925 g. [Preliminary report on a journey to Talish in the summer of 1925]", *Izvestiya obščestva obsledovaniya i izučeniya Azerbajdžana*, Baku, 1926, no. 1: 24-36.
- , *K voprosu o yazyke naseleniya Azerbajdžana do otvorenija etoj oblasti*, Moscow, 1930.
- , *Talyšskie teksty* [Talishi texts], Moscow, 1930.
- , *Talyšskij jazyk* [The Talishi Language], Moscow, 1953.
- Mirzā Ahmad Lankorāni's *Axbār-nāmeḥ* [Book of information], ed. 'Ali 'Abdoli, Tehran, 1380/2002.
- Mirzā Ebrāhim, *Safarnāme-ye Astarābād o Māzandarān o Gilān...*, ed. by Mas'ud Golzāri, Tehrān, Bonyād-e Farhang-e Irān, ser. no. 238, 2535/1977.
- Mohammadizadeh Khoshru, Yussef, *A Description of Taleshi Dialect of Masuleh*, M. A. thesis, guided by S. Rāzbarnia, Dept. of Linguistics, University of Shiraz, 1996.
- Morgan, Jacques de, *Mission scientifique en Perse*, 5 vols., Paris, 1894-1904.
- Morgenstierne, Georg "Neu-iranische Sprachen", Bertold Spuler (ed.), *Handbuch der Orientalistik* 1/4, i. *Iranistik: Linguistik*, Leiden, 1958: 157-178.
- Naghzgu-Kohan, Mehrdād, *Barrasi-e guyeš-e Tāleš (dehestān-e Tāskuh-e Māsāl)* [Study on the Talishi dialect of Tāskuh, a village district of Māsāl], M. A. thesis, guided by 'Ali-Mohammad Haqshenās, Dept. of General Linguistics, University of Tehran, 1374/1995.
- , "Towsif-e sāxtmān-e fe_l dar guyeš-e tāleši-e dehestān-e Tāskuh-e Māsāl [Description of verb structure in the Talishi dialect of Tāskuh]", *Majalle-ye zabānšenāsi* 11/1, 1373 (published 1375/1996): 38-57.
- Nawata, Tatsuo, "The Masal Dialect of Talishi", *Acta Iranica* 22, Leiden, 1982: 93-117.
- Oranskij, Iosif M., *Vvedenie v iranskuyu filologiju*, Moscow, 1960.
- , *Iranskie jazyki*, Moscow, 1963; tr. Les langues iraniennes, by Joyce Blau, Paris, 1977; and *Zabānhā-ye Irāni*, by 'Ali-Ashraf Sādeqi, Tehran, 1378/1999.

- , *Die neuiranischen Sprachen der Sowjetunion*, translated by Werner Winter from the 1969 Russian edition, The Hague, 1975.
- Firejko, L. A., *Sravnitel'naya xarakteristika prošedšix vremen perexodnyx glagolov v kurdskom i talyšskom yazykax*, Dissertaciya, 1956, Moscow.
- , “Ergativnaya konstrukciya v kurdskom i talyšskom yazykax”, *Kratkie soobščeniya Instituta narodov Azü SSSR* 30, 1961: 86-94.
- , “Talyškij yazyk [Talishi language]”, *Yazyki narodov SSSR*, Moscow, 1966: 302-322.
- , *Talyško-russkij slovar' [Talishi-Russian Dictionary]*, Moscow, 1976.
- , “Talyškij yazyk. Dialekty tati Irana”, *Osnovy Iranskogo yazykoznanija*, tom V. Novoiranskije yazyki, Moscow, 1991: 91-175.
- Pur-Mohammadi Amlashi, N., “Āvā-ye vāžegān”, *Āvā-ye šomāl (Viže-ye tālešihā)*, 1378/1999: 16ff.
- Qāsem Anvār, *Kolliyāt*, ed. S. Nafisi, 2nd ed., Tehran, 1337/1958.
- Rabino, H. L., *Les provinces caspiennes de la Perse. Le Guilan*, Paris, 1917; pers. Transl. by Ja'far Khomāmizāde as *Velāyāt-e Dār al-marz-e Gilān*, Tehran, 1350/1971.
- , “Čegunegi-e gozaštan-e owqāt-e farāghat-am dar Irān”, *Ruzegār-e now [London-New York]* 3/4, 1943-44: 48-58.
- Radde, Gustav, “Talyšch, das Nordwestende des Alburs und sein Tiefland. Eine physiko-geografische Skizze”, *Petermanns Mitteilungen aus Justus Perthes' Geographischer Anstalt* 31, 1885: 254-267, cited by Geiger: 345
- , *Reisen an der persisch-russischen Grenze. Talyšch und seine Bewohner*, Leipzig, 1886.
- Rafi'i-'Ali, Ma'sume Mirzājān, “Vākehā-ye zabān-e tāleši”, *Naqš-e qalam (viže-ye tāleš-šenāsi)*, no. 3, 1380/2001: 3-8.
- Rajabov, Abulfazl, *Šogirdi tolyši-tyrki ljugat* [Talishi-Turkish apprentice dictionary for students], Baku, 1992.
- Redard, Georges, “Other Iranian Languages”, Thomas A. Sebeok (ed.), *Current Trends in Linguistics IV. Linguistics in South West Asia and North Africa*, The Hague, 1970: 97-135.
- Reichelt H., “Iranisch”, *Die Erforschung der indogermanischen Sprachen*, Bd. 4, 2. Hälfte, Berlin-Leipzig, 1927: 1-84.
- Rezāyati-e Kišekhāle, Moharram (or Mahram), *Towsif-e guyeš-e tāleši* [Description of the Talishi [of Parasar]], M. A. thesis, Mashhad University, s. a.
- , [Review of 'Abdoli 2001b], *Guyeš-šenāsi* 1/1, 2002: 127-134.
- , “Čand nokte-ye dasturi dar guyeš-e tāleši [Grammar notes on the Talishi of Shafārud in Punel and of Nāvruđ in Asālem]”, *Guyeš-šenāsi* 1/1, 2003: 41-52.

- Riss, P. F., “O talyšintcax, ix obraze žizni i yazyke [The Talishis, their life and language]”, *Žapiski Kavkazskogo Otdelenia imperatorskogo russkogo geografičeskogo obščestva*, vol. 3, Tiflis, 1855: 1-72.
- Sādeqi, 'Ali-Ashraf, [Review of 'Abdoli 1984], *Majalle-ye zabānšenāsi* 1/2, 1984: 109-111; reprinted in idem, *Negāh-i be guyeš-nāmeḥā-ye irāni*, Tehran, 1379/2000.
- Sbornik materjalov dlya opisaniya mestnostej i plemen Kavkaza* [Collection of materials on the localities and tribes of the Caucasus] 20/2, Tiflis, 1894: 17-24.
- Schmidt M. G., *Die Nebenüberlieferungen des 6. Buchs der Geographie des Ptolemaios. Griechische, lateinische, syrische, armenische und arabische Texte*, Wiesbaden, 1999.
- Schmitt, Rüdiger, “Cadusii”, *EIr.*, s. v.
- Schulze, Wolfgang, *Northern Talysh*, Munich, 2000.
- Sharafshāh Dulā'i, *Divān*, ed. M.-'A. Sowti, BFI, Tehran, 1358/1979.
- , *Divān-e kučak*, ed. A. Savār-e Rakhsh, Tehran, 1361/1982.
- Sheikh Sang Tajan, Shahin, *Barrasi-e 'anāser-e vājšenāxti-e guyeš-e tāleši* [Study on Talishi phonology], M. A. thesis, guided by Mahmud Bi-jankhān (sic!), University of Tehran, 1380/2001.
- Simonyan, H., *Patmut'ūwn Aleksandri Makendonac'woy*, Erevan, 1989.
- Sokolova, V. S., *Očerki po fonetike iranskix yazykov. I beludžskij, kurdsnij, talyškij, tatskij yazyki* [Studies on the phonetics of Iranian languages. I. Baluchi, Kurdish, Talishi, Tati[-Persian] Languages], Moscow, 1953.
- , *Issledovaniya po fonetike iranskix yazykov*, Doctoral dissertation, Leningrad, 1954.
- Sotudeh, Manuchehr, *Az Astārā tā Estārābād I/1: Ašār o banāhā-ye tārixi-e Gilān-e Bie-pas*, Tehran, Anjoman-e Ašār-e Melli, 1349/1970.
- Spisok narodnostej S.S.S.R.*, pod redakcij I. I. Zarubina, Leningrad, 1927.
- Stilo, Donald L., “The Tati Language Group in the Socio-linguistic Context of North-west Iran and Transcaucasia”, *Iranian Studies* 14/3-4, 1981: 137-187.
- Ṭabarī, *Annales quos scripsit Abu Djafar Mohammed ibn Djarir at-Tabari*, cum aliis ed. M. de Goege, Lugduni Batavorum, series I, t. I-VI, 1879-1890.
- Tadayyon, 'Atā'-Allāh, “Qāsem-e Anvār o ghazal-i ke be zabān-e gilaki sorud”, *Armaghān* 26/4, 1324/1945: 342-344.
- Ter-Abrahamian, Hrant, “On the Formation of the National Identity of the Talishis in Azerbaijan Republic”, *Iran and the Caucasus*, vol. 9.1, 2005: 121-144.

- Vaqāsi Lemar, Teymur, "Vāzehā-ye tāleši dar šālikāri", *Āvā-ye šomāl (viže-ye tālešihā)*, 1377/1998: 9.
- Vil'čevskij, O. L., "Gilyaki, galeši, talyši", N. A. Kislyakova, ed., *Narody perednej Azii*, Moscow, 1957: 225-241.
- Weidenbaum, E., *Putevoditel' po Kavkazu*, Tiflis, 1888.
- Windfuhr, Gernot, "Convergence. Iranian Talishi and Turkic Azari", *Selected Papers from SALA-7. South Asian Roundtable Conference*, Bloomington, Ind., 1987: 385-405.
- Yarshater, Ehsan, "Tālish", *Encyclopaedia of Islam*, 2nd ed., vol. 10.
- , "The Iranian Language of Azerbaijan", *Encyclopaedia Iranica*, s.v. "Azerbaijan, vii".
- , "The dialect of Shāhrud (Khalkhāl)", *Bulletin of the School of Oriental and African Studies*, 22/1, 1959: 52-68.
- , "The Tāti Dialect of Kajal", *Bulletin of the School of Oriental and African Studies*, 23/2, 1960: 275-286.
- , *A Grammar of Southern Tati Dialects*, The Hague, 1969.
- , "The Tāleši of Asālem", *Studia Iranica* 25/1, 1996: 83-113.
- Ziegler, Susanne (with H. Humbach), *Ptolemy Geography, Book 6 (Middle East, Central and North Asia, China)*, part 1, Wiesbaden, 1998.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	5
Глава I	
О происхождении талышей: Кадусии и талыши	9
Глава II	
Талыш — страна талышей	13
Приложение	
Топонимия	19
Глава III	
Население	25
Приложение	
Азербайджанская статистика о численности талышей и прочих нацменьшинств	29
Глава IV	
Следы древнейших цивилизаций на территории Талыша	37
Глава V	
Талыши в XIII-XIX вв.	43
Приложение	
Бабек Хуррамдин	61
Глава VI	
Страницы новейшей истории: Талыш-Муганские Республики	67
Глава VII	
Религия и народные верования	73
Глава VIII	
Этнография	89

Приложение	
Поведенческие стереотипы современных талышей	97
Глава IX	
Народное искусство	99
Глава X	
Язык и литература	105
Библиография	111
ДОПОЛНЕНИЕ	
G. Asatrian, H. Borjian, TALISH AND THE TALISHIS.....	121